
СССР
ПИОНЕР 3
МАРТ ● 1975 ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

В марте проходит Неделя детской музыки. В эти дни музыки будет особенно много: песни, музыкальные спектакли, новые грамзаписи, концерты, встречи с композиторами, музыкантами, певцами. Надеемся, что вы, ребята, станете не только гостями, но и активными участниками праздника музыки.

С чего начинается музыка

Если я спрошу вас, с чего начинается музыка, вы наверняка ответите мне: с музыкального произведения, с того, кто музыку сочиняет, то есть с КОМПОЗИТОРА. И вы будете правы: если нет музыкального произведения, кем-то сочиненного, то о какой же музыке вообще может идти речь!

Но теперь подумайте: если даже самый замечательный композитор написал самое замечательное произведение, но произведение это лежит у него в ящике стола или в портфеле, получилась ли музыка как живое искусство?

Ну разумеется, не получилась!

Кто придет на помощь композитору? Кто станет в один ряд с ним? Не сомневаюсь, что вы ответите без колебаний: ИСПОЛНИТЕЛЬ. Конечно, исполнитель — певец или пианист, скрипач или баянист, или даже целый хор, или большой симфонический оркестр.

Теперь музыкальное произведение не только написано, но и исполнено. И даже допустим, что исполнено прекрасно. Получилось теперь настоящее, живое искусство?

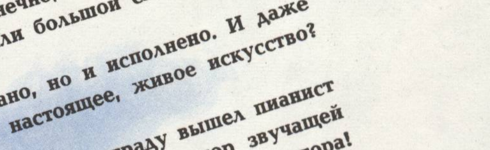
Кто-то думает, что получилось. Да?

А ну-ка, представим себе такую картину. На концертную эстраду вышел пианист и что-то заиграл. А в зале сидит... один человек. Это — композитор, автор звучащей с эстрады музыки. Пианист кончил играть. Он шумно аплодирует и кричит: «Автора! Автора!» Автор поднимается на эстраду. Они пожимают друг другу руки, радуются общему успеху, желают друг другу новых творческих удач...

А кругом удручающая тишина пустого зала...

Какая ужасная картина получилась, не правда ли? Не только смешная, но действительно ужасная! И совершенно ясно почему. Ведь музыка существует не для тех, кто ее сочиняет и исполняет, хотя и для них, конечно, тоже. Если бы композитор и исполнитель занимались музыкой только для себя, это было бы так же невероятно, как если бы врач лечил всю жизнь только свои собственные болезни, а художник писал картины только для своей комнаты, всю жизнь перевешивая их с одной стены на другую.

Для того, чтобы музыка стала настоящим живым искусством, мало композитора и исполнителя — в один ряд с ними должен встать СЛУШАТЕЛЬ! И роль слушателя в музыке тоже очень велика, гораздо больше, чем вы, может быть, привыкли думать.

Настоящий, хороший композитор, сочиняя музыку, отдает ей все свои душевные силы, все свое сердце, весь свой ум. Всего себя отдает искусству и настоящий, хороший исполнитель. И слушатель, если он хочет по-настоящему услышать музыку, услышать ее так, как она сочинена и как она исполнена, тоже должен отдать ей все силы своей души, сердца и ума.

И, быть может, одно из самых чудесных свойств музыки, как и всякого искусства, состоит в том, что чем больше душевных сил мы ей отдаем, тем больше новых сил в ней черпаем. А невнимательное, незаинтересованное слушание музыки, точно так же, как невнимательное, незаинтересованное чтение книг или рассматривание картин, только утомляет нас, отбирает наши силы, а взамен ровно ничего не дает, разве что вызывает пагубное заблуждение, будто бы скучно все это, непонятно и неинтересно...

Композитор, чтобы хорошо сочинять, должен учиться. Исполнитель, чтобы хорошо исполнять, тоже должен учиться. И слушатель, чтобы быть хорошим слушателем, тоже должен учиться. Главное, что тут требуется,— это желание, интерес, стремление узнать что-то новое, неизвестное, неизведанное...

...Ведь если кто-то проживет свою жизнь, так и не познав всей красоты и богатства музыки Баха и Моцарта, Бетховена и Шопена, Чайковского и Мусоргского,— не станут от этого меньше ни Бах, ни Моцарт, ни Бетховен, ни Шопен, ни Чайковский, ни Мусоргский. Они останутся такими же великими и могучими. А вот тот, кто пройдет мимо них и не прикоснется к их искусству, потеряет много, очень много...

Пусть этого не случится ни с кем из вас!

Дмитрий Борисович КАБАЛЕВСКИЙ,
народный артист СССР, лауреат
Ленинской премии

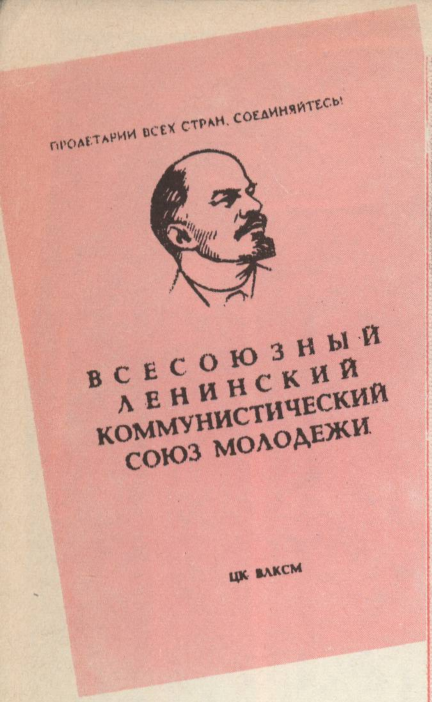
Выходит с 15 марта 1924 г.

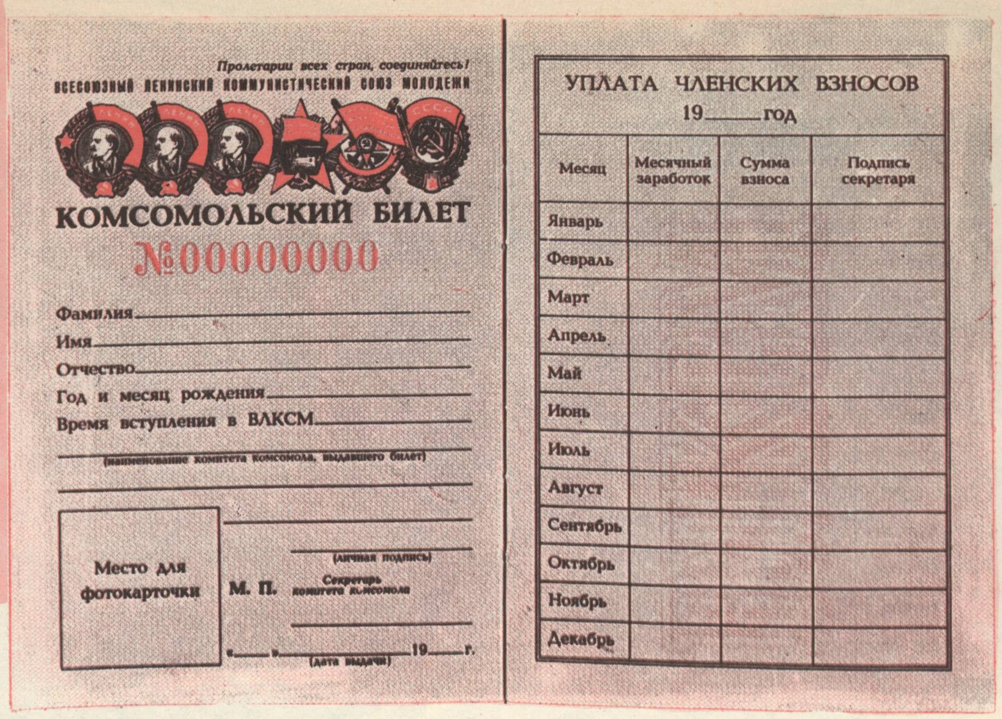
ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

МАРТ 3

Издательство «Правда»
Москва 1975 г.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ВСЕСОЮЗНЫЙ ЛЕНИНСКИЙ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ СОЮЗ МОЛОДЕЖИ

КОМСОМОЛЬСКИЙ БИЛЕТ

№00000000

Фамилия_____

Имя_____

Отчество_____

Год и месяц рождения_____

Время вступления в ВЛКСМ_____

(наименование комитета комсомола, выдавшего билет)

Место для фотокарточки

(личная подпись)

М. П. Секретарь комитета комсомола

«__» ____ 19__ г.

(дата выдачи)

УПЛАТА ЧЛЕНСКИХ ВЗНОСОВ

19____ год

Месяц	Месячный заработок	Сумма взноса	Подпись секретаря
Январь			
Февраль			
Март			
Апрель			
Май			
Июнь			
Июль			
Август			
Сентябрь			
Октябрь			
Ноябрь			
Декабрь			

Комсомольский билет

Документ может рассказать очень многое. Перед вами комсомольские билеты разных лет.

Комсомольские билеты двадцатых годов. В них есть отметки «о прохождении курса военного обучения», «краткие сведения о революционной работе», «об участии в борьбе против банд», отметки «о прохождении курса политической грамоты».

«Вместе с комсомольским билетом,— писал Николай Островский о том времени,— мы получали ружье и двести патронов».

Героическая, незабываемая пора!

В 1925 году, когда начался обмен комсомольских билетов, на билете появился профиль Владимира Ильича Ленина. И с именем Ленина комсомол рос, помогал партии и народу строить новую жизнь.

Николай Пушкин вступил в комсомол перед войной. Ушел добровольцем на фронт и погиб в бою. Его билет пробила фашистская пуля. Осталось заявление Николая в партию:

«Я родился при Советской власти. Она воспитывала, растила, учила меня, любимая Родина. В боях с гитлеровскими варварами я обязан отдать все свои силы на защиту Родины. Я готов отдать свою жизнь за полную победу над врагом. Защищать свою Родину хочу коммунистом. 20 февраля 1943 года Н. Пушкин».

За годы Великой Отечественной войны около двух миллионов комсомольцев вступили в ряды партии, больше пяти миллионов молодых воинов стали комсомольцами.

В Зале Комсомольской Славы в ЦК ВЛКСМ хранится комсомольский билет Юрия Гагарина. Он вступил в комсомол после войны.

«Мы уверены, что и сегодняшнюю молодежь,— говорил Юрий Гагарин тем, кто вступал в комсомол,— которая родилась и выросла в условиях победившего социализма, объединяют и ведут вперед те же идеалы, которые поднимали на борьбу за счастье миллионы и миллионы бойцов революции».

Через много лет наши потомки будут говорить: «Повезло комсомольцам семидесятых годов! Они жили в такое интересное время. Они осваивали космос, прокладывали рельсы самой большой в мире Байкало-Амурской железной дороги, строили новые города и заводы на Крайнем Севере».

Всюду, где сегодня идет стройка,— парни и девчата с комсомольскими значками на груди. Они продолжают подвиги комсомольцев, таких, как Николай Пушкин и Юрий Гагарин.

Тебе скоро исполнится четырнадцать лет, ты тоже станешь комсомольцем и получишь комсомольский билет образца 1975 года. Посмотри на него. Шесть орденов на знамени комсомола. Шесть орденов и на комсомольском билете. Тебе и твоим товарищам продолжать комсомольскую летопись. У твоего вожатого большое событие: обмен комсомольских билетов. Тридцать четыре миллиона комсомольцев получат новые комсомольские билеты. Не забудьте поздравить ваших старших друзей — комсомольцев.

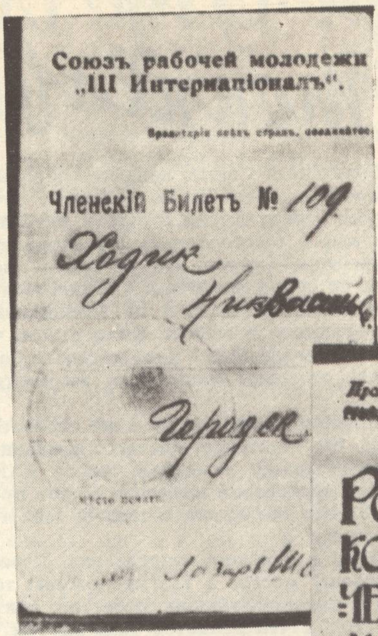
Обмен билетов — это боевая поверка молодежи.

«Я — комсомолец, а это значит, я готов выполнить любое нужное для страны дело. Я — комсомолец, и я всегда должен быть впереди!» — говорят миллионы.

В 1958 году тем, кто попрощался с комсомольской юностью, было разрешено оставлять у себя комсомольские билеты на память. Возможно, комсомольский билет хранится у твоей мамы, у папы, у старших братьев и сестер.

Расспроси своих близких о том, как они вступали в комсомол, об их комсомольских годах. Запиши их рассказы и пришли в «Пионер». На конверте напиши: «Рассказ о комсомольском билете».

Н. ЕЛИСТРАТОВА.

* * *

Комсомолом гордится страна:
Много дел у него за плечами.
На груди у него ордена
Золотыми искрятся лучами.

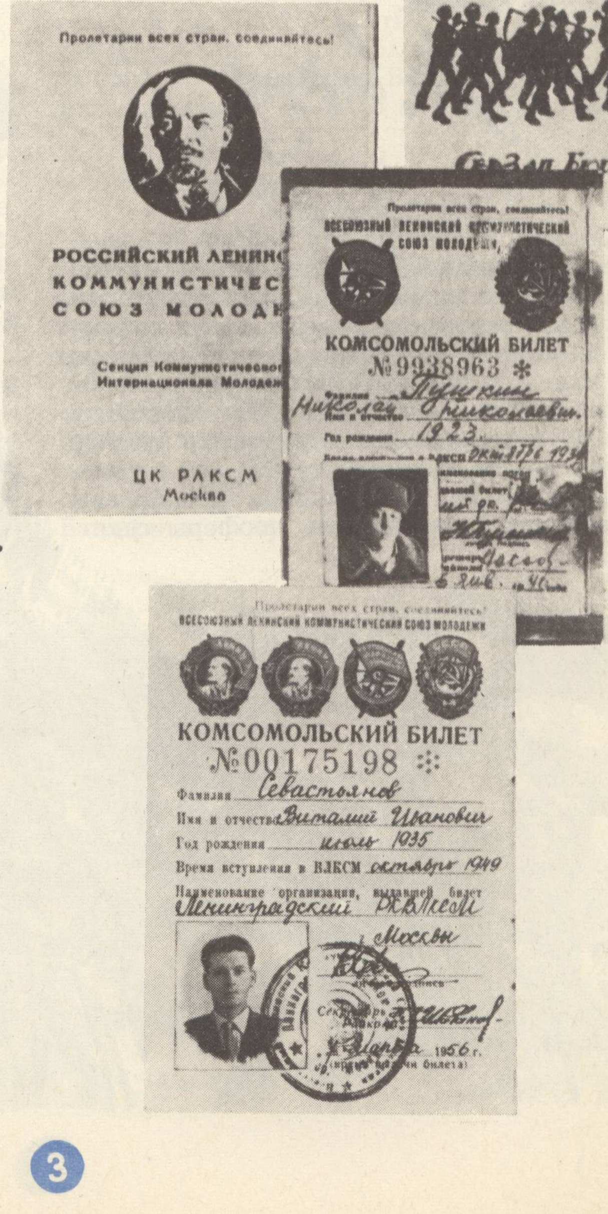
Комсомол возводил города,
Зажигал огоньки Днепростроя.
Не искал комсомол никогда
Для себя тишины и покоя.

Он солдатом прошел всю войну,
Прикрывая Отчизну собою,
Он в степи распахал целину,
Рвался в небо, спускался в забои.

Комсомол—космонавт и поэт,
И свою краснозвездную славу
В вихре лет, героических лет,
От людей заслужил он по праву.

Нам, товарищ, в нелегком пути
Эту звонкую славу утроив,
Дальше надо ее пронести,
И равненье держать на героев!

Комсомолом гордится страна,
И горят, как рассветы России,
Боевые его ордена
И его ордена трудовые!

Там, где будет тоннель!

Юрий
СОТНИК

Возьмите карту Советского Союза, найдите озеро Байкал. Если ваша карта не очень мала, отыщите речку Мую. Эта речка течет между двумя горными хребтами, и тот, что тянется вдоль левого берега ее, называется Северо-Муйским хребтом. Сейчас это название очень мало кому известно, но скоро оно будет упоминаться во всех газетах и журналах, по радио и по телевидению, а может быть, и в стихах и в песнях. Дело в том, что здесь под одним из перевалов будет пробит самый большой в нашей стране тоннель: пятнадцать километров длиной!

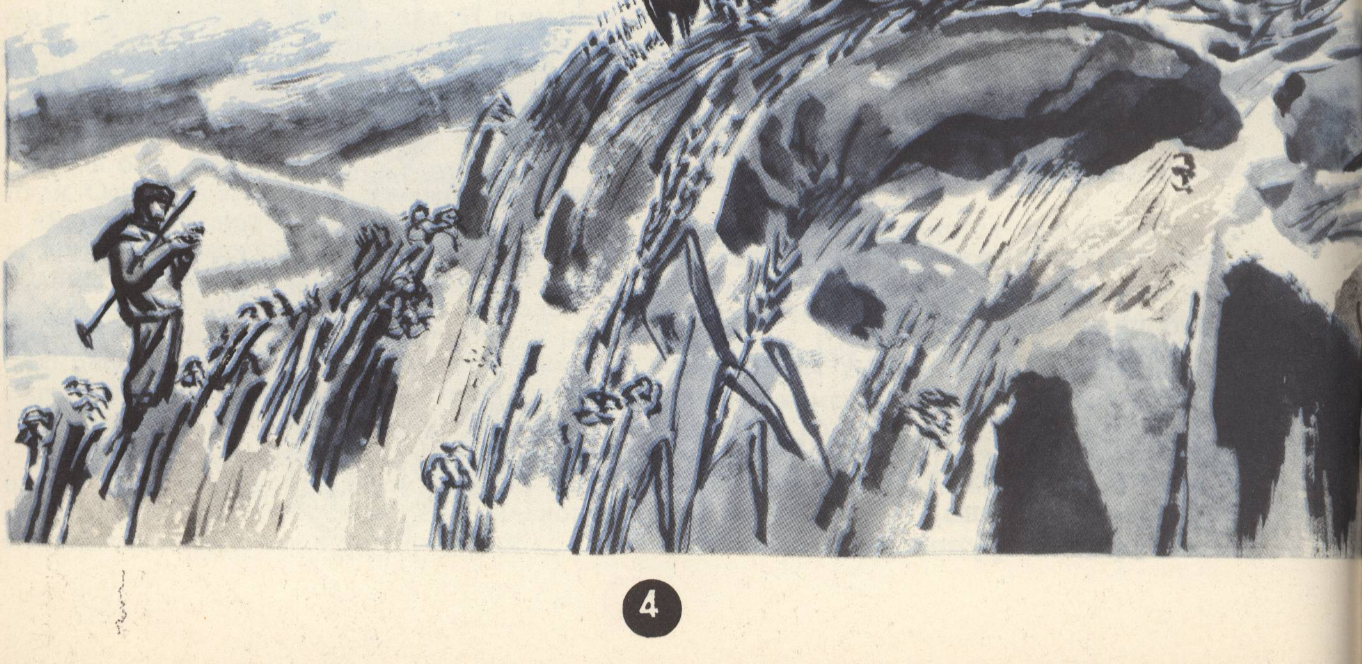
Каждый из вас, конечно, знает, что ни одно строительство не обходится без предварительных изысканий. Прежде чем проектировщики наметили трассу БАМа, огромную территорию, по которой железная дорога пройдет, в течение многих лет обследовали тысячи геологов, топографов, гидрологов...

Теперь трасса БАМа в основном определена. Известно, где будут построены мосты, а где проложены тоннели... В том числе и Северо-Муйский. Известно, какую гору он прорежет. Ну, а что делается там, внутри горы? Какие породы встретят проходчики под ее толщей? Чтобы получить ответ на эти вопросы, нужно гору во многих местах пробурить.

На вахту

С людьми, ведущими эту работу, я познакомился в поселке Усть-Муя, что стоит при впадении Муи в Витим. Образ жизни эти люди ведут такой: две недели живут со своими семьями в добротных домах, ходят в клуб или в кино, пользуются магазинами, столовыми, поликлиникой... От остальных жителей поселка они отличаются только тем, что не ходят на работу. Но вот две недели кончаются. Бурильщики, помощники бурильщиков, трактористы, шоферы садят-

ся в вертолет, и он уносит их примерно за двести километров на Ангароканский перевал, в глубину безлюдного хребта, где их ждут совсем иные условия жизни и напряженный труд по двенадцать часов в смену.

Однажды с очередной «вахтой» полетел на перевал и я.

Ранним утром мы собрались у дома с вывеской «Витимская партия Багдаринской геологической экспедиции», погрузились в «пикап», приехали в маленький аэропорт, там пересели в вертолет.

В иллюминаторе, казалось, совсем рядом с вертолетом, проплывали угрюмые горы (вертолет пробирался между ними, долинами рек). Вид у гор был своеобразный, не то что у Кавказских или Крымских гор: склоны почти каждой вершины сначала поднимались очень полого, потом все круче, круче и, наконец, сходились острым пиком. Пики эти были покрыты снегом, и снег белой неровной бахромой спускался от вершин по трещинам и лощинам. Глядя на эти безлюдные скалы, я думал о том, как же протащили бурильщики в такую глушь свое оборудование? Буровые станки, дизели и генераторы к ним, сотни метров штанг и обсадных труб — все это весит тонны и тонны!

Вертолет стал снижаться. Серые скалы сменились покрытыми лесом склонами, потом мы сели на гладкой зеленой вершине холма, вокруг застыли снежные вершины. Несколько человек вышли из вертолета, несколько человек, поджидавших нас на холме, сели в него. Вертолет отправился дальше сменять людей на двух буровых, а мы спустились с холма и очутились в базовом лагере Горячий.

Деревянная избушка. Несколько палаток. Навес над грубо сколоченным обеденным столом. Вот и все. Лагерь расположен в узкой долине, зажатой между горами. С одной стороны его территорию омывает широкий ручей Акусикан. Удивительный ручей: он течет между берегами из чистейшего голубоватого льда, а буквально в полуметре от этого льда зеленеют трава и кустарник, пестреют цветы — стоит уже конец июня. Такое явление называется наледью. Ручей горный, быстрый, но морозы зимой здесь люты и возле берегов (где течение медленней) вода промерзает до дна. Тогда ручью становится тесно в его сузившемся русле, вода из середины выходит на лед и, в свою очередь, тоже замерзает. Так постепенно образуются очень толстые ледяные берега — наледи. Лето в горах солнечное, но довольно прохладное, а ночи и вовсе холодные, поэтому наледи долго не тают.

Базовый лагерь — это своего рода столица микроскопической республики с населением около двух десятков человек. Здесь живет техрук буровых работ Геннадий Сергеевич Кольцов. Здесь базируется транспорт — грузовик и гусеничный тягач. Тут находится радиостанция: она поддерживает связь с маленькими станциями на буровых, с Витимской партией в Усть-Муе и даже с руководителями всей геологической экспедиции далеко в Багдарине. Вот об этой экспедиции и о людях ее надо кое-что рассказать.

Что такое «экспедиция»?

Под словом «экспедиция» многие ребята подразумевают сравнительно небольшую группу людей, пустившихся в путешествие с какой-нибудь исследовательской целью. Это не всегда так. Например, Багдаринская геологическая экспедиция — это большая организация, которая объединяет несколько сот человек. Штаб ее уже много лет находится в одном и том же месте — в районном центре Багдарине. Ему подчинены геологические

партии, разбросанные по северу Бурятии, а в подчинении у каждой партии находятся еще более мелкие подразделения — участки, где люди и заняты непосредственно изучением земных недр.

При слове «геолог-разведчик» у многих возникает образ этакого молодого скитальца, который налегке, с ружьем, рюкзаком да геологическим молотком бродит по нехоженым тропам, постукивает молотком по скалам, и в результате этого постукивания открывает бесценные клады. Такие геологи, идущие налегке, действительно есть, и о них любят слагать романтические песни поэты и композиторы. Но разведчики эти занимаются лишь самой приблизительной геологической съемкой. А для того, чтобы по-настоящему оценить то или иное месторождение полезных ископаемых, нужна разведка более основательная. О том, как шагает молодой человек с рюкзаком, звенит много гитар, но о том, как люди роют в тайге шурфы или как волокут сквозь дебри буровые станки весом в несколько тонн, наши поэты вспоминают редко. А ведь именно такими прозаическими делами занимается большинство работников экспедиции, и здесь, кроме геологов, трудятся люди самых различных специальностей: и простые землекопы, умеющие «бить шурфы», и специалисты по бурению, и химики-лаборанты, шоферы, бульдозеристы, хозяйственники, радисты и даже повара.

Первопроходцы

В конце февраля 1972 года из Усть-Муи вышел своеобразный караван. Впереди двигался гусеничный тягач, который вел привычный к таким походам водитель Владимир Александрович Пушкин. Он разведывал дорогу, а за ним шли два трактора, и каждый тащил за собой построенный из брусьев домик. Домики эти — узкие и продолговатые — больше походили на вагончики, только стояли они не на колесах, а на толстенных, сделанных из цельных бревен полозьях. Всего в этой партии «первопроходчиков» (так их в шутку называли) было семь человек, и возглавлял колонну опытный бурильщик Владимир Федорович Жерлов.

Двигались большей частью по льду замерзших рек, а местами и просто горной тайгой. Спереди, поперек корпуса тягача, был приварен стальной рельс. Пушкин выбирал направление, где лес помельче, напирал этим рельсом на деревья всей мощью своей машины и валил. Оба трактора и домики качало и бросало из стороны в сторону, как на море во время шторма, только качка эта была похуже морской: с более резкими толчками и ударами.

Каждый вечер и каждое утро связывались по радио с Витимской партией и с Багдаринской экспедицией. Ложась спать, двигатели не глушили: морозы стояли лютые. «Большая земля» следила за путешественниками не только по радио. За продвижением колонны вели наблюдение и летчики местной авиации, совершавшие рейсы в том районе.

Однажды в экспедицию пришла тревожная весть: пролетая над одной из заснеженных рек, пилоты обнаружили след гусеничного тягача, который обрывался у края большой полыньи. Неужели тягач провалился под лед? А если так, сумел ли выбраться водитель? И где другие участники перехода, оставшиеся без своего разведчика? Весь день и в партии и в экспедиции царила тревога, а вечером путешественники как ни в чем не бывало вышли на связь. Оказалось, ничего не случилось. Просто пилоты с большой высоты не заметили, что след обрывается не у самой полыньи, а в нескольких метрах от нее. Подъехав к полынье, Пушкин решил не рисковать. Вернулся своим следом назад и повел колонну другой дорогой.

Лишь в мае, пройдя 370 километров, колонна пробилась к тому месту, где теперь находится Горячий. Здесь проектировщики БАМа наметили восточный портал — восточный выход тоннеля. Жерлов и его помощники расчистили от леса вершину холма, сделали вертолетную площадку. Скоро в Горячем появились новые люди, а еще через некоторое время здесь поднялись копры первых буровых вышек.

Рисунки Г. Человечкова.

На буровой

Когда я сюда приехал, по всему перевалу уже были пробурены двадцать четыре скважины. Теперь бурились двадцать пятая и двадцать шестая. Бурились, можно сказать, сверх программы. БАМ должен строиться ускоренными темпами, значит, быстрее должен быть проложен и тоннель. Как это сделать? В обычных условиях можно было бы вести проходку двумя забоями: одна партия проходчиков движется от восточного портала к западному, а другая — ей навстречу. Северо-Муйский тоннель решено пройти восемью забоями — вчетверо быстрее. Представьте себе: справа и слева — забои, идущие от порталов, а с горы до трассы перпендикулярно тоннелю спускаются три шахты, и от каждой из них тоже идут по два забоя. Итого — восемь. Вот сейчас бурили гору для того, чтобы узнать, какие геологические условия встретят проходчики этих шахт.

Однажды я побывал на буровой номер двадцать шесть.

Надо сказать, что после прибытия сюда «первопроходчиков» бульдозеристы и взрывники сделали вдоль всего перевала дорогу, то есть попросту свалили и сдвинули в стороны деревья и валуны, а более крупные валуны (их здесь много) взорвали. Так что мы ехали на грузовой машине.

Когда мы приехали, на берегу все того же Акусикана я увидел брусчатый домик на полозьях, а в сотне метров от него деревянный копер буровой с бревенчатым сарайчиком под ним. Здесь, в этом сарайчике, я познакомился с бурильщиком Дмитрием Михайловичем Васильевым, что работает в экспедиции шестнадцатый год, и его помощником комсомольцем Володей Камышевым. Познакомился, конечно, и с их работой.

Возьмите любую трубку, сделайте на одном из ее торцов зазубрины. Теперь приставьте зазубренный конец к куску мыла и медленно вращайте трубку, слегка нажимая на нее. Трубка будет постепенно погружаться в мыло, а мыло это входить внутрь трубки. У нас получилась примитивная модель буровой установки, вернее, только части ее. Как наша трубка в мыло, так стальная колонковая труба погружается в землю, только в настоящих установках режущая часть трубки навинчивается на трубу и называется коронкой.

Коронки бывают разные, в зависимости от породы, которую приходится бурить. Для мягких осадочных пород достаточно коронки с зубьями из победита, а для твердых пород, например, гранитов, нужна алмазная коронка. Вращаясь, коронка вгрызается в породу и так же, как наше мыло, входит в колонковую трубу. Потом трубу поднимают на поверхность, постукивают по ней, и из нее выпадает керн — длинный цилиндрический образец породы, извлеченной из земных недр. Это и есть то, ради чего тащили сюда оборудование, ради чего крутятся буровые станки и возле них день и ночь дежурят люди. Каждый керн тщательно упаковывают и отправляют на исследование.

Колонковая труба совсем небольшая, а двадцать шестую скважину надо пробурить на глубину в триста сорок метров (вы, наверное, знаете, что бурят и на тысячи). Поэтому на каждой буровой есть большой запас других труб, так называемых штанг. Штангу привинчивают к колонковой трубе, закрепляют ее в специальном патроне бурового станка, и тот начинает ее вращать. Когда первая штанга почти вся уходит в устье скважины, к ней привинчивают вторую, затем еще и еще... И вот уже колонна труб длиной в несколько сот метров вращается в земле.

Но керн-то нужно регулярно вынимать. Значит, всю эту стальную махину надо вытащить из земли и разобрать. Мне пришлось наблюдать эту работу. Чтобы дело шло быстрей, штанги вынимают не по одной, а сразу по две. Такие свинченные попарно штанги бурильщики называют «свечой». Для того и строят копры повыше, чтобы «свеча» могла в них уместиться. Дмитрий Михайлович не выходил из сарая: он управлял лебедкой и тормозным механизмом. А работа Володи напоминала работу матроса на старинном парусном корабле. Появившись в сарае, он подцеплял конец «свечи» к специальному устройству на тросе лебедки — элеватору, и тот вытаскивал ее наверх сквозь отверстие в потолке. После этого Володя подымался на крышу сарайчика, а иногда и на копер, прислонял «свечу» к специальным опорам, отцеплял элеватор и снова спускался вниз. Я смотрел на это и думал: пока просверлены лишь первые десятки метров, и дело происходит летом. А каково вытащить и развинтить не десятки, а сотни метров труб зимой, в сорокаградусный мороз или в пургу?! [1]

Робинзоны со стиральной машиной

Базовый лагерь не всегда стоял на том месте, где сейчас. Когда кончили бурить скважины у восточного портала, он переехал к западному, а этим летом он снова обосновался у восточного. Дело в том, что проектировщики попросили тут пробурить на зиму еще несколько «уточняющих» скважин. Когда я приехал сюда, лагерь только-только начинал вновь обживаться на старом месте, и за этим мне было очень интересно наблюдать.

Если ты кончишь курсы радистов и приедешь в экспедицию наниматься на работу, тебя обязательно спросят:

— А что вы еще умеете делать?

Предположим, ты ответишь:

— Как что? Я же радист! Вот мой диплом!

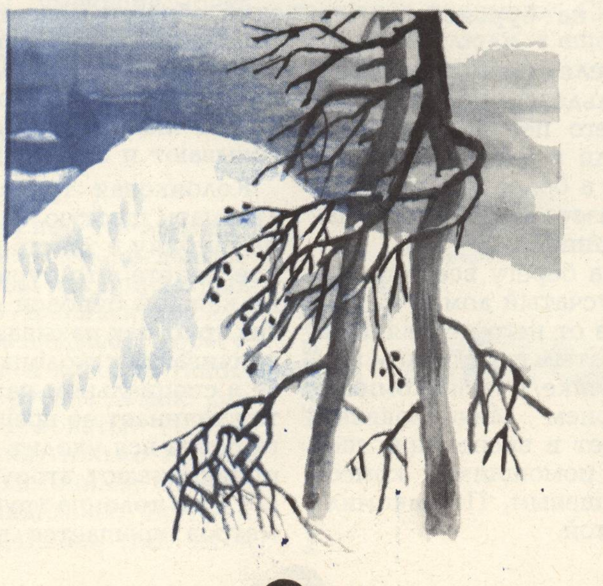
Тебя на работу возьмут, но без особого энтузиазма.

Радист выходит на связь всего три раза в день, в общей сложности это отнимает у него минут сорок пять или час. Прибавим еще час на уход за радиоаппаратурой, зарядку аккумуляторов. Квалификация техрука требуется главным образом лишь тогда, когда на буровых что-нибудь не ладится. Шофер тоже часто бывает занят основной работой часа три-четыре в день. Вместе с тем люди на перевале хоть и поддерживают связь с «Большой землей», хоть и летают на отдых к семьям, но все же ведут жизнь робинзонов. Им то и дело приходится решать самые разнообразные проблемы, каждый должен быть мастером на все руки.

Вы думаете к столу в лагере подаются лепешки или сухари? Ничего подобного! И в Горячем и на буровых едят свежий, очень вкусный, выпеченный в формах хлеб. Формы хранятся на складе у поварихи Любови Викторовны Ромадиной, а печку соорудили на моих глазах радист Иван Пантелеевич Ситников и знакомый вам шофер Владимир Васильевич.

У грузовой машины вышли из строя траверзы — поперечные брусья, поддерживающие кузов. Техрук участка, шофер и радист превратились в ремонтников. Кузов разобрали, радист топором вытесал из дерева брусья, потом шофер с помощью техрука установил их на машину и вновь собрал кузов. Бревенчатый домик, в котором мы жили, построен радистом, а метрах в двухстах от него имеется баня. Там, на берегу ручья, бьет горячий ключ, потому и лагерь назвали Горячим. Над ключом построили кабину, и теперь здесь моются и жители Горячего и свободные от смены работники буровых, приезжающие сюда в баню.

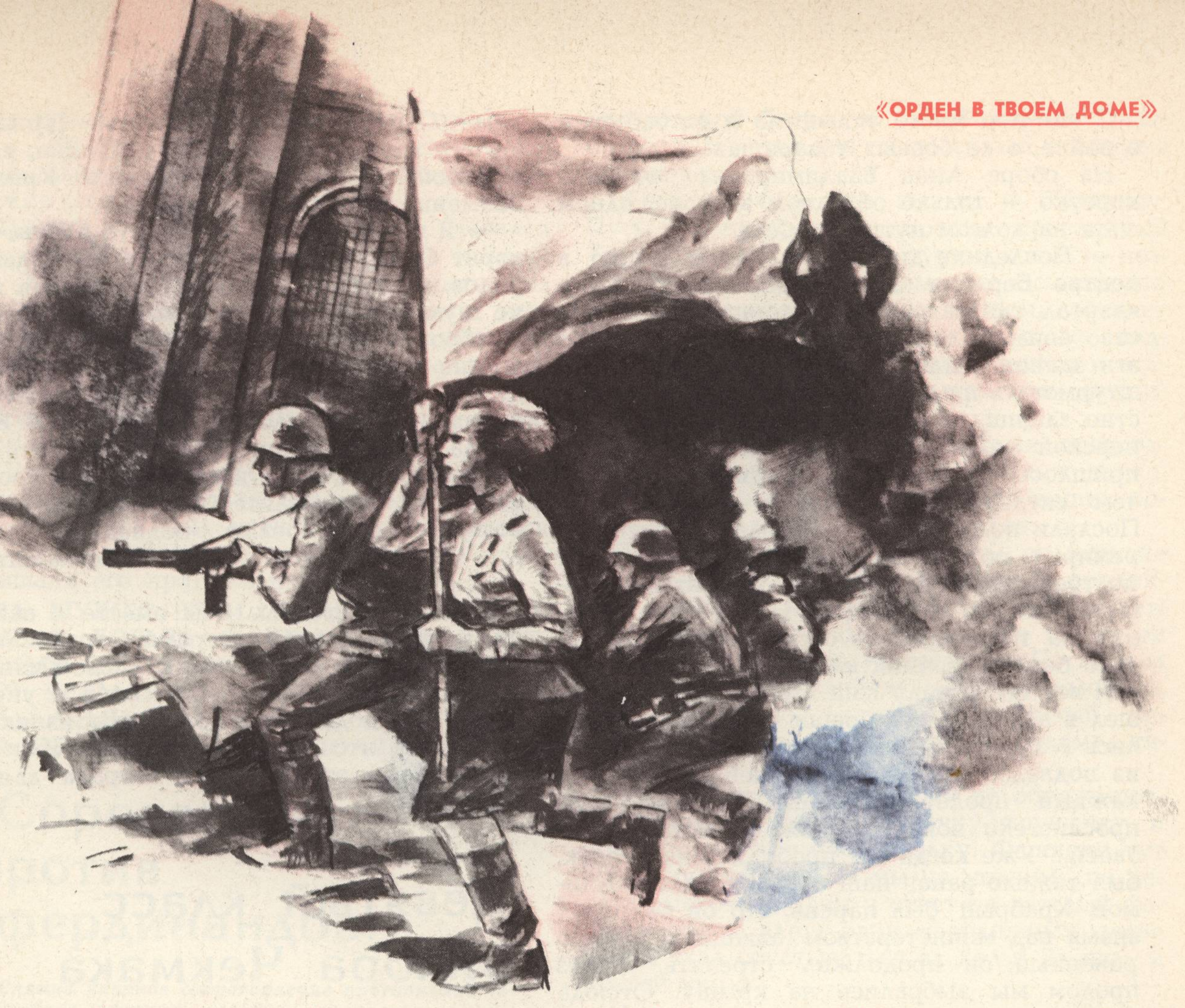
Повар Любовь Викторовна не только повар. Она и завскладом, она и прачка. В день своего отъезда я увидел, как она устанавливает в тайге под лиственницей... электрическую стиральную машину, а чуть в стороне от нее радист налаживает движок с генератором, чтобы дать ток в эту прачечную. Я бросился было за фотоаппаратом, но тут послышался рокот вертолета, и пришлось бежать с вещами на холм. Когда вертолет сел и двигатель его умолк, снизу послышалось тарахтение движка. Я понял, что прачечная под лиственницей заработала.

Вот то, что я увидел на трассе БАМа, на трассе железной дороги, которая, когда вы станете взрослыми, покажется вам такой же обыкновенной, как дорога Москва—Владивосток.

---

[1] На современных больших буровых вышках «свечу» отвинчивает специальный механизм, а элеватор отцепляется автоматически.

Будьте всегда достойны подвига старших поколений, упорно овладевайте знаниями, вместе со всем народом по-ударному участвуйте в борьбе за успешное выполнение заданий пятилетки, за построение коммунизма в нашей стране.

Из письма Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева комсомольцам г. Москвы — победителям социалистического соревнования.

ВЕЧНЫЙ ГОРОД

Севастополь — вечный город. На протяжении своей истории он видел суда многих стран в своем порту, и не все они приходили с миром. Сюда рвались турки, англичане, французы... Прорвались сюда и самые страшные варвары — фашистские захватчики. Но город выстоял, выжил. И, как чудесная птица Феникс, возродился из пепла, поднялся из руин и стал еще прекраснее.

Минутой молчания начали сбор «Орден в твоем доме» пионеры дружины имени 50-летия пионерской организации севастопольской средней школы № 1. Эта дружина четыре раза становилась правофланговой Марша «Всегда готов!».

Минута — это так мало, когда спешишь в суматохе дня. И так много, когда думаешь о войне, о тех, кто погиб, защищая Родину.

В эту торжественную минуту ребята стояли рядом со своими дедушками и бабушками, папами и мамами — ветеранами войны. И так понятна и близка была детям боль старших, переживших войну, потерявших близких и друзей...

В наших городах и селах, по обочинам дорог стоят памятники тем, кто не вернулся с войны. У их подножия не увядают цветы — страна чтит героев. Такой памятник и в сердце каждого, кто был на этом сборе.

Знамя Победы

«В составе одной из штурмовых групп 1050-го стрелкового полка предельно смело действовала инструктор политотдела 9-го стрелкового корпуса Анна Владимировна Никулина. Вместе с офицерами Н. Давыдовым и Ф. Шаповаловым она водрузила Красное знамя над Имперской канцелярией».

Из воспоминаний Маршала Советского Союза Г. К. Жукова.

— Однажды я рылась в книжном шкафу,— сказала Лена Виноградова,— и нашла старую-престарую газету. Развернула, смотрю — фотография. На ней девушка в гимнастерке. На груди ордена и медали, лицо ее очень знакомое... Неужели бабушка?

Я бросилась к бабушке.

— Это ты? Почему никогда ничего не рассказывала?

С тех пор много услышала я от бабушки о войне, о ее боевых товарищах...

На сборе Анна Владимировна говорила коротко — только об одном эпизоде, одном шаге на долгом пути к победе.

— Последние дни войны. Бои шли уже в центре Берлина. Наш корпус пробился в квартал, где находились гестапо, министерство авиации и Имперская канцелярия. Все эти здания были превращены в крепости, штурмовать их было нелегко. Особенно яростно защищались фашисты, засевшие в Имперской канцелярии. Нашей артиллерии пришлось порядком потрудиться, прежде чем гитлеровцы выбросили белый флаг. Послали полковника Зейферда просить перемирия, потом генерала Крепса. «Еще вот постреляем — и сам Гитлер заявится»,— пошутил кто-то из бойцов. Наше командование на перемирие не согласилось, потребовало безоговорочной капитуляции.

И вот по сигналу наш второй батальон пошел в атаку. Через бреши в стенах ворвались в здание. Фашисты стреляли отовсюду: из подвалов, с верхних этажей. Дрались за каждый пролет лестницы. Сколько пуль просвистело вокруг, и каждая могла стать твоей... Уже когда мы пробились на чердак, был тяжело ранен наш боец Салиджан Алимов. Храбрый был парень, это он водрузил знамя над министерством авиации. Тяжело раненный, он продолжал стрелять. Через пролом мы выбрались на крышу. Отсюда был виден весь Берлин: дома, улицы — все потонуло в дыму, в огне. Но как я обрадовалась, когда увидела на крышах нескольких зданий наши красные знамена. Знамя Победы уже развевалось и над Рейхстагом. А я водрузила знамя на крыше Имперской канцелярии.

АННА ВЛАДИМИРОВНА НИКУЛИНА НАГРАЖДЕНА ЗА СВОЙ ПОДВИГ ОРДЕНОМ БОЕВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ.

Безмолвная война

Прощайте, скалистые горы,
На подвиг Отчизна зовет!
Мы вышли в открытое море
В суровый и дальний поход.

(Из песни)

Подводная лодка выполняет боевое задание. Ее задача — не обнаружив себя, подойти к противнику и поразить его. А если пройдут все сроки ее возвращения, товарищи на берегу поймут, что экипаж подводной лодки уже никогда не поднимется на морскую поверхность. И тогда моряки снимут фуражки и бескозырки...

В том месте, где затонула подводная лодка, всплывет огромное масляное пятно. И еще долго среди бушующего моря вода в этом месте будет спокойна...

Катя Чурсина знакомит нас со своим дедом — Серафимом Евгеньевичем Чурсиным. На его груди четыре ордена Ленина, два — Красной Звезды, три — Боевого Красного Знамени, четырнадцать медалей.

— Я почти не слыхал грохота войны,— говорит Серафим Евгеньевич.— Я не видел городов, которые освобождал. Я слышал только шум глубинных бомб, которые гитлеровцы бросали на наши лодки. До сих пор его во сне слышу. В конце войны я уже не ходил на лодке, командовал соединением подводных лодок. Было ли мне страшно? Было. Когда я стоял на пирсе, вглядывался в волны до рези в глазах и твердил: «Ну всплывайте же, всплывайте!» И радовался, когда возвращались боевые подводные лодки.

— А ордена у вас за что? Расскажите! — просят ребята.

— За Севастополь. Мы вместе с авиацией и торпедными катерами отправили на дно 44 тысячи фашистов. В Ясско-Кишиневской операции потопили 5 судов и уничтожили все подводные лодки противника. А еще за то, что мои экипажи на берег возвращались,— это большая награда для командира.

Девятый класс Вилора Чекмака

«Свыше ста учеников нашей школы сражались на фронтах Великой Отечественной войны... Из выпуска 1939 года все мальчики, двадцать человек, защищали Родину. Тринадцать из них с войны не вернулись...»

(Из материалов школьного музея боевой славы.)

Медали Вилора Чекмака принесла на сбор его мама Любовь Георгиевна. Вилор учился в этой школе. Перешел в девятый класс в 1941 году...

Родители назвали его Вилором в честь Владимира Ильича Ленина и Октябрьской революции. Отец партизанил в гражданскую, с оружием в руках отстаивал Советскую власть.

Началась война. В райкоме комсомола формировался партизанский отряд, и Вилор добился, чтобы его зачислили в отряд. Вместе с партизанами Вилор ушел из города. Рядом с Вилором шел его друг, охотничий пес Ральф.

Началась партизанская жизнь Вилора Чекмака. Он наравне со взрослыми стоял в дозоре, охраняя отряд. Стоял и в ту ноябрьскую ночь 41-го, когда фашисты решили провести «прочес» леса.

Ральф первым почуял приближение фашистов, вскоре увидел их и Вилор. Он послал собаку в отряд — предупредить об опасности, и Ральф скрылся в кустах. Но через

минуту оттуда послышались выстрелы и визг. Вилор, вероятно, решив, что Ральф убит, выстрелил из ракетницы, и тем обнаружил себя.

Фашисты бросились к нему. Начался неравный бой. Перебегая от дерева к дереву, Вилор в упор расстреливал врагов из автомата. Когда патроны кончились, метнул гранату, за ней — другую. Партизаны, прибежавшие на помощь, услышали его последние слова:

«За любимую Родину, за родной Севастополь!»

Партизаны отогнали врага, похоронили товарища. Оставаться здесь было опасно, отряд должен был уйти. Но Ральф остался на могиле хозяина, и партизаны еще долго слышали его протяжный вой...

ЗА МУЖЕСТВО И ОТВАГУ, ПРОЯВЛЕННЫЕ В БОРЬБЕ С НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ОККУПАНТАМИ, ВИЛОР ПЕТРОВИЧ ЧЕКМАК ПОСМЕРТНО НАГРАЖДЕН МЕДАЛЯМИ «ЗА БОЕВЫЕ ЗАСЛУГИ» И «ЗА ОБОРОНУ СЕВАСТОПОЛЯ».

«Сорокапятка» против «фердинандов»

«...Сломив упорное сопротивление противника, наши войска штурмом овладели крепостью и важнейшей военно-морской базой на Черном море — городом СЕВАСТОПОЛЬ».

(Из оперативной сводки Совинформбюро за 9 мая 1944 года.)

В школе все знают Александра Ивановича Лучинникова, преподавателя военного дела. Пионеры слышали на сборах дружины его рассказы о защите Ленинграда, о Сталинградской битве, об освобождении Севастополя. На этот раз он рассказал о штурме Перекопа.

«Весной 44-го мы вышли к Перекопу. Путь нам преграждал хорошо укрепленный Турецкий вал, его еще турки когда-то возвели. С большими потерями удалось нам его взять. А закрепиться не можем: мешает шквальный огонь противника. Только поднялась в очередной раз наша пехота в атаку, как из-за холма выползли два «фердинанда».

«Фердинанд» — это мощнейшая самоходная пушка, в броню одетая, как у танка, лобовая броня ее неуязвима для наших сорокапятимиллиметровых снарядов.

Пехота наша залегла, головы поднять не может. Комполка вызывает меня (я орудийным расчетом командовал) и приказывает: «фердинандов» остановить во что бы то ни стало, иначе нам не удержаться. Посмотрел я на нашу «сорокапятку»: ствол длинный, тонкий — можно сказать, ювелирный инструмент. Куда ей с «фердинандом» тягаться?

Но приказы, как известно, не обсуждаются. Взяли мы нашу пушечку-игрушечку и покатили на прямую наводку. Фашисты тут же открыли огонь. И мы не молчим: по десять выстрелов даем в ответ на каждый фашистский. И вдруг один «фердинанд» задымил и стал откатываться за холм! За ним и другой уполз.

Наши поднялись в атаку и ворвались в поселок Армянск, закрепили за собой первый плацдарм на крымской земле. А потом мы дошли и до самого моря. В начале мая мы уже вели артподготовку, готовились к штурму Сапун-горы.

ЗА ШТУРМ ПЕРЕКОПА АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ ЛУЧИННИКОВ НАГРАЖДЕН ОРДЕНОМ КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ.

После сбора мы побывали на Сапун-горе. Меня удивило, как много тут молодых деревьев. Ребята объяснили: они посажены после войны... Рассказывают, когда их сажали, лопата не шла в землю — так много было в ней железа...

За подвиг и большой ратный труд награждает Родина своих воинов — честь им и слава! Мы гордимся ими. Так будем достойны славы наших отцов и дедов.

С. МАКЕЕВ

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

МАМЫ

XXVII сессия Генеральной Ассамблеи ООН провозгласила 1975 год Международным годом женщины.

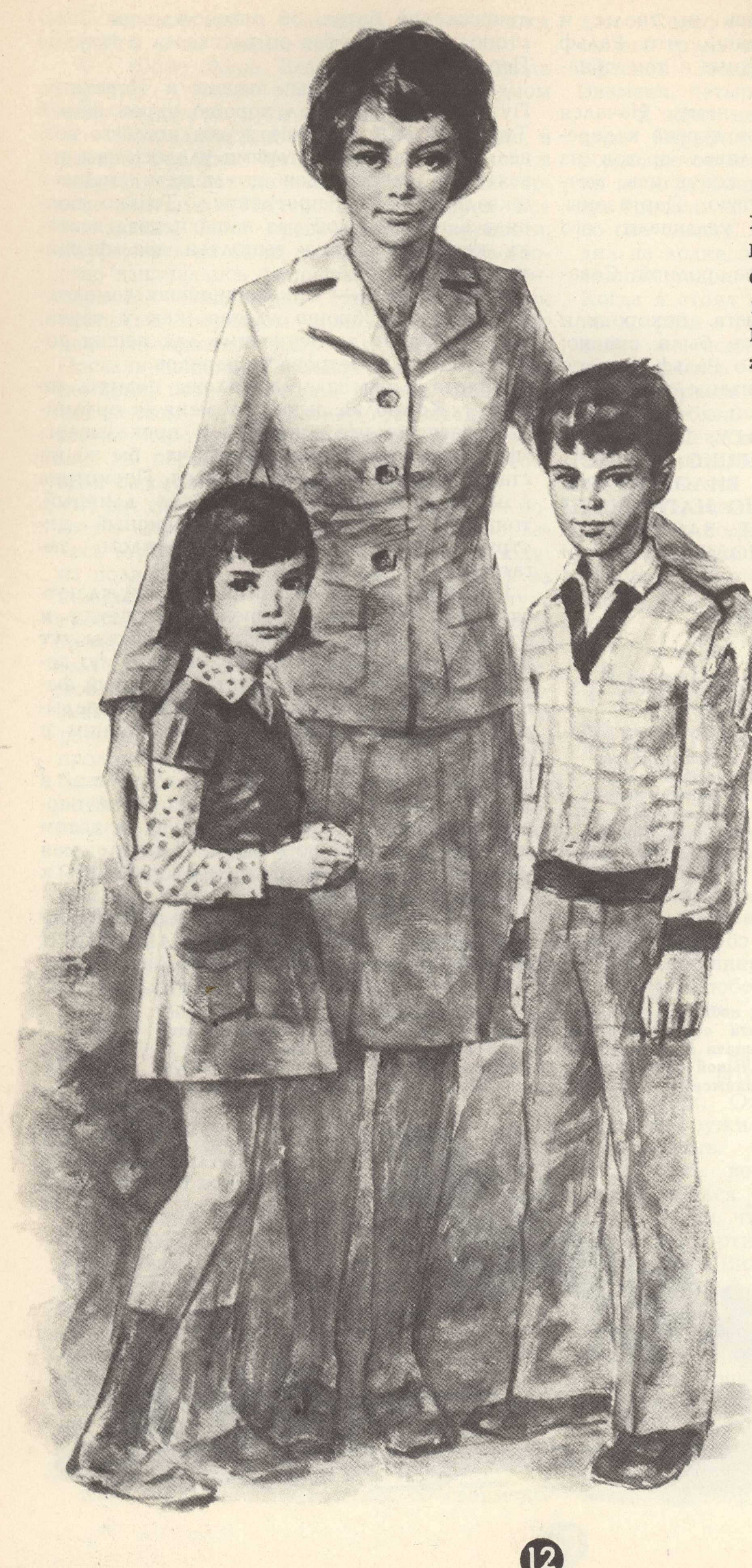

Рисунок С. ТРОФИМОВА.

Однажды московские ребята пригласили в свою школу мам и попросили их рассказать, чем они занимаются, как работают. Мамы с удовольствием рассказывали о своих профессиях. И всем было интересно. Одна девочка в конце встречи сказала:

— Выходит, наши мамы везде работают. Придешь в библиотеку — тебя встретит Колина мама. Зайдешь в булочную, а за прилавком стоит Танина мама. Мама Толика работает в ателье. Она шьет платья для девочек...

В самом деле, мамы работают везде. И за что бы они ни взялись, они стараются все сделать как можно лучше. И дома и у себя на работе.

И за это многим из них присвоено звание Героя Социалистического Труда. Совсем недавно за ударную работу Звезду Героя вручили Идее Фоминичне Ульяновой — поездному диспетчеру на Забайкальской железной дороге, Раисе Егоровне Демчук — аппаратчице консервного комбината в станице Крымской, Александре Ивановне Петровичевой — она работает в литейном цехе московского завода «Динамо», Марии Федосеевне Короткой — строителю «Азовстали», Раисе Григорьевне Лифановой — телеграфистке Центрального телеграфа в Москве... Всех не перечислить. **Женщин — Героев Социалистического Труда в нашей стране около пяти тысяч.** Вот как работают мамы!

Совсем по-другому жили женщины раньше. До революции большинство из них были неграмотными. Кем они могли работать? Прислугами, кухарками, батрачили на кулаков и помещиков, работали на швейных и текстильных фабриках.

Женщины были бесправными. За труд им платили намного меньше, чем мужчинам. Женщин не принимали в высшие учебные заведения, а программы женских школ были гораздо проще, чем в мужских, — зачем женщинам всерьез учиться?

И только революция, Советская власть освободили женщину. В декабре 1917 года В. И. Ленин подписал закон Советского государства, в котором говорилось о равных правах мужчины и женщины в нашей стране. Женщина могла учиться, где захочет, заниматься любым делом, которое ей по душе.

Сейчас в Верховном Совете СССР каждый третий депутат — женщина. А в районных и городских Советах — половина женщин. Вы и сами знаете, сколько у нас есть женщин министров, женщин директоров крупных фабрик и заводов, директоров институтов и школ, председателей колхозов.

Но ваши мамы не могли бы учиться, работать и заниматься государственными делами, если бы страна о них не заботилась, не облегчала их домашние заботы.

Мама может спокойно работать, потому что знает, что ее маленькие дочка или сын — в яслях и детском саду. Ей не нужно платить за учебу и лечение своих ребят-школьников. Летом многие из вас отдыхают в пионерских лагерях и санаториях. А когда у мамы отпуск, она может провести его вместе с тобой в доме отдыха.

Люди нашей страны — огромная семья, в которой каждый заботится друг о друге. И когда пришла к нам беда и на нашу Родину напали фашисты, — все встали на ее защиту.

Матери тоже встали на защиту Родины. Они совершали подвиги на фронте. Они заменили мужчин на заводах, сели за тракторы. Они растили и берегли детей.

В капиталистических странах женщины живут совсем не так, как ваши мамы. Есть еще страны, где им не разрешают голосовать на выборах, их принимают не во все учебные заведения. На заводах и фабриках, где они работают, им платят меньше, чем мужчинам. В Австрии, например, женщины получают за одинаковую работу наполовину меньше, чем мужчины. В капиталистических странах мало женщин врачей, учителей, инженеров. В США среди инженеров только один процент женщин.

Деньги, которые тратят правительства капиталистических стран на вооружение, тяжело ложатся на плечи женщины, на ее семью: дороже становятся продукты, больше нужно платить за учебу детей, за лечение, за квартиру. В Швейцарии женщина может получить пенсию только тогда, когда ей исполнится шестьдесят два года, в Финляндии — шестьдесят пять лет. В Ирландии и Норвегии — семьдесят.

И женщины борются за свои права: за равенство с мужчинами, за то, чтобы их правительства больше заботились о детях и не тратили так много средств на вооружение.

Наша страна всегда была за мир. Она очень многое сделала для того, чтобы между странами установились дружественные отношения. Теперь важно, чтобы в мире ослабла угроза войны. Ваши мамы поддерживают женщин и в борьбе за мир и за свои права. В Год женщины они будут чаще встречаться друг с другом, рассказывать о своей жизни. В Год женщины профсоюзные и общественные организации многих стран включатся в борьбу за права женщин.

В октябре в Берлине соберется Всемирный конгресс, посвященный Международному году женщины. В Берлин приедут представители всех стран мира, и на конгрессе женщины заявят о своих правах на счастье, свободу, равенство, мир.

Ты человек внимательный и заботливый. Мы уверены, ты всегда помогаешь маме и бабушке. **«Пионер» дает тебе задание: расскажи нам о них. Какая у них профессия? Чем они увлекаются? Как ты им помогаешь?** На конверте не забудь написать: «Рассказ о моей маме и бабушке».

Наверно, в вашем доме, селе, поселке живут матери и вдовы воинов, погибших, защищая Родину. Девятого мая навестите их, поздравьте с праздником.

Альберт ЛИХАНОВ

Мой генерал

ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в № 1.

Рисунки А. АЗЕМШИ.

Спящий поселок

Начало светать. Дед тревожно ходил по кабинету. Потом стал звонить. Телефоны не отвечали.

— Что-то случилось,— сказал он,— слышишь, и моторы не работают.

Правда, на улице стало тихо. Всю ночь носились самосвалы, тарахтели вдали снегоочистители, и вдруг все стихло.

— В чем дело? — удивился дед и стал надевать шинель.

Но тут дверь распахнулась. На пороге стояли отец и начальник стройки. Розовощекие и веселые, будто не было трех тяжелых дней, трех бессонных ночей.

— Ну, все! — сказал начальник.— Поздравляю, Антон Петрович!

Дед сел в кресло, вставил сигарету в мундштук.

— Совсем спятил,— сказал он,— карта-то перед глазами, знаю прекрасно, что заканчиваем, а испугался, когда стихло.

Папа и начальник стройки сидели на диване рядом со мной и улыбались.

— Знаете,— сказал дедушка,— есть такое чувство: страх тишины. Когда мы под Берлином стояли, бои очень сильные шли... И вдруг — тишина. Я волнуюсь: в чем дело? Приказываю укрепить оборону. Выдвинуть усиленные посты. И вдруг — звонок. Оказывается, все. Война кончилась. А ведь тоже знал, что победа. Знал, уверен был, часы считал. А тишины испугался. С непривычки.

Начальник стройки встал. Подошел к деду. Взял обеими руками его руку:

— Спасибо сердечное, Антон Петрович!

— Вот уж не за что,— ответил дед,— ну, а если погоны мои помогли, военный авторитет, за это спасибо не мне говорите. Армии.

Вышли мы втроем на улицу: дедушка, отец и я. Поселок умер словно. Стоят на дороге самосвалы. Шоферы в них спят. Бульдозеры стоят. Тяжелая артиллерия — роторные снегоочистители. Солнце поднимается, а поселок спит. Три дня и три ночи работал. А теперь спит.

Мы идем по улице, и нам навстречу выбегает почтальонша. Веселая, румяная. И две толстенные сумки у нее впереди.

— Милая!— крикнул весело дед.— Тебе же тяжело, давай поможем!

— Что вы, товарищ генерал!— крикнула почтальонша.— Я привычная, товарищ генерал. Это просто почта за три дня, товарищ генерал!

— Ну вот,— сказал отец,— и почта заработала. Значит, все в порядке.

А дома, когда пришли, увидели такую картину. Мама спит одетая. Даже в валенках.

Мы поглядели на нее и тихонько засмеялись, чтобы не разбудить.

А потом разделись и уснули сами.

Телеграммщик

Я потом часто думал: вот странно устроено. Если тебе хорошо было, так и жди: дальше станет грустно...

Не успели мы выспаться, как пришел тот человек. Телеграммщик.

— Рыбаков здесь живет?— спросил он, стоя в дверях и покачиваясь. Шапка на затылок съехала.

Дед на него посмотрел, весь передернулся. Молча расписался, протянул руку за телеграммой.

— Э-э, нет! — засмеялся телеграммщик.— А за доставочку? Голова же болит...

Дедушка взял у мамы деньги. Отдал дядьке. Тот телеграмму протянул. Но уходить не собирался.

— Слышь!— сказал он деду.— Тут, говорят, генерал какой-то нас откопал!

— Говорят,— ответил дед.— Ну, до свидания!

Пьяный рукой махнул.

— Чтоб ему неладно было! Лучше бы не откапывал! Как хорошо! На работу идти не надо! Телеграммы эти проклятые носить не надо!

— Ты что,— спросил дед,— три дня с бутылкой в обнимку?

— Ага! — радостно крикнул телеграммщик.— А генералов этих не звал никто. Подумаешь, генерал! Да я сам, может, майор! Может, и я бы сейчас до генерала дослужился.

Из кухни мама вышла, велела мне в комнату идти. Я не хотел. Боялся деда оставить. Вдруг этот пьяный тут разбушуется. Но дедушка мне кивнул. Сказал:

— Иди, Антошка! Не гляди на этого майора. Мне и то страшно на него смотреть!

Я ушел. Но из комнаты ведь все слышно.

— Не пужайся! — сказал телеграммщик.— Чего такой пужливый? Небось, на войне не был? Небось, в тылу отсиделся!

— Давай-ка отсюда, герой! — насмешливо сказал дед.— А то вон внук мой тебя слушает! Подумает еще, что действительно майор!

— Майор! — закричал телеграммщик.

— Если и был майор, так забудь про это. И никому не рассказывай. Армию не позорь. Свое прошлое.

— Ты кто такой?!— заорал телеграммщик.— Кто такой — меня учить? Подполков-

ник? Полковник? Генерал, может быть? Ха-ха-ха!

— Просто человек,— ответил дед.— Разве этого мало?

— Надо было вызвать милицию,— сказала мама.

— Разве поможет? — ответил дед. Голос у него был усталый, тяжелый.— Разве поможет милиция, если человек честь потерял!

Дедушка весь вечер ходил молчаливый. Когда его спрашивали что-нибудь, отвечал невпопад. Перед самым сном руку он в карман сунул, вытащил бумажку. Телеграмма! Забыли все про нее.

«Дорогой Антон,— прочитал дед,— двадцать восьмого марта мне стукнет пятьдесят тчк Непременно прилетай тчк Иванов».

Дед забегал по комнате. Оживился.

— Еду!— крикнул он маме и отцу.

— Еду!— крикнул мне.

У меня чуть слезы не выступили: мы же договорились на лыжах покататься в каникулы. В кино вместе походить. Да и вообще договаривались весенние каникулы вместе провести. А он уезжает! Уезжает! И про меня забыл!

Дед подошел ко мне. Взял за подбородок. Заглянул в глаза.

— Ольга! Сергей! — сказал он.— А мы вместе с Антошкой поедем.

И тут примчалась Анна Робертовна.

— Мон женераль! — крикнула она с порога, нас даже не заметив.— Дождались! Наконец-то! Гриша женится! Буду своих внуков нянчить!

Дедушка засмеялся:

— Как же мы теперь управимся? Три коляски чужие да еще своя прибавится.

— Мон женераль! — воскликнула Анна Робертовна, смешно прищурив глаза. Будто земляничное варенье попробовала.— Прицепим друг к другу. Будет целый поезд!..

Часть пятая

Вечный огонь

Москва!

Счастливые же все-таки ребята, которые в Москве живут! Счастья своего не понимают. Каждый день могут на Красную площадь приехать! В зоопарк сходить! Мороженого в «Детском мире» поесть! Им и в голову не приходит, наверное, что такого мороженого больше нигде нет. Что, например, сибирские ребята другим обходятся. Похуже. И ничего! Не переживают.

И вот мы над тайгой — летим в Москву.

А дома какие в Москве! Калининский проспект, например. Метро!.. Да чего там! Про Москву разве расскажешь!..

Я только одно расскажу — как мы к Неизвестному солдату ходили.

...Мы стояли на каменных ступенях. У Солдата пылал Вечный огонь. Дождь идет, а огонь горит. Снег валит, а огонь не гаснет.

Мы постояли у каменной звезды, в которой вечное пламя сияет. Дед честь Солдату отдал. Я — пионерский салют.

Это все-таки грустно. Жил человек. Имя у него было. Мать. Может, жена была, дети. А потом погиб. Так погиб, что никто об этом не узнал. Но он не пропал. Он стал Неизвестным солдатом. Его, может, ждут до сих пор. Думают о нем. Вспоминают. Зовут про себя по имени. А он без имени. Он — для всех Неизвестный солдат.

Я смотрел, как подходят к могиле женщины. Старухи. Пионеры. Как кладут цветы на красный мрамор. Как стоят, задумавшись глубоко...

Я беру за рукав деда. Заглядываю ему в лицо. Как хорошо, что мой дед жив и его не убили фашисты! Как хорошо, что он со мной стоит!.. И я его за рукав взять могу... Дед сказал тогда очень правильно! Жалко, что так получилось! Жалко, что я его не видел так долго и совсем даже не знал!

Я прижимаюсь к дедову рукаву. Он обнимает меня за плечо. Мы идем медленно к Красной площади.

Мавзолей закрыт, но рядом толпится народ. Мы подходим поближе. Разглядываем голубые елочки. Блестящие стены. Лица солдат.

И вдруг я вздрагиваю. Протираю глаза. Не может быть!

Я дергаю деда за руку, шепчу ему:

— Гляди! Это же Борис Егоров! Наш вожатый.

— Откуда он тут взялся? — пожимает плечами дед.

Действительно, откуда? Конечно, он солдат, в армии теперь служит — танкистом или, может, моряком. Но тут? Тут Мавзолей, шутка ли?

Я еще глаза тру. Может, показалось? Конечно, показалось! Откуда тут Егорову взяться? Но все-таки кричу:

— Егоров! — и машу рукой.

Солдат стоит неподвижно. И плечи у него, кажется, застыли. Дедушка смеется:

— Ты что? Думаешь, он откликнется?

Слышатся шаги. Грохочут по асфальту. Люди у Мавзолея оживляются. Я вижу, как печатают шаг трое военных. Идут медленно, торжественно. Взмахивают руками в белых перчатках. Винтовка у плеча. Подходят к дверям. Часы на башне под звездой отсчитывают удары. Солдаты меняются. Щелкают прикладами. Новые остаются, те, что стояли, уходят. Смена караула.

Опять грохают шаги. Я бегу за солдатами. Жадно запоминаю каждое их движение. И еще меня подмывает крикнуть опять солдату. Позвать его: может, это Егоров?

Но солдаты смотрят перед собой. Никого не видят. Скрываются в воротах.

Мы идем с дедушкой по Красной площади. Смотрим на собор Василия Блаженного. Разглядываем Лобное место.

— Мы с твоей бабушкой,— говорит дед,— тогда тоже сюда пришли.

— Когда тогда? — спрашиваю я.

— Когда познакомились, — улыбнулся он.— В Кремле. Хотя познакомились мы, конечно, раньше.

И он рассказал про бабушку.

История первая. Про бабушку

Это было в Испании. Давным-давно. Когда не родился еще папа. А мама не родилась и подавно. И дедушка не думал, что когда-нибудь он будет дедушкой. Потому что он не помнил себя. Так ему приказали в Москве.

— Вас зовут теперь Хосе. И вы испанец. Вот и все.

Дедушка кивнул. Хосе ведь звучит одинаково — что по-русски, что по-испански. А других испанских слов он не знал и говорить не собирался. Его артиллеристы были такие же испанцы, как дедушка. По-русски понимали прекрасно. Только все они были черные: старались подбирать по цвету волос. Чтобы походили все-таки на испанцев. И вот они оказались в Испании. И стреляли из старых испанских орудий, совсем непохожих на русские. Стреляли и чертыхались по-русски, потому что орудия стреляли совсем не по-русски — часто мазали. Но они все-таки приспособились. Лупили врагов. А враги наступали. Убивали всех подряд. Мужчин и женщин. Не жалели старух и стариков. И тогда республиканцы попросили спасти испанских детей. Потому что боялись за них. Что будет с ребятами, если погибнут их родители? Умрут тоже. От нищеты, от голода.

Дед оборонял приморский город. Бился изо всех сил. Потому что в город свезли много ребят. И ребята сидели в подвалах домов неподалеку от причалов. А корабля все не было. Корабль шел на всех парах из Одессы.

Пушки нагревались от выстрелов, и тогда женщины приносили воду. Дедушке Хосе хотелось пить, но воду пить было нельзя,

потому что она была морская и ею поливали пушки, а пресной воды не хватало раненым. Однажды воду им принесла девушка в республиканской форме. Она сказала по-русски:

— Корабль на подходе. В подвалах три тысячи ребят. Вся надежда на вас, Антон Петрович.

Дедушка забыл уже сам, как зовут его по-русски. Он вообще забыл, кто он такой, от этого непрерывного боя. Ему показалось, что он ослышался. Ему показалось, это просто звенит в ушах от орудийной канонады. Но девушка улыбнулась ему и повторила:

— Вся надежда на вас, Антоша Чехонте.

Это она так пошутила. Потому что Антошей Чехонте звали в молодости писателя Чехова. А деда тоже звали Антоша. И он ей кивнул. И его испанские орудия заговорили еще чаще. А потом на горизонте появился пароход под флагом с красным крестом. И враги стали палить по пароходу. Антоша Чехонте и его солдаты сжали зубы. Изнемогая от ненависти, устроили шквальный обстрел. Враги притихли. Корабль торопливо забирал детей. В паузах между разрывами слышался плач. Это плакали женщины, провожая своих детей.

А враги снова открыли огонь. Их снаряды ложились возле причалов. Крики на пристани стали громче. А потом пароход отчалил. Очень нерешительно отчалил. И медленно отошел в море.

Ночью дедушка взорвал свои верные испанские пушки. И исчез из портового городка. Ночи в Испании очень темные. А в ту ночь им помогла непогода. Дул сильный ветер, и низко над землей, закрывая звездный свет, неслись облака...

Дедушка вернулся в Москву, оставив в Испании многих друзей, черноволосых, как испанцы. Закопав их в каменистую землю.

В Москве он получил свой первый орден — Боевого Красного Знамени. Такой же орден вручали девушке. Дедушка узнал ее. Подошел поздравить.

— Меня зовут,— сказал он,— Антоша Чехонте.

— А меня Лида Иванова,— сказала девушка.

Потом она стала моей бабушкой. Вот как, оказывается, может быть...

Часовой

Я задумался. Представил, как дедушка и бабушка, молодые совсем, словно на той старой фотографии, по Красной площади идут, друг другу улыбаются.

Вдруг кто-то позвал:

— Товарищ генерал! Товарищ генерал!

Мы с дедом обернулись. Видим: стоит солдат, улыбается, деду козыряет. Вот так штука!

— Я же говорил! — крикнул я.— Я же сразу узнал!

Егоров улыбался — рот до ушей, хоть завязочки пришей.

— Понимаете, какое дело, я же ответить не могу! Мигнуть даже не могу! Но я вас сразу узнал! Какими судьбами?

— Мы-то на каникулах,— ответил дед,— а вот какими судьбами вы?

— В армию взяли,— сказал Егоров,— и в Москву. Сначала учился. Думаете, это легко, у Мавзолея стоять? Целая наука! А какая ответственность! На тебя весь мир смотрит! Иностранцы приходят, фотографируют со всех сторон!

Я Егоровым любовался. Там, дома, ничего особенного в нем не было. Может, было, да я не замечал. А тут — широкоплечий. Погоны голубеют, как глаза у него. Стройный, подтянутый: настоящий солдат!

— Ко мне мать приезжала,— сказал Егоров.— В гарнизон пришла, ей говорят: на службе. Там-то. Она — к Мавзолею. Как меня увидела, заплакала. У меня сердце разрывается, мама у меня старенькая, но не подойдешь ведь к ней. Потом спрашиваю: ну чего плакала? А она мне отвечает: от гордости!

Дедушка руку Егорову пожал. Пожелал счастливой службы. Но Егоров не уходил, мялся чего-то. Потом сказал:

— Вы Гале про меня не говорите. Вот сфотографируюсь на посту, карточку пошлю, тогда и узнает.

Мы с дедушкой улыбнулись: понятно. Но Егоров снова не уходил.

— А отряду,— сказал,— ты привет все-таки передай. Скажи, служу в Москве, и все. Я письмо вам напишу. Большое. Отчет о своей службе. А летом прилечу в отпуск.

— А вы молодец! — сказал дедушка, еще раз пожимая Егорову руку.— Про вожатство правильно решили.

— Я теперь иначе не могу,— ответил Борис.— У меня служба такая!

Я тоже пожал Егорову руку. Очень мне понравилась его идея. Еще бы — наш вожатый на посту номер один стоит! Как же мы должны тогда стараться!

— Ну, до свидания,— сказал Егоров.— Командиры на минуточку отпустили! Да и то потому только, что вы генерал, Антон Петрович! К другому бы, небось, не пустили. Вон глядят!

Мы повернулись к Кремлю. Там стояли два офицера. Увидели, что дед на них смотрит, в струнку вытянулись, издалека ему честь отдали. Вежливые!

А Егоров козырнул нам. Именно нам, я

Это было в Испании. Дед оборонял приморский город. Бился изо всех сил.

не оговорился. Сначала деду. Дед ему честь отдал. Потом мне. Я Егорову отсалютовал.

Потом четко кругом повернулся. И побежал.

Вот какая встреча произошла! Просто удивительная. Миллионы жителей в Москве. С одного двора люди никогда на улице не встретятся. А мы из Сибири прикатили и сразу своего нашли.

Ну, правда, нашли потому, что он у Мавзолея стоял, а не где-нибудь. К Мавзолею все миллионы людей стекаются. Потому что это Мавзолей. Там — Ленин. И теперь рядом с Лениным наш вожатый. Монтажник из Сибири. Часовой... Самый видный военный на всей земле...

Так что была бы моя воля, прежде чем офицером стать — артиллерийским, или морским, или авиационным,— я бы выбрал службу Егорова. Стал бы сначала часовым возле Ленина...

Настоящий человек

Самолет идет на посадку. Скоро будем у генерала Иванова.

Я десять раз деда просил: расскажи о своем друге.

— Пока не могу,— отвечал дед.— Ты его должен сам увидеть. Это человек необыкновенный. Больше таких нет.

Чем же он необыкновенный, думал я. Двухметрового роста? Сильный, как штангист? Но ничего придумать не мог. Вздыхал — придется терпеть.

Но вот дод толкает калитку. Идет по тропке к домику, заросшему плющом. Навстречу бежит человек. Дед обнимает его крепко. Они стоят, прижавшись друг к другу. Молчат. Потом отступают на шаг. И тут я вижу, что у генерала Иванова нет обеих рук. Рукава заправлены в карманы.

Как же он живет, думаю я. Как можно жить без рук? А дед будто не видит этого. Берет меня за плечо, подводит к Иванову, представляет.

— Антон Рыбаков? — переспрашивает Иванов.— Твой дублер, значит? — улыбается деду.

— Антон-второй! — кивает дед.

Мы проходим в дом. Нас встречает седая женщина. У нее веселые глаза. Она хочет обнять дедушку. Но он сначала целует ей руку и говорит:

— Здравствуй, боевой товарищ!

Мы сидим в комнате Николая Петровича. В углу стоит странное стекло. Я трогаю его, не понимаю, зачем это дырявое стекло здесь. Его надо выбросить. Оно все в трещинах и дырках.

— Отгадай, что такое? — говорит Николай Петрович.

— Ветровое стекло от машины,— выручает меня дед.— Видишь дырки? Это следы от пуль.

— Храню на память,— сказал Николай Петрович.—Автографы смерти как бы. Всю мою машину изрешетило, случайно жив остался.

Они влюбленно смотрят друг на друга, перебивают друг друга, словно мальчишки. Будто мы с Кешкой, например. И никак наговориться не могут.

— Вот слушай, Антон! — зовет меня дед. Усаживает рядом.— Расскажи снова, Коля! Это ему непременно знать надо. Знаешь, он ведь в военные собрался. Но если и штатским останется, знать надо!

Николай Петрович кивает, выходит на середину комнаты. Рисует сапогом на полу воображаемые дуги, линии — направление ударов. Рисует пушки, танки.

— Это Дрезден,— говорит он.— Это наши главные силы. А этот клин — мой артиллерийский полк. Вперед мы ушли, наши только еще подтягиваются. И вот берем пленных. Они говорят, готовится танковый удар. Направление такое-то. Что делать? Если сомнут нас, перед главными силами нет противотанковой защиты. Решаю: удар танков встретить с флангов. Выстраиваюсь углом к противнику. Начинается мясорубка. Открываем огонь — не в лоб, как немцы ждут. А сбоку. И по всей глубине. Немцы в замешательстве. Танки горят. Огонь ведем прицельный, точный. Подпускаем близко.

— Антошка,— говорит мне дед.— Николай Петрович командовал противотанковой артиллерией. Это очень трудно — стрелять по движущимся танкам, которые еще по тебе стреляют.

Меня подмывает спросить. Но я не знаю, как. И очень неудобно.

— Понятно? — спрашивает Николай Петрович.

— А вы...— говорю я и краснею.— А руки у вас тогда были?

— Нет! — отвечает Иванов.— Не было! Руки я на берегу Днепра потерял.

Я не могу поверить. Про летчика Маресьева я читал. И кино не раз видел. Он без ног был, это известно. Но руки же у него были! А как артиллеристу без рук? Надо командовать! А командовать — на карте схемы чертить! В телефонную трубку кричать! В бинокль смотреть! Если надо — снаряд схватить и пушку зарядить! Разве же без рук это можно?

Я смотрю на генерала Иванова и не понимаю: может, он шутит? Но разве так шутят? Я поворачиваюсь к деду. Смотрю на него вопросительно.

— Я ведь говорил тебе, Антон,— произ-

носит задумчиво дед,— генерал Иванов — необыкновенный человек.

— Сказанешь тоже,— сердится Иванов.— И вообще! Что ты выражаешься, как на радио? Сам бы про себя рассказал лучше. Вон орденов сколько! Их зазря не дают. А скромничаешь, небось?

— Ладно, — произносит дед. — Кукушка хвалит петуха. У меня награды за обыкновенное военное дело. У тебя — за подвиги. Не бойся этого слова. За настоящие подвиги. Книги про них писать надо!

— Да уж все написано! — смеется Николай Петрович.

Мы идем в столовую, обедаем. Жена Николая Петровича кормит его с ложечки. Словно маленького. Но дед не обращает на это внимания. Будто все нормально. И жена Иванова тоже не обращает. И сам генерал. Они вспоминают войну, забавные всякие случаи и смеются, словно на войне только смешное и происходило. Нет, на войне не смешно было, а тяжело, трудно. Иногда — смертельно трудно. А вечером дед рассказал мне историю про генерала Иванова.

История вторая Про генерала Иванова

Война уже обратно катилась. Гитлеровцы драпали.

Вообще выражение это неправильное — драпали. Драпал Наполеон, тут верно. Бросил своих солдат и помчался в Париж. А Гитлер был злобный человек. Каждый день орал, чтобы его солдаты сражались до последнего. И фашисты не драпали, а сопротивлялись изо всех сил. Бились отчаянно. Но мы все равно гнали их.

Дед сказал: фашисты умело воевали. И генералы у них были опытные. Еще бы! Всю Европу прошли. Все армии победили. Так что врагов дураками считать нельзя. Никакими они дураками не были. А были коварными, хитрыми, расчетливыми. Жестокими были, как звери, потому что они фашисты. Но не дураками. Дураков-то обмануть легко. А значит, и победить. Наша победа трудной была. Потому что враг опытный и злобный. От этого наша победа только почетней!

Ну так вот, война назад катилась. И фашисты дрались отчаянно. За каждую кочку цеплялись. А уж про реки и говорить нечего! Взрывали за собой все мосты, чтобы добраться до них нельзя было. На другом берегу в землю закапывались. Дотами и пулеметами ощетинивались. Вот так они уцепились и за Днепр. Мол, ни за что дальше не отступим.

Нечего нам делать, надо врага выбивать. Надо Днепр переплывать и вражеский берег захватывать.

Только тут объяснить надо. Днепр переплыть не каждый взрослый может. Даже в мирное время. А тут война. Тут не просто переплыть надо, а переплыть под вражеским огнем. Плывешь, а вода вокруг от снарядов да пуль будто вскипает.

Но и это еще не все.

Надо плоты переправить. Специальные, железные, военные. Понтоны называются. На понтонах — пушки. Танки.

В общем, не плавание это никакое. Плаванием не назовешь, если в тебя стреляют. Поэтому есть такое слово — форсирование. Форсируют реку — это когда ее переходят под огнем, штурмуют, словно крепость. Но ведь за этой крепостью — еще одна. Укрепленный врагами берег. Берег, который плюется свинцом.

По всему берегу всю реку форсировать нельзя. Поэтому генералы выбирают место, где враг послабее. А если нигде послабее нет, выбирают, где нам поудобнее. И начинается битва. Переплывают солдаты. Перевозят пушки, танки. Цепляются за кусочек берега и врагов выбивают. Наш этот кусочек называется плацдармом. Французское, между прочим, словечко. Плац — значит площадь, д'арм — для армии. Но когда реку форсируют, наш плацдарм на вражеском берегу — это сначала кусочек земли, а не площадь. И враг все делает, чтобы с этого кусочка нас сбросить. Потому что, когда есть плацдарм, через реку можно подкрепление переправить. Составить быстро понтоны один к одному — и будет мост. А по мосту танки пойдут, пехота побежит, пушки покатятся. Подмога плацдарму. Тем, кто на кусочке земли сражается.

Не думайте, будто я зря про это рассказываю. Это к генералу Иванову все относится.

Только он тогда генералом не был. Был капитаном. Когда форсировали Днепр, его командира тяжело ранило. Капитан Иванов вместо него встал. Отвоевал у фашистов маленький плацдарм — пятачок земли. Орудия расставил. Открыл по врагу бешеный огонь. И держался изо всех сил, пока подмога не пришла. Пока не переправили по понтонному мосту ему на помощь другие войска.

И тут жахнула мина. Прямо перед ним. И все исчезло.

Когда он в себя пришел — в госпитале уже,— рук у него не было. По самые плечи. Рук нету, а он их чувствует. Хочется ему ладонью по голове провести, волосы причесать...

Капитан Иванов отвоевал у фашистов маленький плацдарм. Орудия расставил. Открыл по врагу бешеный огонь.

Лежит капитан, поверить в беду не может. Как же без рук? Недаром поговорка такая есть: как без рук. Значит, плохо. Да просто невозможно без рук.

Может, лучше не жить дальше? Может, лучше умереть, чем жить несчастным калекой? Родным обузой быть?

Жизнь, как сон, стала. Закроет глаза капитан — плацдарм ему видится. Вражеские танки. Артиллерийские разрывы. Товарищи боевые видятся. Это жизнь. А откроет глаза — белый потолок. Белый халат врача. Да еще ординарец на табуретке с горестным лицом. Разве это жизнь?

Думает капитан, думает. Умереть сейчас глупо. Умирать, победив, нельзя. Слабый так поступить может, но не он. Умереть — значит перед жизнью капитулировать. Значит, отступить. А отступать он не привык. Вперед надо идти. Только вперед. Но обузой быть он не может. Не имеет права. Жить можно при одном условии — сражаться дальше. Даже без рук.

И вот что выдумал Иванов. Послал ординарца в штаб. Попросил, чтобы изменили в его бумагах строчку. Чтобы написали, что родился он в другом городе. И все. Нет его. Пропал без вести. Пусть не ищут родные. Мало ли Ивановых Николаев Петровичей?

Правильно ли он поступил?

Считал, что правильно. Считал, что война еще впереди и убить его могут. Так что какая разница? Просто немного раньше в мертвые себя записал.

Вот какая история.

Врачи капитана на фронт не пускали. Он уехал без спроса. Вернулся в полк. Героем. Со звездочкой на гимнастерке. И снова стал воевать.

Под Дрезденом заслужил Иванов вторую Звезду Героя. Опять его ранило. Поправился и снова на фронт. Сражаться!

Всю войну прошел до конца. Не убило его.

Даже смерть от него отступилась.

Удивилась, наверное, его мужеству.

А родные его нашли все-таки. Да разве могли они его не найти!..

Юбилей

И вот мы едем на юбилей генерала Иванова.

Юбилей — это что? Сидят за столом. Говорят речи.

У генерала Иванова совсем другой юбилей. У него юбилей необыкновенный.

И вот мы едем. И я смотрю вперед. И жду, волнуюсь, когда начнется самое главное.

Ну вот оно, главное. Наконец!

Машина тормозит. Перед нами боком к дороге стоят два бронетранспортера. Возле них выстроились солдаты в парадной форме, с автоматами на груди. А к нам бегут три полковника.

Мы выходим из машины. Могучий полковник — высокий, широкоплечий,— бегущий впереди, переходит на шаг. Впечатывает в грязь шаги. Подходит к нам, но в глазах у него растерянность. Наверное, не знает, к кому обращаться? Генерал-лейтенант стоит позади генерал-майора. Полковник делает шаг к дедушке, боится нарушить устав, но дед кивает головой на друга, говорит:

— Ему! Ему!

Лицо полковника разглаживается.

— Товарищ гвардии генерал-майор! Группа встречи ожидает вашего прибытия.

— Какая еще группа встречи? — ворчит Иванов, поворачивается к деду, спрашивает:— Видал?

Мы опять садимся в машину. Транспортеры взвывают моторами. Один идет впереди нас, другой — позади. Солдаты сидят в бронетранспортерах, как на параде, смирно.

И вот огромная площадь. С трех сторон выстроились солдаты. Посредине Боевое знамя. Два автоматчика возле знаменосца с красной лентой на груди.

Бронетранспортеры, сопровождавшие нас, тормозят. Пропускают чуть вперед нашу машину.

Мы выходим. Могучий полковник кричит протяжно:

— Смир-р-р-р-но-о-о!

Я вздрагиваю. Грохает музыка.

— Ты стой здесь, — шепчет мне дед.

Я вижу, как он волнуется.

— Не волнуйся,— шепчу я.

И вот они пошли.

Первым генерал-майор. Сзади полковник и генерал-лейтенант. Полковник и дедушка держат руку у виска. Иванов этого сделать не может. Он просто сильнее печатает шаг.

А солдаты кричат «Ура!». И «Ура» это по рядам как бы прокатывается. Будто волна.

Я смотрю на парад, на солдат, на дедушку и генерала Иванова, на Красное знамя в центре площади, на бронетранспортеры, на небо, уходящее глубоко, и чувствую, как внутри меня поднимается что-то. Мне радостно? Нет, не радостно. Весело? Опять не то. Мне хорошо, понимаете? Мне счастливо, вот что! Мне очень хорошо и счастливо, меня так и переполняет это удивительное счастье, и холодеют скулы, и что-то щекочет в горле, и режет немного глаза!

Как здесь здорово все, как торжественно! И хотя я тут единственный зритель, тоже имею отношение к параду: здесь мой дед. А я его внук...

Музыка вдруг стихает.

Иванов подходит к знамени. Поворачивается к деду, что-то говорит. Дед снимает с друга папаху. Генерал-майор становится на колено. Целует знамя.

И вдруг раздается залп. Я оборачиваюсь. Сбоку стоят солдаты. Они щелкают затворами, и снова раздается залп. Я считаю выстрелы. Их пятьдесят. Солдат тоже пятьдесят. Пятьдесят залпов пятидесяти солдат. Генерал Иванов подходит к стрелкам. В глазах у него слезы. Он целует солдата. И строй рушится. Молодые ребята обнимают генерала. Закидывают карабины за спины. А потом качают его. Осторожно, но с криком:

— Ур-ра! Ур-ра! Ур-ра!..

И все остальные солдаты без всякой команды вторят им:

— Ур-ра! Ур-ра! Ур-ра!

И могучий полковник кричит вместе с ними.

И мой дедушка.

И я тоже. Кричу изо всех сил:

— Ур-ра! — Какое синее сегодня небо! — Урр-ра! — Какая сильная у нас армия! — Ур-ра! — Какой замечательный герой генерал Иванов! — Ура! Ура! Ура!

Бог войны

А потом начинается уж совсем прекрасное.

Мы едем куда-то. Довольно долго. Потом выходим на опушке леса. А там стоят орудия. Разные. Большие и поменьше. Возле них солдаты.

Мы поднимаемся на дощатый помост. Там стоят стереотрубы. Такие приборы, похожие на рогатку. Каждая рогулька — оптический глаз. Посильнее, чем у бинокля.

— Прикажете начинать, товарищ генерал-майор? — спрашивает могучий полковник.

Иванов кивает. Полковник берет огромный револьвер. Загоняет в него здоровый патрон с красной гильзой. Поднимает руку вверх. Револьвер жахает, и в небо, шипя, впивается красная ракета. Вот, значит, что это за револьвер! Но удивляться некогда.

Вдоль опушки проносится рев. Я даже испугаться не успеваю. Только вздрагиваю каждый раз. Это орудия стреляют одно за одним. Бых-бых-бых-бых! Подряд. Получается очередь. Только не автоматная, а орудийная. В конце поля взлетает земля.

Пушки грохают еще раз. И еще. Еще. Потом умолкают. Полковник уходит к пушкам. Предупреждает заранее:

— Сейчас будем танки бить. Прямой наводкой.

Тихо. После стрельбы тишина особенной кажется. Вот ворона каркнула. Ишь ты, молодец, не испугалась грохота! Голоса слышатся. Это солдаты у орудий разговаривают. Звякает металл. Наверное, пустые гильзы складывают.

Дедушка и Иванов улыбаются, переглядываются. Вдыхают запах пороха, который ветром от пушек принесло.

— Хорошо, Антоша! — говорит Иванов.

— Хорошо, Коля! — отвечает дедушка.

— А помнишь артподготовки перед наступлением? — спрашивает Иванов.

— Еще бы! — улыбается дед.

— Гарь, дым! — перебивает Иванов.— Соседних пушек не видно!

— Веселое время — наступление,— кивает дед.

— Ребята у орудий скачут как черти,— горячится Иванов.— Черные от копоти, веселые! От канонады оглохшие!

— Нет! — восклицает дед.— Никто лучше Лермонтова про артиллерию не написал: «И залпы тысячи орудий слились в протяжный вой!»

— Что говорить,— смеется Иванов,— бог войны наша с тобой артиллерия.

Они замолкают. А я на них любуюсь. Шинели расстегнули. Папахи сняли. Седые волосы на солнце блестят. Улыбаются, довольные.

— Ты знаешь, Коля,— говорит дед,— встретил я в Сибири одного сержанта. Наказал я его несправедливо на войне. За то, что фашиста пленного ударил.

— Лежачих не бьют,— сказал Иванов.

— Да этот фашист у своего же пленного пайку хлеба, оказывается, отнял. А сержант-то мне этого и не объяснил. Испугался начальства. И теперь вот встретились.

— Неудобно вышло,— вздохнул Иванов.— Что ж, нам, командирам, перед сержантом извиниться не грех. Было уж, что там говорить. На вежливость времени не хватало. Поговорить не могли толком. Выполняй приказ, и все тут. Да и кто перед солдатом не в долгу, скажи? Сами солдатами были. Помним.

— Это верно,— ответил дедушка,— не зря скребет на сердце.

Примчался полковник. Снова жахнул из ракетницы. Иванов прильнул глазами к стереотрубе. Дедушка взял бинокль. Мне свой полковник отдал.

Я смотрю в бинокль.

В настоящий полевой бинокль.

Разные есть бинокли. Можно и в магазине такой же купить. Такой же, а не такой. Вот винтовка. У нее номер есть. Она на учете числится, как солдат. Потому что она — боевое оружие. Мой бинокль — как винтовка. Он в армии служит. Военным помогает. Это настоящий военный бинокль.

Я смотрю в него сквозь тонкие крестики и черточки, которыми стекло помечено. Разглядываю поле вдали и вдруг вижу, как по нему движутся странные предметы.

На санях установлен столб. Это как бы мачта. А на мачте натянуто полотно. Движется по земле парус. Все ближе, ближе к нам. Но пушки молчат. Парусов уже много на поле. И они быстрее ползут.

— Чего же медлят? — говорит дедушка.— Расстояние позволяет.

Иванов хмыкает, ничего не говорит. А полковник объясняет:

— Отрабатываем дрезденский маневр генерал-майора. Видите, пушки стоят под углом к атаке. Огонь будем вести с близкого расстояния. И на всю глубину.

— Вот как! — изумляется дед.— Да сейчас же тактика другая. Орудия другие. В военных условиях такой атаки может и не быть!

— Может и не быть,— соглашается полковник,— а может и быть.

— Ну,— хохочет дедушка,— вас не проведешь! Молодцы! Да так и надо! Новому учитесь, но и старое не забывайте!

И тут начинается пальба.

Пушки грохочут. И я вижу, как в парусах появляются дырки. Один парус пополам сломало — угодили прямо в мачту!

Те паруса, где дыры, останавливаются. Много «танков» уже подбито. А другие еще идут. Ползут, и все.

У стволов огонь пляшет. Дым клубами. Остановились последние танки. Все. Победа.

Иванов от стереотрубы отвалился, зубами сверкнул.

— Что ж,— сказал,— спасибо бойцам! Стреляли отлично.— Подмигнул деду: — Давай их поблагодарим. Покажи-ка, как ты умеешь.

Полковник снова из ракетницы жахнул. На опушке солдаты к нам повернулись. Понять не могут: в чем дело? Ведь стрельба закончилась.

А дедушка подошел к краю помоста, сложил руки рупором, набрал воздуха побольше и гаркнул:

— Бла-годарим за служ-бу-у!

Солдаты переглянулись. Быстро выстроились рядом с пушками. И хором ответили:

— Служим Советскому Союзу!

И так складно у них получилось! Будто солдаты только и знали, что генералам через полкилометра кричать в нарушение всяких уставов.

По дороге домой

Мы сидим, как в гнезде.

Я отбросил эту палку, на которую локти ставят и которая наши кресла отделяет. Приткнулся к дедушкиному боку. Он меня рукой прикрыл. Будто крылом. Как грачи сидим. Грачи в самолете.

— Никто ведь не поверит мне! — бормочу.— За одни весенние каникулы столько пролететь! Столько увидеть! Ты, дедушка, молодец, что меня взял!

— Мне бы скучно без тебя было!— отвечает негромко дедушка.— Хорошо, что мы вместе летали!

— Еще летим! — улыбаюсь я.

— Летим! — шепчет дедушка.

Лететь нам долго. Много часов. Но совсем не скучно. Потому что мы с дедом говорим. Помолчим. Подремлем. Опять продолжаем длинный разговор. Он то улыбается, то грустит. Вот опять замолчал, нахмурился.

— Ты чего?— спросил я.

— Помнишь телеграммщика? — сказал дед.

— Того забулдыгу? — удивился я.

— Забулдыгу,— вздохнул дед.— Это он теперь забулдыга, а ведь был майор. Вот я и думаю, как же так вышло?

— Чего тут расстраиваться? — удивился я.— Досадовать надо на себя, ты говорил, когда сам ошибся. А тут ошибается другой человек.

— Верно говоришь. Но не бывает же так сразу: сначала — хороший и вдруг — плохой. Давай поразмышляем.

Я согласен. Я люблю, когда дедушка размышляет.

— Давай,— отвечаю я,— значит, он был майор.

— Сначала война началась. Он пошел на фронт. Стал солдатом. Или командирские курсы закончил — стал лейтенантом. Войну майором закончил.

— Дальше что?

— Подожди. Заглянем в мирное время. Еще до войны. Кем он был? Например, бухгалтером. Бухгалтерия для артиллерии, например, великое дело. Возле пушек считать надо, чтобы в цель попасть. Вот он из бухгалтеров стал хорошим артиллеристом. Майором.

— Ну и что?

— А вот что. До войны — бухгалтер. Неплохо. А после войны? Опять бухгалтер? Ему это, наверное, не понравилось. Он решил: раз майор, значит, простым бухгалтером работать стыдно, хотя ничего стыдного нет — не звание красит человека, а человек свое звание. Я же говорил: бухгалтерия артиллерии помогает. Значит и артиллерия бухгалтерии может помочь. Но он не захотел жить, как прежде. А чтобы по-новому жить, учиться надо. И учиться неохота. Вот и стал он просто майор. Бывший майор. Майор, который ни на что не годен.

— Но это же он виноват,— удивляюсь я.— Почему тебе досадно?

— Досадно мне потому,— говорит дедушка,— что наша армия майора потеряла. А государство — бухгалтера.

Я думаю. Что же делать с этим майором? Но ничего придумать не могу. Что придумаешь? Дед вздыхает снова. Прижимает меня покрепче. Я жмурюсь от удовольствия. Говорю ему:

— Брось ты! Не досадуй! Подумаешь, какой-то пьяница!

Дед меня отодвигает. Смотрит пристально в глаза.

— Антошка!— восклицает он громко.— Не говори таких страшных слов! Надо о любом человеке думать, понимаешь. О любом. Потому что он — человек!

Дед разглядывает меня пронзительно. Удивляется, как я мог такое сказать.

— Не смей, я тебе просто приказываю, никогда не смей! Не смей думать о людях равнодушно! Люби, спорь, ненавидь, наконец! Но не будь равнодушным! У каждого несчастья есть причина. И ее надо отыскивать. Надо размышлять. Надо помогать людям, чем можешь. Но никогда не закрывай глаза. Не маши рукой, не считай, что есть зряшные люди. А самое главное, не будь равнодушным. Запомни это! И помни всю жизнь!

Часть шестая

Завещание

Перед посадкой я снова спросил:

— Когда расскажешь военную тайну?

— А ты не побоишься?— сказал дедушка. Он смотрел на меня строго, будто испытывал: трус я или нет?

— Она страшная?— обрадовался я.— Вот здорово, узнаю страшную тайну.

Дедушка нахмурился.

— Тяжелая,— ответил, помолчав.— И горькая.

И вот мы сидим дома, за праздничным столом, мама и папа поглядывают на нас радостно, довольные нашим возвращением. Только что ушла Анна Робертовна, растроганная до слез. Дедушка вручил ей пакет с младенческой одеждой для ее будущего внука. Она перебирала рубашки, чуть побольше ладошки, поглядывала на дедушку и шмыгала носом.

— О, мон женераль!— повторяла она, а дедушка только крякал от смущения.

Потом француженка ушла, мы остались одни — наша семья: папа, мама, дедушка,— и я снова принялся рассказывать подробности наших замечательных каникул, но дедушка перебил меня.

— Знаете, други,— сказал он,— надо серьезно поговорить.

Никогда я еще не видел дедушку таким серьезным. Видел грустным, печальным. Видел даже, как он плачет. Но таким простым и серьезным еще не видел.

— Вот что, милые,— сказал он негромко и задумался.

Дедушка молчал, как будто не решаясь сказать что-то очень важное.

— Жизнь не бывает вечной,— сказал он вдруг.— Это закон природы. Против него человек бессилен. Вот и я.

Дедушка замолчал. Опустил голову.

— Вот и я,— повторил он,— должен приготовиться к этому.

— Как не стыдно!— воскликнул отец.— Боевой генерал, а о чем думаешь!

— Что вы, папа!— растерянно проговорила мама.

А я вскочил с места, обнял деда, шепнул ему на ухо:

— Не надо!

Он отодвинул меня. Усадил рядом, обнял за плечо. Ответил отцу спокойно:

— Если хочешь знать, солдат перед боем всегда надевает чистое белье. Без паники и шума. Если возможность есть, непременно помоется в бане. Думаешь, он собирается умирать? Нет. И не хочет. Но на всякий случай готовится.

Дедушка помолчал.

— Я умирать не собираюсь, но готовым быть должен. Чтобы костлявая не застала врасплох. Вот и решил — написать завещание... Хоть я и генерал, а имуществ особых не имею. То, что есть, оставляю тебе, Ольга, ты хозяйка. Сыну книги. Внуку, тебе, Антошка, орден Отечественной войны, потому что наследникам по закону оставляется только он, остальные сдаются государству.

Он посмотрел на нас посветлевшим взглядом. Мама и папа сидели как в воду опущенные. Да и у меня на сердце кошки скребли. Зачем он затеял такой разговор? О смерти. О наследстве. Разве об этом надо думать?

— Чего носы повесили, — усмехнулся дед.— Дело житейское, простое. Но обязательное. Никуда от него не денешься.

— Папа,— воскликнула мама,— ну разве так можно? Зачем какие-то приготовления?! Стоит ли думать об этом?

— Отец,— сказал возбужденно папа,— мамы нет давно, ты должен успокоиться наконец. И потом мы, слава богу, вместе. Антошка, ты. Сердце радуется, глядя, как вы дружите!

— Эх, ребятки!— сказал дедушка.— Зачем успокаиваете меня? Я старый вояка, Смертей нагляделся, Лидушку схоронил, так что не боюсь, поверьте, и не о том речь. Не о том!

Он встал, прошелся по комнате. Остановился у окна. Сказал:

— Вот послушайте стихи.

Помолчал минуту. В комнате тихо было. Так перед грозой бывает. Все замирает. В небе. На земле.

Голос у деда был как бы равнодушный. И он будто бы не стихи читал. Будто сам сказал:

— Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны.
В том, что они — кто старше, кто моложе —
Остались там. И не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь.
Речь не о том, но все же, все же, все же...

Потом дедушка повернулся.

— Ну вот, Антошка,— сказал он,— настала пора рассказать мою военную тайну.

Я подошел к деду. Встал с ним рядом, волнуясь.

Сердце у меня билось. Еще бы! Разве может быть у генерала неважная военная тайна? Завалящая какая-нибудь? Пустяковая?

Тайна у дедушки, конечно, замечательная. Самая рассекретная! Государственная! И ничего, что страшная. Я не трус.

Только чего он молчит? Может, боится? Может, опасается, что мы ее разболтаем?

Так не такие мы люди. Папа, мама, я. Не такие, чтобы болтать по углам. Чтобы военные тайны разбалтывать. Рассекречивать их перед всяким первым встречным.

Чего же молчит дедушка?

— Смелей!— говорю я.

Дедушка смеется тихонько.

— Смелей, говоришь?— спрашивает.

Опять молчит.

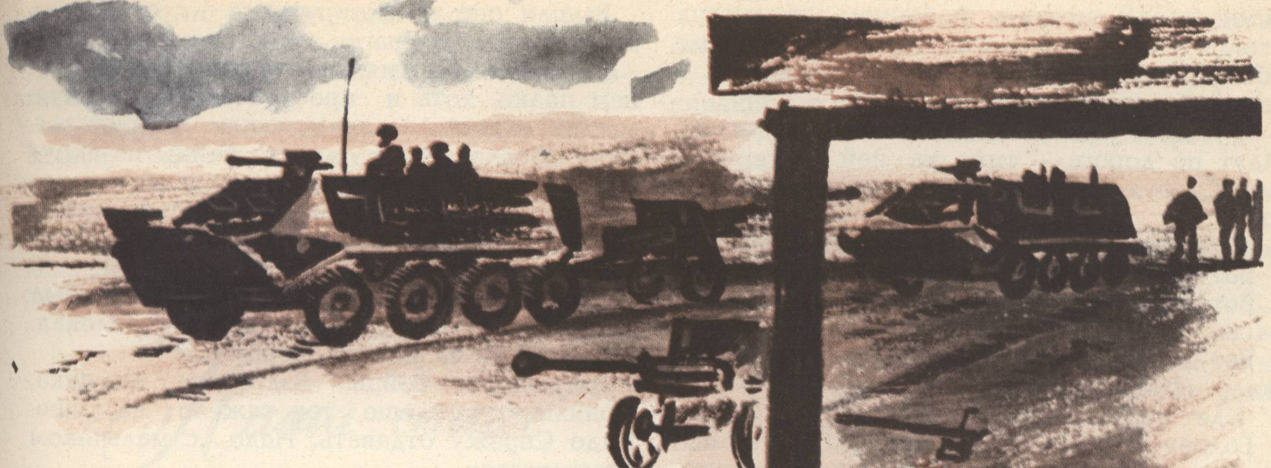
— А я вот боюсь, понимаешь-ка. Всю жизнь эту тайну носил, а рассказать боюсь.

Он опять молчит, а потом произносит:

— Дело в том,— говорит дедушка, и голос у него какой-то неестественный. Деревянный.— Дело в том,— повторяет он,— что твой отец, Сережа, не я. Я не твой дедушка, Антон!

Слова его словно разрыв снаряда.

И я увидел все, как было...

Я смотрю в настоящий военный бинокль. Разглядываю поле вдали и вдруг вижу, как по нему движутся странные предметы.

История третья
Про дедушку

Горело в тот день солнце. Палило нещадно. Было ему невдомек, что не смеяться надо, а плакать, что лучше бы ему за тучи зайти и не смотреть весело на землю.

А оно припекало. Празднично. Невпопад. Будто не только людей, но даже и солнце застала врасплох эта нежданная война.

Дедушка был майором. Был молодым совсем. Ехал из Москвы, из отпуска. Слушал, как приятно поскрипывают новенькие ремни, смотрел, как поглядывают с завистью на него мальчишки.

А потом будто оглох.

Война!

Другие не верили, смеялись, говорили, не может быть, у нас с немцами мир, но дедушка-то сразу понял: может быть!

Война на восток катится, дедушка на запад торопится. С поезда — на машину. С машины — на коня. С коня — на ноги. Идет пешком, ведет за собой командиров да солдат. А навстречу ему — люди.

На телегах едут. Пешком шагают. В детских колясках узлы с одеждой да едой катят. Старики идут с палками. Старухи с котомками. Женщины с маленькими детишками на руках. А те ребята, что постарше, сами что-нибудь тащат. Лица у них хмурые. Взрослые. Ведь война.

Яростно бился майор. Сам пушки заряжал. Снаряды подносил. Сам в фашистов целился.

Но фашисты сильные были! Сражались умеючи. Вместо убитых солдат новые выходили. А у нас подмоги нет.

Сражался дед до последнего. В ногу ранило. Бойцы его от пушек оттащили. Спрашивают:

— Отступать?

— Снаряды еще есть,— говорит дед.— Сражаться!

Ушли бойцы. Потом снова вернулись. Спрашивают:

— Отступать?

— Патроны еще есть,— говорит дед. — Сражаться!

Но кончились и патроны. Приказал дед усатому знаменосцу Красное знамя под

гимнастерку спрятать. А бойцам знаменосца всегда в середине держать. Мало ли, враг обойдет, сбоку ударит. Чтобы знаменосец в самой безопасности был.

И пошли бойцы назад вместе с дедом. Идут по дороге — тихо на ней. Стариков нет. Старух нет. Женщин с детьми нет. Все ушли.

А те, кто не успел, на земле лежат.

Вот картошка из мешка просыпалась...

Вот детская коляска с узлом перевернулась...

Вот женщина лежит, ребенка к себе прижала. И оба мертвые...

Идет дедушка по страшной дороге.

Голову опустил. Стыдно ему. За армию стыдно, за бойцов своих. За себя стыдно. Не сумели, эх! Не сумели защитить от врага беззащитных людей.

И вдруг по мертвой дороге идет мальчик. И поет.

Дедушка ушам своим не поверил: поет!

— Выхо-одила на бе-рег Ка-тю-ша!

На вы-со-кий на берег крутой.

Усатый солдат, у которого знамя на груди и который всех храбрей сражался, потому что он знаменосец, отшатнулся.

— Товарищ майор, неужели дите с ума сошло от страха?

А мальчик к ним идет. И все поет.

— Вы-хо-дила пес-ни за-во-дила...

Подошел к дедушке, голову поднял, потому что высоко смотреть, и говорит:

— Чего-то все спят... и мама спит... Я ее толкаю, а она не просыпается...

У дедушки лицо окаменело. Хочет он заплакать и не может. А тут бойцы кричат:

— Танки!

Дедушка обернулся — фашистские танки по дороге пылят.

— Знаменосец! — крикнул дедушка. — Ребенка бери! И чтобы беречь, как знамя, понял!

Отступили бойцы в лес, и вечером, далеко от врага, на привале узнал дедушка от мальчика, что ему три года и зовут его Сережа, а маму зовут Катя, и она любит песню про Катюшу. Больше ничего не узнал, как ни бился.

Шли бойцы лесами. Шли болотами.

Если не спал Сережа, на шее у знаменосца усатого сидел. Если спал — дедушка его на руки брал.

Долго шли солдаты. В дождь и в жару. Но мальчик не плакал. Терпел. Полюбили его бойцы.

— В сыны полков бы его взять, — говорил знаменосец. — Да разве можно такого крохотного?

Шли бойцы дальше. Нападали на врагов. Выходили из лесу, били фашистов и снова в лесу исчезали. А когда начинался бой, знаменосец с Сережей отходили в безопасное место.

Вывел дедушка бойцов из окружения.

Вышли они не безоружные — с автоматами, отбитыми у врага.

Вышли не безымянной толпой — со знаменем полка, хоть и простреленным в двух местах: достала знаменосца фашистская пуля. Молчаливыми вышли бойцы из окружения, хоть и радоваться можно: живые остались. Но разве станешь смеяться, когда отступили? Когда оставили врагам свою землю?

Грустные сидели солдаты. Грустным был дедушка. И тут Сережа вдруг заплакал. Первый раз за долгую дорогу.

Вздрогнули бойцы. Вздрогнул дедушка. Поняли, отчего еще так тяжело на душе. Надо Сережу отдавать. Надо с мальчиком расставаться.

Задумался дедушка. Взял листок, написал письмо жене. Отдал его раненому знаменосцу.

— Спасибо, — сказал, — за знамя. Дальше его развернутым понесем. А вот мальчика довези до Москвы.

...По мертвой дороге идет мальчик. И поет.

Стал дедушка снова сражаться.

Бабушка ему письма присылала. Треугольники такие. В войну конвертов не хватало.

В каждом треугольнике ладошка была. Знаете, как это делается? Кладут ладошку на бумагу и карандашом каждый палец обводят.

Идет война. Сражается дедушка. А ладошка в письмах все больше. Растет мальчик Сережа. Мой папа.

Наша семья

Я стоял, прижавшись к деду.

Потом услышал, как его обнял еще кто-то. Посмотрел я, это папа положил дедушке голову на плечо. Мама взяла деда под руку.

Мы стояли маленькой тесной кучкой, прижавшись к дедушке, и он сказал хриплым голосом:

— Какая тесная у нас семья...

— Тесная!— сказал папа.

— И очень дружная! — сказала мама.

— Ну вот,— проговорил дедушка,— теперь вы знаете мою военную тайну.

Он посмотрел на фотографию над папиным столом. Вздохнул.

— Не сдержал я слова,— сказал он грустно.— Лидушка считала, ворошить прошлое незачем, а я не могу уйти с этой неправдой.

— Папа,— произнес отец,— эта неправда — моя правда, слышишь. Ты — мой отец, Антошкин дед, вот и все.

— Ты наш самый любимый человек,— сказал я серьезно.

Мы снова сели. Кто на диван. Кто на стулья.

— А ты помнишь что-нибудь, Сережа? — спросил дедушка.

— Только деревья помню,— ответил отец.— Ветки лезли в глаза, и я протягивал руки.

— Почему же ты пел?— спросил я.

— Не помню,— ответил папа.

— А маму не помнишь? — осторожно спросил дед.

— Нет.

Я разглядывал папу. Вот он, оказывается, какой. Был на войне, хотя и не помнит. И еще... Еще у него убили маму... Я взглянул на маму. Что я стал бы делать без нее?

И тут меня осенило! Дедушка и бабушка стали для папы отцом и матерью вместо убитой мамы. Нет, не так. Они и есть отец и мама.

Папа подсел к дедушке, обнял его за плечо. Посмотрел на него пристально. Сказал:

— Дай-ка я тебя поцелую, старый вояка!

Они сидели, прижавшись друг к другу.

Потом мы ложимся спать. И дед ворочается с боку на бок.

— Орден твой можно мне носить? — спрашиваю я.

— Допустим, можно,— улыбается он. — Будешь?

Я думаю. Неудобно получается. Орден все-таки дедушкин.

— Нет,—говорю я, — надо самому заработать.

— Правильно думаешь,— отвечает дед. — Этот орден на память обо мне.

— Память будет и без ордена,— говорю я.

— Ого!— улыбается дедушка. —Прорезается характер!

— В тебя!— шепчу я.

Теперь я всегда думаю о нем. В школе на уроках. На переменах. Если просто иду по улице, опять думаю о дедушке. Вхожу домой — смотрю на него пристально. Обедаю — гляжу на него.

Вот утро. «Газики» пришли. Мама и папа в машины садятся, а мы с дедом в разные стороны расходимся. Я в школу, он проведать Анну Робертовну. Или в магазин. Бутылки блестят в авоське. Дедушка шагает неторопливо, прихрамывает немного.

Я смотрю ему в спину, пристально смотрю. И все думаю. Думаю.

Смогу ли я таким же, как он, стать? Или не смогу?

Вот прошло время, например. Много времени. И я стал старым. Стариком. Таким же, как дедушка.

Внук у меня есть, как я. И вот интересно, что будет этот самый мой внук думать обо мне?

Ведь, наверное, может же так быть — утром через много лет мы выходим с внуком из дому, он шагает в школу, а я иду в магазин.

И внук останавливается, глядит мне в спину. И что-то думает. Он же будет что-то думать там, соображать. И вот, например, он соображает что-нибудь такое. Старичина ты, простофиля, старый хрен с редькой! Занудина несчастная! Никакого толку от тебя нет! Только и гундосишь: учи уроки, учи уроки! А сам ничего из себя не представляешь! Никакой исторической личности! Вот у тебя дед был — это да! Генерал!

И станет тут мой внук думать не про меня, а про моего дедушку.

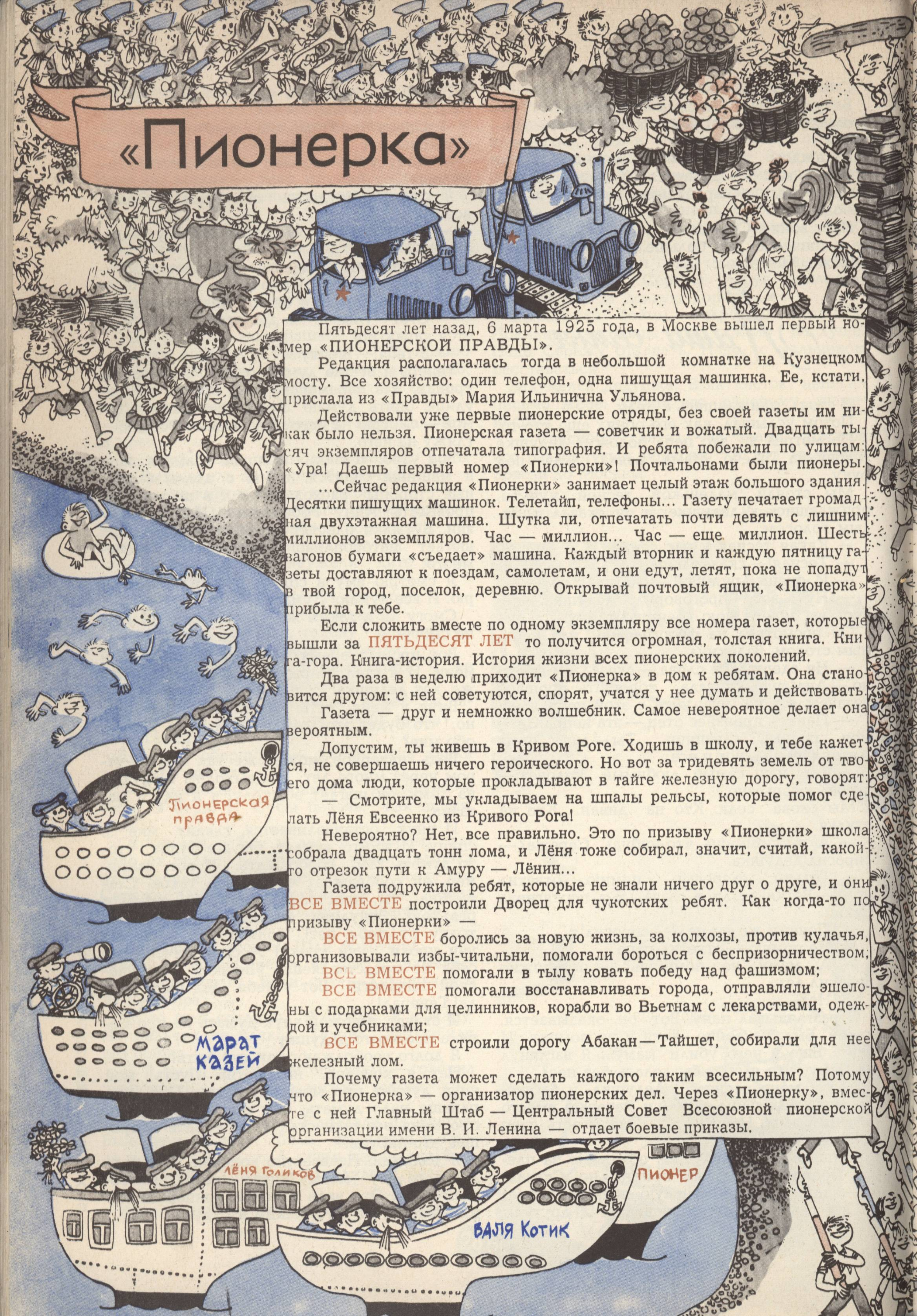
Я долго соображаю: как тут быть?

Нет, я, конечно, не против. Пусть мой внук думает про моего дедушку. Про него раньше надо думать, чем про меня. Ну, а про меня все-таки станет он думать? Хорошее что-нибудь?

Я вздыхаю. Неизвестно, конечно, что придет в голову моему внуку через много-много лет. Это ведь в конце концов от меня зависит. От того, каким я буду.

ОКОНЧАНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

«Пионерка»

Пятьдесят лет назад, 6 марта 1925 года, в Москве вышел первый номер «ПИОНЕРСКОЙ ПРАВДЫ».

Редакция располагалась тогда в небольшой комнатке на Кузнецком мосту. Все хозяйство: один телефон, одна пишущая машинка. Ее, кстати, прислала из «Правды» Мария Ильинична Ульянова.

Действовали уже первые пионерские отряды, без своей газеты им никак было нельзя. Пионерская газета — советчик и вожатый. Двадцать тысяч экземпляров отпечатала типография. И ребята побежали по улицам: «Ура! Даешь первый номер «Пионерки»! Почтальонами были пионеры.

...Сейчас редакция «Пионерки» занимает целый этаж большого здания. Десятки пишущих машинок. Телетайп, телефоны... Газету печатает громадная двухэтажная машина. Шутка ли, отпечатать почти девять с лишним миллионов экземпляров. Час — миллион... Час — еще миллион. Шесть вагонов бумаги «съедает» машина. Каждый вторник и каждую пятницу газеты доставляют к поездам, самолетам, и они едут, летят, пока не попадут в твой город, поселок, деревню. Открывай почтовый ящик, «Пионерка» прибыла к тебе.

Если сложить вместе по одному экземпляру все номера газет, которые вышли за ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ то получится огромная, толстая книга. Книга-гора. Книга-история. История жизни всех пионерских поколений.

Два раза в неделю приходит «Пионерка» в дом к ребятам. Она становится другом: с ней советуются, спорят, учатся у нее думать и действовать.

Газета — друг и немножко волшебник. Самое невероятное делает она вероятным.

Допустим, ты живешь в Кривом Роге. Ходишь в школу, и тебе кажется, не совершаешь ничего героического. Но вот за тридевять земель от твоего дома люди, которые прокладывают в тайге железную дорогу, говорят:

— Смотрите, мы укладываем на шпалы рельсы, которые помог сделать Лёня Евсеенко из Кривого Рога!

Невероятно? Нет, все правильно. Это по призыву «Пионерки» школа собрала двадцать тонн лома, и Лёня тоже собирал, значит, считай, какой-то отрезок пути к Амуру — Лёнин...

Газета подружила ребят, которые не знали ничего друг о друге, и они ВСЕ ВМЕСТЕ построили Дворец для чукотских ребят. Как когда-то по призыву «Пионерки» —

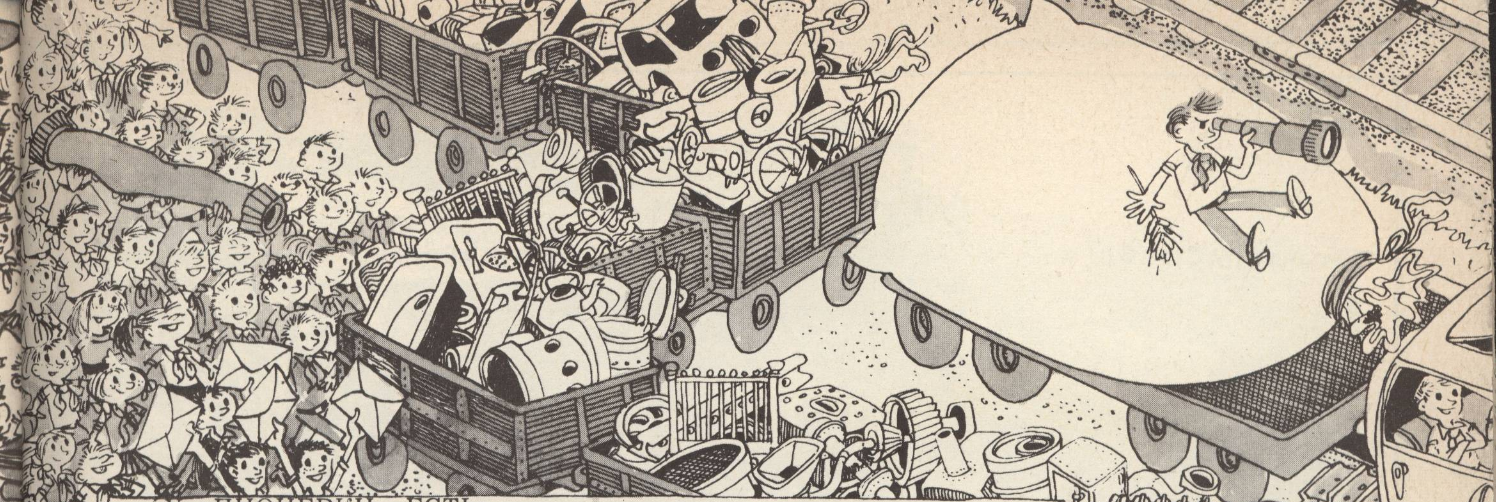
ВСЕ ВМЕСТЕ боролись за новую жизнь, за колхозы, против кулачья, организовывали избы-читальни, помогали бороться с беспризорничеством;

ВСЕ ВМЕСТЕ помогали в тылу ковать победу над фашизмом;

ВСЕ ВМЕСТЕ помогали восстанавливать города, отправляли эшелоны с подарками для целинников, корабли во Вьетнам с лекарствами, одеждой и учебниками;

ВСЕ ВМЕСТЕ строили дорогу Абакан—Тайшет, собирали для нее железный лом.

Почему газета может сделать каждого таким всесильным? Потому что «Пионерка» — организатор пионерских дел. Через «Пионерку», вместе с ней Главный Штаб — Центральный Совет Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина — отдает боевые приказы.

У «ПИОНЕРКИ» ЕСТЬ:

...СВОЯ АРМИЯ. Это армия юнкоров. Без них газета как без рук. «Здравствуй, «Пионерка»! Шлет тебе донесение пост ЮК с хлебного фронта. Не дадим пропасть и зернышку! Посты выставлены на всех дорогах, по которым возят зерно...» — написала Ира Кузнецова из Казахстана. «Награжден маленький герой Вова Семенов, он вывел лошадей из горящей конюшни. Гордимся подвигом!» — пишут из села на Псковщине. Армия юнкоров выполняет срочные задания редакции, проводит рейды, боевые операции. Собирается на специальную юнкоровскую смену в Артеке.

...СВОЙ ФЛОТ. Корреспонденты «Пионерки» не раз выходили в море на «своих судах». Их больше тридцати, они называются именами пионеров-героев: «Марат Казей», «Зина Портнова», «Леня Голиков»... Во главе — белоснежный флагман «Пионерская правда».

...СВОЙ МОНЕТНЫЙ ДВОР. Как много ИГР, ТУРНИРОВ, СОРЕВНОВАНИЙ, КЛУБОВ на страницах газеты! «Пионерке» нужно много наград — медалей, значков, наградных знаков. По ним можно узнать, кто из ее читателей чем увлекается.

По значку узнаешь «Юного тимирязевца» и участника «Турнира смекалистых», «Следопыта» и члена «Картинг-клуба», зарничника и члена клубов «Кожаный мяч», «Золотая шайба», «Белая ладья».

Но награждает «Пионерка» не только знаками.

Однажды по селу Новый Рогачик в приволжских степях проехал новехонький синебокий трактор. За ним бежали ребята и кричали: «Ура! Трактор наш!» Ребята этого села выиграли всесоюзный приз «Малой Тимирязевки». Их признали лучшими опытниками: в засушливый год они вырастили небывалый урожай помидоров и отправили его ребятам Севера.

...СВОЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПОЧТАМТ Звонят без конца телефоны. На столах вырастают кипы писем. Телеграммы. Только возьмутся их разбирать — телефонный звонок: «Париж на проводе!» Из Парижа передают репортаж, с улицы Мари-Роз, которую парижане знают как «улицу Ленина», — там Владимир Ильич жил, работал.

...СВОЕ ПОЧТОВОЕ ОТДЕЛЕНИЕ. Три раза в день к подъезду с вывеской «Пионерская правда» приходит почтовая машина. Лифт поднимает на пятый этаж бумажные мешки с письмами, свертки с рисунками, коробки, посылки с семенами цветов — от «тимирязевцев»...

Как-то пионерка Аня Качерович написала, что уехала из пионерского лагеря, потому что там царили грубость, скука. Ее письмо напечатали. Ребята откликнулись, стали спорить: как объявить грубости войну? Что такое самостоятельность? Что значит жить хорошо? Открылся в «Пионерке» клуб «Зеркало». В его адрес уже пришло... 14 463 письма.

А всего «Пионерка» получает до трехсот тысяч писем в год.

Много? Нет, хорошо.

Значит, мы дружим — «Пионерка» и ты...

А. БЕЗБОРОДОВА.

ЖУРНАЛ «ПИОНЕР», ЕГО АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ ПОЗДРАВЛЯЮТ «ПИОНЕРСКУЮ ПРАВДУ» С ЗОЛОТЫМ ЮБИЛЕЕМ!

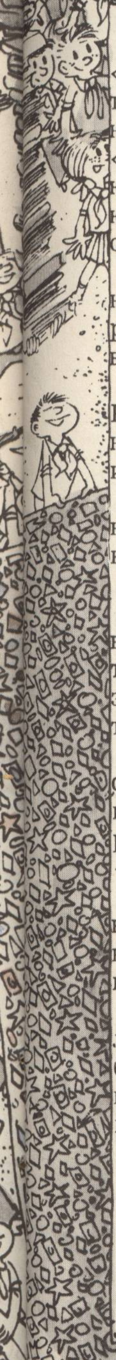

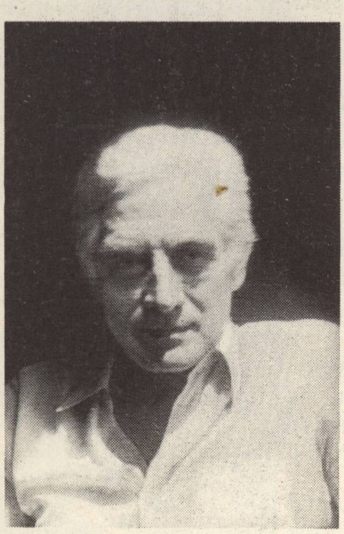
Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Николай ПАСТУХОВ

Народ победит!

Я летел в Лиссабон. В самолете было много португальцев. Они в разное время эмигрировали из фашистской Португалии и сейчас возвращались на родину. Мой сосед Франциско Патричио десять лет прожил во Франции. Теперь он летит домой:

Несколько лет тому назад «Пионер» рассказывал о героическом побеге из крепости Пенише португальских коммунистов. Тогда нельзя было назвать их имена. Среди них был и Генеральный секретарь Коммунистической партии Португалии Алваро Куньял. Этот мужественный человек, долгое время находясь в подполье, руководил борьбой португальского народа против фашизма.

— Я не знаю, найду ли я на родине жилье и работу, там пока трудно жить. Но не в этом дело, главное, нам возвратили родину.

Полвека Португалией управлял фашистский диктатор, крупный финансист Салазар. Фашистское правительство не хотело расставаться со своими многочисленными колониями в Африке. Тринадцать лет оно вело колониальные войны. Правительство тратило на эти войны большие деньги. На улицах Лиссабона то и дело видишь нищих, калек, слепых, порой совсем еще молодых людей — инвалидов колониальных войн.

В Португалии народ жил очень бедно. Большинство людей не умело читать и писать. Болели и умирали дети, потому что не хватало больниц, лекарств, врачей.

Фашисты запретили в Португалии коммунистическую партию. Она работала в подполье. Фашисты сажали коммунистов в тюрьмы, и многие коммунисты вынуждены были покинуть родину.

Но даже в самые трудные годы выходила газета коммунистов «Аванте». Коммунисты боролись с фашизмом и говорили народу правду.

Революцию в Португалии совершили военные. Этот моряк Алмейда — один из тех, кто избавил Португалию от фашизма.

25 апреля 1974 года в Португалии все изменилось — произошла демократическая революция. Страна решила жить по-новому.

Но ей приходится очень трудно. Многие из капиталистов, боясь, что народ отберет у них фабрики и заводы, бежали за границу, перевели в иностранные банки награбленные у народа деньги, закрыли фабрики и заводы, и многие рабочие стали безработными.

Фашисты не хотят расставаться с властью, устраивают провокации. 28 сентября 1974 года они попытались поднять мятеж против демократического правительства. Мятеж подавили молодые офицеры, которые отказались воевать в колониях. Добровольные народные патрули стали следить за порядком в городах.

На заводе «Конструктура модерна», где я побывал, в сварочном цехе висит огромный плакат: «Устраним фашистские элементы из администрации завода». В механическом цехе я видел листовку: «Вступайте в ряды коммунистической партии! Это долг, честь и воля всех, кто желает демократического строя!»

Народ не хочет жить так, как жил много лет, он борется с фашистами.

У нового демократического правительства во главе с премьер-министром генералом Васко Гансалвишем много забот. Надо дать людям работу, наладить торговлю, чтобы в магазинах были все необходимые продукты. Нужно подумать о том, чтобы все дети учились в школе, надо создать новую, демократическую конституцию взамен фашистских законов. Сейчас уже идет работа над проектом конституции. Новое правительство предоставило независимость португальским колониям в Африке.

Жоан живет в деревне недалеко от Лиссабона. Она сказала, что хочет стать учительницей. А еще она мечтает побывать в Москве.

Многие страны не хотели иметь дела с фашистской Португалией. У Советского Союза не было с Португалией дипломатических отношений пятьдесят лет. Теперь в Лиссабоне работает советское посольство.

В нашу страну приезжала делегация во главе с заместителем премьер-министра, Генеральным секретарем Коммунистической партии Португалии Алваро Куньялом. СССР и Португалия договорились о культурном и экономическом сотрудничестве.

Борьба за новую, демократическую Португалию продолжается. И народ в этой борьбе победит!

Фотографии автора.
Рисунки П. ПАНЧЕНКО.

НОВЫЕ ПИОНЕРСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Пионеры Кармэн Лира

Л. СИМОНОВА

ВИЛЬЯМ УЛЬОА И ДРУГИЕ

У Вильяма Ульоа портфель всегда набит до отказа: оставить бы дома учебник математики, да вдруг что-нибудь понадобится? И тетрадь по рисованию нужна: рисовать хочется каждый день... Словом, портфель набит и очень-очень тяжелый. По субботам Вильям готов его бросить, потому что сразу же после лицея он едет за газетами, которые обязательно должен продать в этот вечер.

Газета коммунистической партии «Свобода» выходит по субботам. Пионеры помогают ее распространять.

Ульоа садится в автобус и вежливо спрашивает пассажиров:

— Не хотите ли купить газету «Свобода»?

Ульоа шагает по улицам, останавливается на шумных перекрестках:

— Покупайте газету «Свобода»! «Свобода» говорит правду обо всем, что происходит в мире!

Ульоа идет на фабрику:

— Читайте газету коммунистов! Покупайте «Свободу» — газету коммунистов!

Сорок три года Коммунистическая партия Коста-Рики была в подполье. Сорок три года компартия боролась за независимое легальное положение, и только в 1970 году эта борьба увенчалась успехом. Партия вышла из подполья, начала печататься газета «Свобода».

«Свобода» — рупор партии, и важно, чтобы идеи партии, ее отношение к событиям, происходящим в стране и в мире, узнавали, как можно больше людей.

ПЕРВЫЕ ОТРЯДЫ

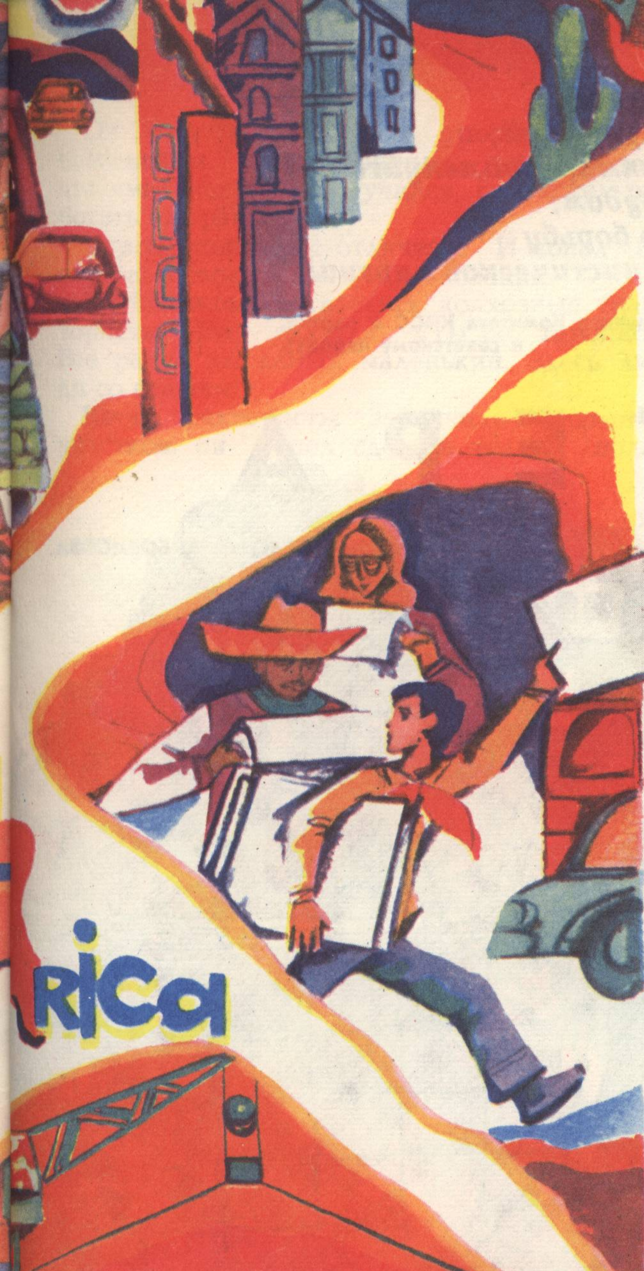
Как только компартия вышла из подполья, коммунисты поручили молодежной коммунистической организации создавать пионерские отряды.

Кармэн Лира — псевдоним одной из основательниц компартии, известной детской писательницы Коста-Рики. Это имя носит теперь пионерия этой страны — «Пионеры Кармэн Лира».

Герой книжек Кармэн Лира — храбрый, добрый, мужественный и благородный кролик, который всегда из всех сложных и трудных ситуаций выходит победителем. Белый кролик на красном галстуке пионеров Коста-Рики — символ мужества и доброты, храбрости и благородства, неуклонной воли к победе.

-costa-rica-

Пионерская организация Коста-Рики — поли-
ическая организация. Ее цель — воспитывать ебят в духе верности и преданности делу рабо-
его класса, делу всего народа, идеалам комму-
истической партии, готовить ребят к вступле-
ию в молодежную коммунистическую органи-
ацию.

В законах пионеров Коста-Рики сказано, что ионеры должны любить свою родину и передо-
ую партию рабочего класса, уважать труд и бе-
ечь народное имущество, заботиться о младших помогать старшим, дружить с пионерами и етьми трудящихся всего мира, хорошо учиться, ыть дисциплинированными, любить и защи-
ать природу своей страны, чтить память на-
иональных героев, которые отдали свою жизнь а дело рабочих, за свободу и независимость ро-
ины, не бояться трудностей, защищать честь воего отряда, быть примером для всех детей.

Пионеров в Коста-Рике пока совсем немно-
о, но они верные помощники коммунистиче-
кой партии.

Коммунисты проводят митинги солидарности с ародом Чили, с народами, борющимися за свободу, независимость, социализм; пионеры расклеивают в городах и деревнях листовки, собирают деньги в фонд помощи этим странам.

Коммунисты ведут свою работу во время предвыборной кампании — пионеры в день выборов дежурят на избирательных участках. Распространяют литературу компартии, рассказывают о коммунистах.

Коммунисты строят в деревнях школы, чтобы как можно больше детей могло учиться, — пионеры помогают им.

«Я ПОМОГАЮ СТРОИТЬ ШКОЛЫ!»

— Послушай, — говорит Вильям Ульоа своему однокласснику. — Поедем в воскресенье в деревню, поможем строить школу.

— Вот еще, — недовольно бурчит мальчишка. — В воскресенье я буду гонять мяч, я уже договорился с ребятами со своей улицы.

— Послушай, — не отступает Вильям, — это не так уж трудно. Поднесем к стройке кирпич, притащим воду, поможем замешивать цемент... Держу пари, ты и представления не имеешь, как замешивать цемент... А это чертовски интересно!

— Я, — начинает втягиваться в разговор товарищ Вильяма, — представления не имею, как замешивать цемент?! Да я, если хочешь знать...

— Послушай, — Вильям Ульоа знает, что делает, — мы немножко поможем строительству, а потом погоняем мяч...

Они помогали замешивать цемент, носили воду, готовили обед, а потом и правда погоняли мяч немного... А на следующий день товарищ Вильяма пошел вместе с ним по домам собирать деньги на строительство школы.

У каждого пионера Коста-Рики есть карточка, разграфленная на квадратики. Квадратик — вроде бы квитанция за определенную, очень небольшую сумму денег. Вернулся пионер в отряд, отчитался перед товарищами: вот столько квадратиков исчезло с моей карточки, столько денег я получил. Хорошо, когда остается только корешок карточки, на котором изображена школа и написано: «Я помогаю строить школы!» Это уже победа!

Все вокруг должны видеть:
пионеры помогают строить школы — хорошие ребята,
пионеры сажают на улицах городов и сел цветы и деревья — молодцы ребята,
пионеры заботятся о малышах и стариках — ребята что надо!

Пионеры умеют веселиться: они танцуют и поют, устраивают шахматные турниры и футбольные матчи, ходят в походы и ездят в пионерские лагеря.

Пионеры — надежные и верные товарищи. Они всегда стараются вести себя так, чтобы среди ребят Коста-Рики у них становилось все больше верных друзей и союзников.

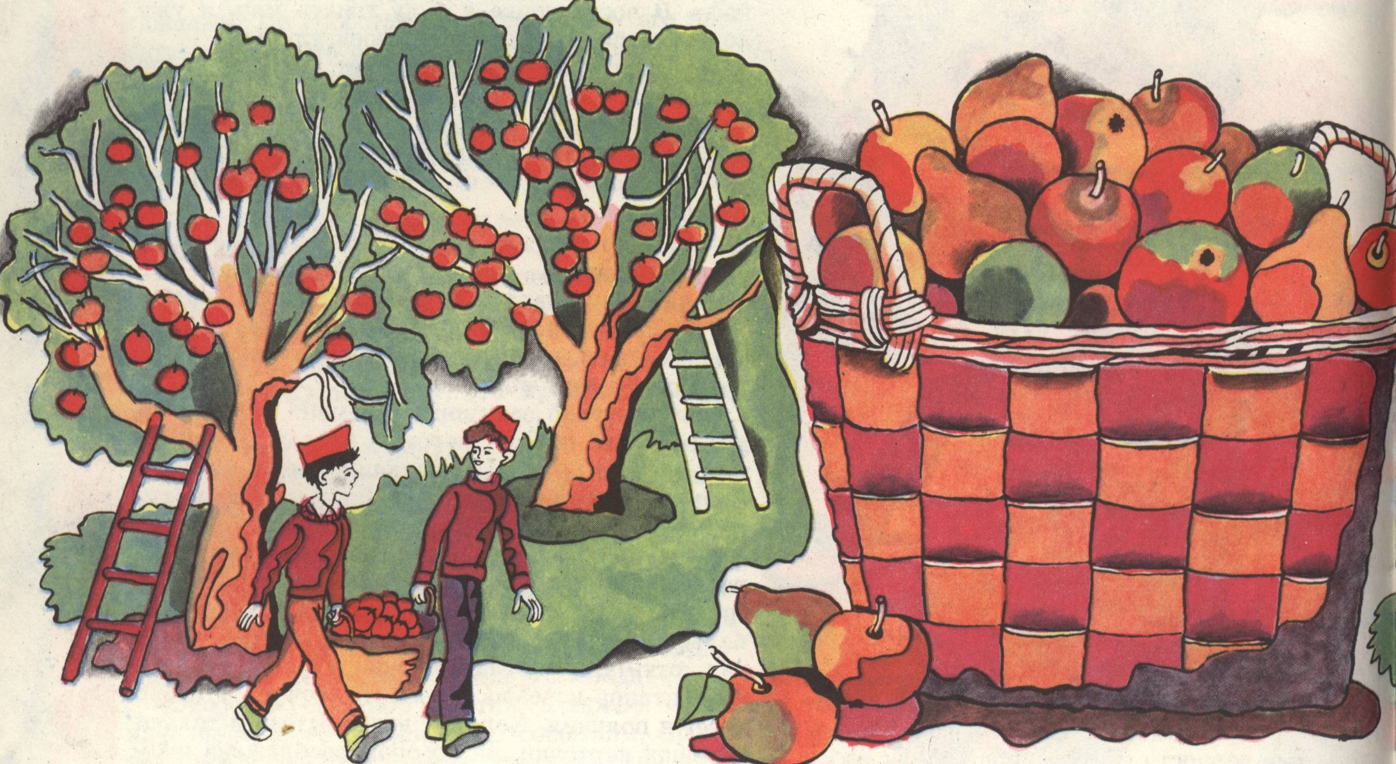
Будьте достойной сменой старших поколений, продолжателями их героических дел и традиций. Настойчиво и упорно овладевайте знаниями, ознаменуйте завершающий год пятилетки ударным трудом; вносите достойный вклад во всенародную борьбу за успешное выполнение планов Коммунистической партии!

(Из Обращения Центрального Комитета КПСС к партии, к советскому народу).

МАСТЕРА

И. ГОЛУБЕВА

Рисунки А. БОРИСОВА.

ЗРИТЕЛИ И ВОДИТЕЛИ

Рядом со мной стоял победитель. Я разговаривала с Васей Бухаркиным сразу после соревнований трактористов на слете ученических производственных бригад.

— Волновался? — естественно, спросила я.

— Нет,— очень спокойно ответил он.

Теперь Бухаркин на соревнованиях не волнуется. Когда начинается работа, волноваться нечего. Работу надо знать. И он знает. Он за фигурное вождение трактора одни пятерки получает, он «змейку» (вождение трактора между колышками, поставленными на расстоянии пяти метров друг от друга) делает на девятой, самой большой скорости.

Миасское, село на Урале, где он живет, похоже на чашу, наполненную гудением моторов. Рядами тянутся гаражи, друг за другом едут тракторы, грузовики. И везде, где они останавливаются, собираются мальчишки. Смотрят, обсуждают, трогают горячую железную обшивку.

Бухаркин был среди них главным зрителем. Он еще когда в первый класс не ходил, привык залезать на кожаное сиденье отцовского грузовика, рассматривать рычаги, педали и надоедать: «Это зачем? А это?»

Но одно дело — быть зрителем, знать марки машин и названия деталей. А другое дело — водить машину по-настоящему, оставаться с ней один на один.

В седьмом он записался в школьную производственную бригаду и на курсы механизаторов.

На курсах был самым маленьким. Единственным семиклассником.

Он был на редкость упорным семиклассником. Ему говорили, что «рано», что «маленький», он учился, он хотел работать на тракторе.

Курсы окончил с отличием. И попал на первые в своей жизни соревнования.

В Миасском состязались колхозные трактористы. Ему сказали: «Ты не торопись. Все равно ты самый маленький. Здесь люди со стажем!»

Когда трактористы закончили распашку участков, он успел сделать только половину. Сидел красный и убитый в кабине и не хотел вылезать. Немного пришел в себя, когда узнал, что занял третье место — качество работы у него самое лучшее было. Тогда-то он и решил, что станет работать и работать, пока не научится управлять трактором так, чтобы он слушался, как живой, чтобы не волноваться, а спокойно заниматься своим делом.

Опытное картофельное поле производственной бригады — участок не маленький. Но все равно его любимому «Кировцу», чудо-трактору, здесь не развернуться. Он работал сначала на «Беларуси». «Беларусь» быстрая, маневрирует прекрасно. После нее ДТ-75, новый трактор бригады, который поручили ему осваивать, показался тяжелым и неуклюжим. А теперь он без ДТ-75 жить не может. ДТ — настоящий вездеход, проходит там, где «Беларусь» сто раз бы застряла...

Водитель трактора должен свою машину хорошо узнать и полюбить. Трактор после ремонта Бухаркин сам всегда обязательно проверяет. Летом, чтобы не терять времени, он приезжал домой обедать и оставлял трактор за заборчиком палисадника. Обедал, а одним глазом смотрел в окно, как там его железное «чудо» поживает. «Даже за обедом не может о нем не думать»,— говорила мама.

И это правда.

Однажды он пошел на охоту. На уток. Вокруг Миасского березовый уральский лес. На болоте утки. Но до болота он не дошел. Увидел дятла. Дятел самозабвенно колотил носом по дереву. Бухаркин смотрел, смотрел на дятла и пошел домой.

Так он не стал охотником. Не стал шахматистом. И футболистом. И заядлым киношником. Хоть это и присутствует в его жизни, но главное — механизмы. От старых настенных часов до трактора и самолета, на котором он мечтает летать после школы.

Он не любит смотреть на машину, как это обожают делать городские мальчишки. Он не может быть зрителем. Ему нужно открыть капот, заглянуть внутрь, дотронуться руками, и тогда любая машина сразу оживает.

ПАРК САМ ВЫРАСТИ НЕ МОЖЕТ

Раньше фруктовых садов в селе Перелюбе не было. Зимы холодные. Грунтовые воды близко подходят к поверхности, подмывают корни деревьев — ни яблони, ни вишни не выживают. Перелюб — село без садов. Голые, пыльные улицы.

А теперь едешь в Перелюб, а по обе стороны дороги — черная смородина. Остановилась машина, вылезай и ешь на здоровье.

Теперь в Перелюбе парк, который похож на лес. С деревьями, полянами, земляникой, муравейниками, сыроежками — со всем, что полагается лесу. И каждую осень он увеличивается. Раньше его можно было вокруг обежать, а теперь заблудиться просто.

Парк сам вырасти не может — не такие в Перелюбе природные условия. Каждый год за парком надо ухаживать, подсаживать новые деревья.

Летом выходит ученическая производственная бригада Перелюбской школы в полном составе и собирает семена. Кленовые «самолетики», лакированные коричневые желуди. Потом семена высаживают в мокрый песок. Заботы с саженцами много. Прополка, поливка, окучивание, подкормка!

Вот такая работа у бригады. И все-таки, когда решали, кто где будет работать: на току или в полеводческой бригаде, Оля Благова сразу сказала, что будет заниматься саженцами. В Перелюбе должны быть деревья.

Ей всегда хотелось, чтобы было много цветов, вдоль улиц росли клены, а по дороге, ведущей в село, — черная смородина. И весной перед каждым домом цвели вишни.

В пятом классе, когда началась ботаника, мама достала ей ботанический определитель. Пожалуй, это и сейчас Олина любимая книга. Описания всех цветов, трав, латинские и русские названия, рисунки.

— Я наизусть знаю очень много растений. А видела по-настоящему, живыми, только некоторые. В Перелюбе, например, мать-и-мачеха не растет. И много еще чего не растет...

В пятом классе было положено начало ее коллекции. Может, где-то, в больших ботанических музеях, хранятся более ценные и обширные собрания растений. Но эта коллекция — единственная в мире. Коллекция растений Перелюба.

После обеда они с Инной, младшей сестрой, шли гулять. Осторожно срывали цветы, разыскивали неизвестные травки, отламывали веточки.

Все находки аккуратно укладывали между газетами. Сверху пресс — стопка книг. Записываются названия, вид, семейство... А дальше нужны гербарные папки. Хорошо, что мама так прекрасно все понимает и всегда из своих командировок привозит тяжелые, тугие стопки гербарных папок.

Из пионерского лагеря вещи Ольга везла в узелке, чемодан был заполнен новыми растениями для коллекции. Вроде и была недалеко от Перелюба, а травы, и цветы, и деревья там другие. У бабушки, когда гостила, нашла долгожданную мать-и-мачеху. Куда бы она ни попадала, везде присматривалась и думала: «Эти цветы могли бы расти и в Перелюбе, и этот кустарник, пожалуй, тоже...» Оля и сама не может объяснить, откуда у нее появилось это: искать, коллекционировать, записывать, описывать, копаться в книгах по ботанике... Можно сказать, она сейчас главный ботаник своего края. И это помогает ей работать в производственной бригаде.

Коллекция аккуратно упакована, она не умещается на шкафах и этажерках. В сентябре коллекция переезжает. В школу. В кабинет биологии. В добрейшие хозяйственные руки учительницы биологии.

— А как же иначе? — спрашивает Оля.— Инна будет ботанику учить и другие ребята. Им коллекция пригодится.

Она уверена, что в Перелюбе будут настоящие плодовые сады. С желтыми яблоками, темно-красной вишней, грушами. Посадила же их бригада черную смородину вдоль дороги, дубы и вязы в Перелюбском парке, ветрозащитные полосы вокруг колхозных полей.

И сады будут. Даже если придется вывести специальный сорт. И сделает это не кто-нибудь, а она и ребята, которые сейчас учатся, работают в ученической бригаде и готовят себя к тому, чтобы выращивать сады. Ребятам надо только подрасти.

ВИНОГРАД, КОТОРЫЙ НЕ ОТДЫХАЕТ

«Каттакурган» — желто-белый, круглый и крупный. «Чигили» — лилово-черный, как ночь в Средней Азии. «Шивирга» исчезает во рту совсем незаметно, потому что без косточек. Если бы раньше на улице узбекского кишлака Гирван кто-нибудь остано-

вил Мухаммадана и сказал: «Ты знаешь такой виноград «каттакурган»?» Мухаммадан покачал бы головой: «Первый раз слышу».

Виноград этот появился совсем недавно на опытном школьном участке.

Ребята создавали новые сорта винограда на опытной виноградной плантации, учили биологию и химию на пятерку. Их двадцать друзей: Исмаил, Рахим, Камол, еще один Камол... Всех и не перечислишь.

Пришел однажды бригадир виноградарей из колхоза в ученическую производственную бригаду и говорит: «Есть два старых сорта винограда—«хусаин» и «чарас». Отличный, вкусный виноград. Большие урожаи дает. Только устает виноград. Один год даст хороший урожай, а другой год — «отдыхает». Или три года «работает», один — «отдыхает». Хоть плачь от обиды. Не виноград, а упрямый ишачок»

И они решили попробовать вывести новый сорт. Мухаммадан берет прививочный нож, делает на стебле «хусаина» надрез, прикладывает черенок «чараса», забинтовывает. Теперь за виноградом надо ухаживать все долгое раскаленное среднеазиатское лето. Пускать воду в арыки, удобрять, полоть.

А весной все начинается сначала. За одно лето новый сорт не выведешь.

— Но это такое дело,— говорит Мухаммадан,— стоит начать, и ни за что не бросишь.

Летом он убежал из пионерского лагеря. Перед отъездом, когда оставлял ученическую бригаду, забыл ребятам сказать, какие удобрения «шивирге» нужны, он ведь бригадир. Они бы и без него все правильно сделали. Но Мухаммадан волновался ужасно, так и уехал из пионерского лагеря раньше времени.

— Я думаю,— говорит Мухаммадан,— когда на человека после учебы в школе сваливаются три месяца безделья, их очень трудно заполнить волейболом и кино. Должно быть дело.

В месяц он зарабатывает семьдесят рублей. Не так уж плохо для школьника. Половину денег отдал маме. На оставшиеся купил к учебному году новый портфель, школьную форму.

Но главное — теперь он нашел для себя работу, без которой не может жить. Ребята вывели три новых сорта винограда. Новый виноград вкуснее, урожаи больше, и он совсем не «отдыхает», как прекрасный ленивец «чарас». Каждый, каждый год «каттакурган», «чигили» и «шивирга» приносят ягоды.

Сейчас март, и в некоторых республиках нашей страны уже начались весенние работы. В других скоро начнутся. И, конечно, везде найдется дело для твоей ученической производственной бригады. Желаем тебе успешной работы!

Раим **ФАРХАДИ**

Тропинка

Невеличка тропинка
Ждет тебя у ворот,
Окликает, смотри-ка,
Прямо в школу ведет.

Убегает за город.
Ты по ней налегке
Отправляешься в горы,
В поле, в лес и к реке.

Просыпаешься утром,
И тебе хорошо.
Ты, как верного друга,
Ту тропинку нашел.

Вот раскрытая книжка,
Сядь и книжку прочти.
Книга — тоже тропинка.
Ты идешь. Ты в пути.

Пригорок

Пригорок звался высотой
В военных сводках.
И за высотку эту бой
Был не из легких.

У обелиска меж цветов
На строгих плитах
Прочтешь фамилии бойцов,
В бою убитых.

Лежат
Бесстрашные сыны...
Хочу сказать я:
В краях различных рождены,
Они все — братья!

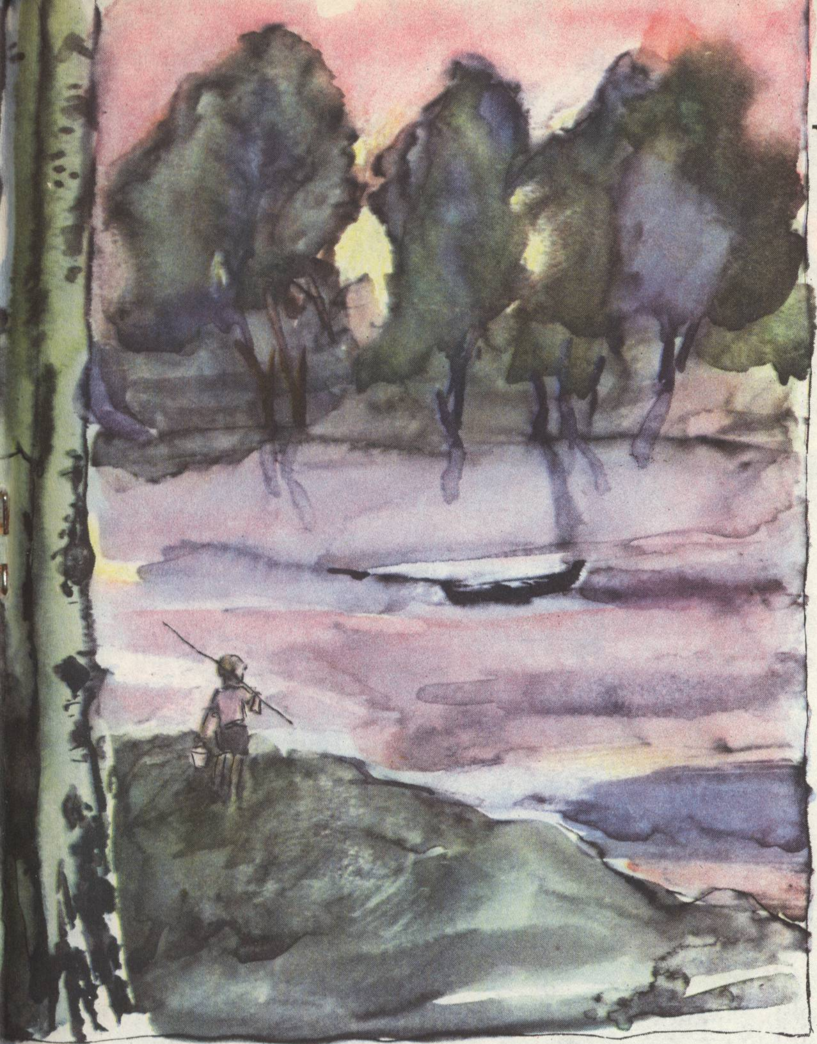
Священна тишина вокруг.
Близки до боли
Река и лес. Зеленый луг.
За полем поле.

Взойдешь и ощутишь сполна
Такое чудо:
Как на ладони, вся страна
Видна отсюда!

Егоркин портфель

У всех в портфеле книжки,
Тетрадки и линейки,
А у Егорки — птички,
Скворцы и канарейки.
Идет он утром в школу,
Весенний воздух чист.
И слышится веселый,
Задорный пересвист.
И думает Егорка,
Портфель в руке держа:
«Купить бы перепелку,
Сороку и чижа...»
Смотрите: настоящий
Есть у него скворец.
Ученый, говорящий
И важный, как мудрец.
Скворец — известный мастер
С прохожими острить,
Пить лимонад и «здрасте»
При встрече говорить.
Грустит порой Егорка:
— Я зря тебя учил...
Из-за тебя я двойку
Сегодня получил...
Помог бы ты Егорке, —
Умел бы ты читать,
За друга на пятерки
Уроки отвечать!..

Теплый снег

Сегодня с неба
Падал снег
На землю,
На дома,
На всех,
Кто проходил по мостовой.
Снег падал на меня с тобой.
И я сказал:
— Еще зима...
Вокруг снежинок кутерьма,
Огромный
Белый снегопад.
Деревья в парке
Крепко спят...
Еще зима. Но мне в ответ
Ты произнес с улыбкой:
— Нет!
Смотри,
Проснулись тополя,
Стоят, ветвями шевеля!
А снег над ними не простой:
Снег падал
Теплый, озорной!
Кружился снег. И в тот же миг
Он исчезал, как и возник.
Едва касался он земли
И таял.
И ручьи текли.
Машины мчались. Люди шли.

Снег падал.
Теплый, озорной...
И пахло в воздухе
Весной!

Добрые слова

Я хочу на зорьке встать,
Солнце первым повстречать,
Крикнуть:
— С добрым утром, солнце!
И оно мне улыбнется.
Сразу станет мир светлей,
Зашумят листвой деревья,
Звонче запоет ручей,
Зорче будет взгляд, добрее.
Дерево мне дарит тень,
Спелый плод ложится в руку.
Говорю я:
— Добрый день! —
Дереву тому, как другу.

Ветерок подул опять
Над полями возле речки.
Так и хочется сказать:
Добрый ветер,
Добрый вечер!

Перед сном смотрю в окно —
Сколько звезд, светящих точек...
Было бы без них темно.
Им скажу я:
— Доброй ночи!

Самый яркий из цветов

Хлопок наш
Пушист и легок.
Белый хлопок,
Нежный хлопок!
В поле он
Согрет лучами,
В поле он
Умыт дождями,
В поле он
Взращен руками
Хлопкоробов-
Мастеров.
После,
Собранный с кустов,
Он тепло
Нам возвращает,
Целый мир
Одеть готов.
Белый хлопок
В нашем крае —
Самый яркий
Из цветов.

Рисунки
Б. ПОЛЯНСКОГО.

Юрий КАЧАЕВ

ДРЕВНИЕ СТРАЖИ РУСИ

НА ЮГЕ

Жил в стародавние времена в стольном городе Киеве славный богатырь Козьма. Был он, говорят, лучшим кузнецом у великого князя Владимира Святославича.
И появился в то время в округе киевской лютый Змей. Много народу потаскал он в свое логово, потаскал и поел.
Вышел с ним на смертный бой богатырь Козьма и одолел Змея, и начал тут Змей молить Козьму:
— Не бей меня, Козьма, до смерти. А я не стану больше Русскую землю зорйть.
— Будь по-твоему,— сказал Козьма.— Только прежде надо межу проложить, да чтоб ты ее переходить не смел.
Сделал Козьма соху в триста пудов, запряг в нее Змея и пропахал к югу от Киева борозду.
И до сей поры борозда эта кое-где по степи видна, стоит она валом сажени в две высотою.

Так говорит легенда. А правда в ней та, что остатки Змиева вала сохранились и поныне. Это была исполинская (даже по нашим понятиям) оборонительная линия, которую князь Владимир возвел для защиты своих владений от врагов-кочевников. Змиев вал достигал восьми метров высоты при ширине вдвое большей. Часто он шел по берегам рек, и реки создавали водную преграду перед валом. А по гребню его в самых опасных местах стояли пограничные городки-крепости: Белгород, Василев, Торчь, Витичев, Вышгород, Пересечень, Треполь. Они были обнесены еще одним насыпным валом с частоколом из дубовых бревен. Чтобы насыпь была прочнее, внутрь ее вкапы-

вали деревянные каркасы-срубы, набитые землей и камнями.

На самом верху стены настилался боевой помост для защитников крепости. С внешней стороны помост ограждали «заборола» — брустверы, за которыми воины укрывались от вражьих стрел.

Заборола рубились из бревен, но иногда их сшивали из теса. Так, в Лаврентьевской летописи под 1097 годом рассказывается, как князь Мстислав, будучи осажденным в городе Владимире-Волынском, **«внезапу ударен бысть под пазуху стрелою на забородех сквозе доску... и на ту нощь умре».**

Наиболее уязвимым местом обороны были, конечно, ворота, и их оберегали особенно зорко. От воротной башни через ров перекидывался деревянный мост. В случае опасности его сжигали. Чтобы затруднить подход к воротам, на внешнем склоне рва горожане ставили «надолбы» — короткие обрубки дерева, вкопанные неподалеку друг от друга. Задача их была та же, что и у современных противотанковых надолбов, — задержать врага под обстрелом с близкого расстояния.

Природные условия восточноевропейской равнины, бедной камнем и богатой лесом, надолго определили материал, из которого строились пограничные крепости. Поэтому некоторые зарубежные историки говорят об отсталости «деревянной» Руси по сравнению с «каменным» Западом. Но это исторически неверно. Еще в глубокой древности новгородцы и псковичи использовали камень в военно-инженерном строительстве.

СЕВЕРНЫЙ ОПЛОТ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Обширные владения Господина Великого Новгорода простирались за Урал, а на севере доходили до Студеного моря. Земля новгородская была богата тем самым белым

Рисунки Ю. КАРПОВОЙ.

камнем — известняком, из которого в средней и западной Руси возводились только храмы. Вот почему на северо-западных рубежах нашей страны каменные крепости появились очень давно. Новгород и Псков сражались не с полудикими кочевыми племенами, а с грамотной военной силой шве-

Такие деревянные стены вставали на пути кочевников, когда они нападали на пограничные русские города. Защитники городов-крепостей, укрываясь за брустверами - «забороламu», отбивали натиск врага.

дов и немцев, хорошо знакомых с новейшей для того времени техникой осады.

За свою тысячелетнюю историю Новгород создал три линии укреплений: детинец (кремль), внешний оборонительный пояс и малый земляной город, который полукольцом окружал кремль и прикрывал подступ к нему.

Первое письменное сообщение о строительстве **каменного** Новгородского Кремля относится к 1044 году, когда «князь Владимир **заложил** город». Если бы стены возводились из дерева, летописец сказал бы: «**срубиша** город». С годами стены перестраивались и становились все толще, по мере того, как возрастала мощь огнестрельного оружия. Позднее вся стена Новгородского Кремля (общая длина ее — 1 385 метров) была одета в кирпичную рубашку. В XV веке толщина стены местами достигала пяти метров, а высота — десяти. Вдоль стены возвышались двухметровые боевые зубцы в виде ласточкиного хвоста — за ними укрывались лучники.

Так выглядел Новгородский Кремль в XVII веке (наш художник срисовал его со стариннойгравюры). Кремль много раз перестраивали. Укреплялись стены, возводились новые башни, ремонтировались старые. От древних построек почти ничего не сохранилось, и мы, по существу, не знаем, как выглядел Новгородский детинец в самом начале. Известно только, что тогда, в XI веке, было несколько каменных башен и глубокий водяной ров. В северной части Кремля располагался Софийский собор (он виден и на этом рисунке), в южной — здания городских властей. Главными воротами были Пречистенские. Они расположены в Пречистенской башне, на которой ты видишь часы (часы установили в XVII веке). Правее этой башни — Тайничный городок.

Башен в древнем Кремле было тринадцать — одни из них были проездные, другие «глухие», но все многоярусные и с бойницами для стрельбы. С внешней стороны Кремля, напротив Софийской звонницы, находился Тайничный городок, откуда во время осады защитники через потайные ворота могли брать воду. Колодец-тайник деревянными трубами соединялся с рекой Волхов.

Вторая линия обороны — внешний оборонительный пояс. Общая протяженность его составляла одиннадцать километров. Это был громадный земляной вал с такими же деревянными стенами по гребню, что и в киевских крепостях. Правда, некоторые прясла[1] новгородских стен были каменные. Стены шли вдоль Волхова, защищая город со стороны реки.

Третью линию обороны, малый земляной город, новгородцы возвели по повелению Ивана Грозного. Она состояла из земляного вала, глубокого рва, наполненного водой, и шести мощных бастионов. По валу также шла стена с боевыми башнями. На строительство малого города царским указом были согнаны почти все жители Новгородской земли. Вот как говорит об этом летописец: **«...И как учала осень быть и новогородцы тот ров копали в самую дождливую пору и в заморозы, с великою нуждою бродили в воде и в грязи по пояс и... многие молотчие люди и вдовы оскудели и обнищали».**

Несмотря на все трудности, пятьдесят лет спустя новые укрепления были закончены.

Для своего времени древний Новгород справедливо считался неприступной твердыней. Лишь один раз в нем побывал неприятель: шведы. Тогда шла война с Польшей, и шведы были союзниками Москвы. Как союзников их и пустили в крепость. Но шведы изменили договору и перебили гарнизон крепости.

[1] Прясло — часть стены от башни до башни.

ФОРПОСТЫ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА

Они вставали на пути непрошеных гостей с Запада, принимая на себя первый удар: Ладога, Псков, Изборск, Остров, Юрьев, Иван-город, Орешек, Порхов...

Только Псков выдержал тридцать осад и сто двадцать раз участвовал в кровопролитных войнах. Это о псковичах с нескрываемым изумлением писал польский король, знаменитый полководец Стефан Баторий: **«Они в защите своих городов не думают о жизни: хладнокровно становятся на места убитых и взорванный действием подкопа пролом закрывают грудью: День и ночь сражаясь, не сдаются».**

Почти непрерывно находились под угрозой вражеского вторжения крепости Изборск и Порхов.

Изборск — один из древнейших городов Руси. Впервые летописи упоминают о нем еще в IX веке. Городок стоит на каменистом мысу, который высоко поднимается над долиной реки Смолки. Северная стена крепости проходит по самому краю отвесной скалы; западную же сторону некогда защищали мощные стены и глубокий ров. Въезд был с юга — в виде каменного коридора в стене. Такие устройства назывались захабами. Противник, ворвавшийся в ворота, подвергался губительному обстрелу сразу с двух сторон.

Здесь тоже была башня с колодцем-тайником. В 1342 году рыцари Ливонского ор-

дена предприняли попытки захватить Изборск. **«Приходиша же немцы силою великою с пороки** (с камнеметами) **ко Изборску и стояша под городом 11 ден и мало не взяша его».** Дело в том, что по какой-то причине у изборян испортился колодец-тайник, защитников мучила жестокая жажда, но они не сдавались. Осада кончилась неудачей, и немцы **«отьидоша прочь пожегше пороки и грады** (осадные башни) **и весь запас свой не ведающе, что во Изборьске воды нет».**

С 1330 года, когда в Изборске была построена каменная крепость, до воссоединения с Москвой в 1510 году, город выдержал восемь осад. Стойким оплотом государства он продолжал оставаться и в XVI веке, когда Русь вела борьбу с Литвой и Польшей.

Не меньше испытаний выпало и на долю Порхова. В его толстых стенах — в отличие от других крепостей — были лишь одни проезжие ворота, зато двойные. За первыми наружными было небольшое закрытое пространство перед башней. Под башней находился сводчатый проезд. Через него вошедший попадал в узкий проход между стенами — захаб. В конце прохода были еще одни ворота, они вели уже внутрь крепости. Наружные ворота перекрывались двумя крепкими решетками. Они опускались из небольшой башенки с бойницами. И проход перегораживался решетками. Они опускались из особой камеры, в которую можно было попасть лишь с городской стены.

Гарнизоны (тогда их называли засадами) всех древних крепостей были так малочисленны, что невольно дивишься несокрушимой отваге их защитников. В сметной книге Порхова, где велись записи всех живущих в городе, сохранились следующие строки: **«И всех в городе Порхове стрельцов пятьдесят человек, пятидесятники да четыре человека десятники... А бою у тех стрельцов у всех пищали из государевы казны, а топорки и бердыши покупали они из себя. Три человека пушкарей, два человека воротников... И всех у порховских стрельцов детей и братьев и племянников, которые в государеву службу не написаны, сорок человек...»**

Боевые летописи наших древних крепостей — это не просто пожелтевшие страницы, тронутые жарким дыханием времени и далеких войн. Это наградные листы истории, свидетели воинской доблести и славы наших предков.

«Вот по небу голубому тучка тихо поплыла и с собою на прогулку дождик маленький взяла». Я прочел эти строчки Володи Иванова и почувствовал внутри себя радостную волну. Такая волна возникает, когда читаешь хорошие стихи. А это были именно такие стихи.

Володя Иванов — тринадцатилетний мальчик. Он показал мне не одно, а, наверно, сто или двести стихотворений. И много раз на душе у меня становилось радостно от его искренности и доброты.

Володя живет напряженной внутренней жизнью. Беседует с лесом, с поездом, с ветром, со временем.

«Если где-то споткнусь по дороге, незаметно мне встать помоги», — обращается Володя к своей удаче. Уже по этим словам видно, что у него есть характер, необходимый для преодоления трудностей.

Я желаю Володе Иванову никогда не расставаться с поэзией.

Владимир ПРИХОДЬКО

Володя ИВАНОВ,

г. Ленинград.

* * *

Размахнусь сплеча
Да пройдусь с косой
Утром до света
По траве с росой.

Ты укрой, туман,
На лугах меня.
Ржанье чую я
Своего коня.

Разломал мой конь
Свое стойло,
Пить не хочет он
Свое пойло.

Пойду, отпущу
По лугу гулять.
Травы сочные
Будет он щипать.

Колокольчик

На лугу зазвенел колокольчик,
Приподняли головки цветы
И спросили: «Скажи, что случилось?
Почему же звенишь громко ты?»

«Травы, травы! На помощь спешите!—
Колокольчик заколокотал.—
Посмотрите, как бабочка плачет,
Кто-то крылышко ей поломал».

Расстелилась трава покрывалом,
Мотылек опустился в постель,
И на крылышко капали росы,
И качал ветерок колыбель.

Распрямились у бабочки крылья,
Стали яркими, будто цветы.
Снова по полю где-то летает.
Может, встретишь когда-то и ты.

* * *

Вот вдоль оврага мчится
поезд.
Березки водят хоровод.
В вагоны входит
и выходит
На каждой станции
народ.

И машинист в пути сигналит,
Дает приветственный гудок.
Чуть тормознет он
под уклоном.
Курс держит прямо на восток.

В вагонах спят
спокойно люди.
Лишь проводник один не спит.
Он тихо каждого разбудит,
О выходе предупредит.

Белый конь

Несусь я на белом, красивом коне,
Мальчишки вдогонку кричат что-то мне.
Но мне не до них — я взлетел выше гор,
И вот всей России я вижу простор.

Я вижу моря, города и леса,
Я вижу, как звезды плывут в небесах.
Купается в синих озерах луна.
Неуж всё Россия?.. Конечно, она.

Летают ракеты, плывут корабли.
На пашнях колхозных машины вдали.
И мчатся, как ветер, везде поезда.
Горит над землей красным светом звезда.

Вдруг вижу: встречают мальчишки меня.
Я спрыгнул с ретивого быстро коня.
Горшок мне сметаны мальчишка
вручил...
И надо ж, будильник меня разбудил.
Не жаль мне сметаны, не жаль даже сна,
А очень уж жаль мне красавца коня.

Фантазии

На льду играют в баскетбол,
А на земле — в хоккей.
На потолке идет футбол,
А на стене — спидвей.
Зимой пошел однажды дождь
Арбузный с мандаринами.
А летом вдруг пошел снежок
Зеленый
И со льдинами.

Светлячки

Иду тропинкою у леса.
На улице смеркаться стало.
Люблю я летнею порою
Брести туда, куда попало.

Шагать домой не далеко.
Я доберусь вполне до ночи.
Хоть знаю — бабка, ждя меня,
Все проглядела свои очи.

Но что за чудо вдоль тропинки
По направлению реки?
И налево и направо
Рассыпал кто-то огоньки.

Горят, как тоненькие искры,
Куда ни глянь, по всей траве.
Я от восторга захлебнулся,
И закружилось в голове.

Я знал, что это не брильянты,
Я знал, что это червячки.
Но ночью, будто звезды в небе,
В траве сияют светлячки.

Увидишь днем — червяк лохматый.
Совсем не нужный никому.
А ночью звездочкой сияет,
Вот знать бы только, почему?

Когда я взрослым уже стану
И жизнь науке посвящу,
То всех жуков, червей, букашек
Из детства в жизнь я захвачу.

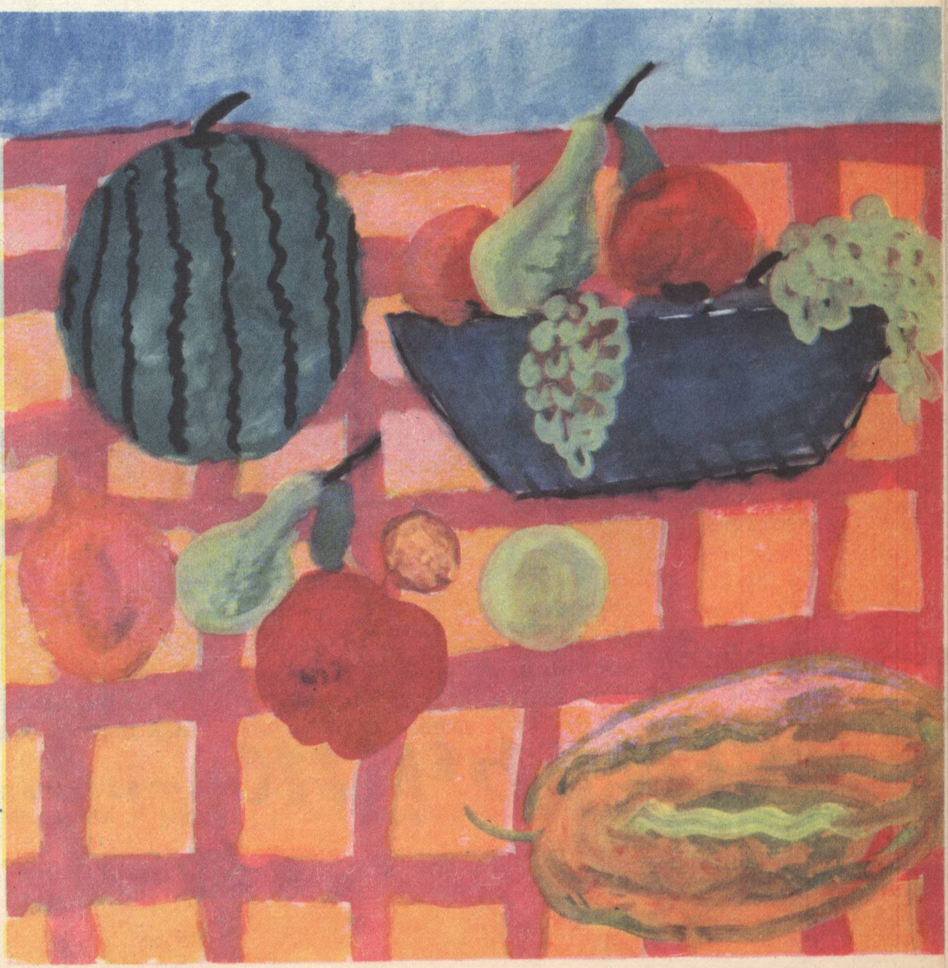
Армянские дети, даже если они всю жизнь живут у себя дома, почему-то чувствуют, что Армения очень разноцветная. Вода в ее озерах не просто синяя, а синяя-синяя, яблоки на рынке не просто красные, а красные-красные.

В сквере отдыхают люди. А на клумбе растут цветы.

А где-то сбоку пристроился мальчишка с этюдником — художник. Художник, сколько бы лет ему ни было, человек особенный. То ли глаза у него устроены не как у всех, то ли голова думает по-другому. Мы посмотрим и скажем: «Красиво». Художник посмотрит и нарисует картину. И красоту, которую мы можем оставить где-то там, он сохранит в картине. Разве не чудо: за окном зима, а на картинах лето? Жарко, ребята купаются в фонтане.

Изостудия Ереванского Дворца пионеров — это небольшая комната на самом верху. Лежат в шкафу папки с работами. Раскроешь папку — и ты уже на озере Севан вместе с Арсеном УРУТЯНОМ, человеком восьми лет, можешь на лодке покататься и поваляться на теплом песке. А уж арбузы какие и дыни! Вот так лежали они, и сладчайший виноград, и груши, и яблоки на клетчатой скатерти, так и нарисовала их девятилетняя Маринэ БАБЕЛЯН. Эти рисунки ереванские ребята подарили «Пионеру».

Наталья ХМЕЛИК

Г. ЦЫФЕРОВ

Мальчик

РАССКАЗ

Рисунки В. РУДАКОВА.

Первое животное, с которым я подружился, как ни странно, была лошадь.

В семь лет однажды какая-то бешеная кобыла понесла меня, и мужики заорали с отчаянием:

— Зашибет!

Но лошадь проскакала двадцать шагов и склонилась к траве, а я беззаботно тряс вожжами.

Дед, дрожа веком, занес над Милкой кулак и медленно распустил его, точно тугой корявый бутон. Дрожащие пальцы осторожно тронули морду лошади, и она, косясь на мужиков и на деда, насмешливо заржала.

Вот с той поры я и думаю: лошадь одно из самых добрых и насмешливых существ.

Я, разумеется, не истинный лошадник, но все мое детство и юность прошли рядом с лошадью.

Дед мой был колхозный конюх, и я тоже дневал и ночевал на конюшне.

А если строгий старик вдруг сердился и прогонял меня с конюшенного двора, я превращал в лошадь любую скамейку, любой стул. Вскоре все стулья стали потихоньку и нетерпеливо погромыхивать ножками. И бабушка всякий раз, садясь на них, испуганно вскрикивала и неслась вдаль. А я, отбивая свой узенький зад, трясся за ней. Мы неслись, а потом слезали со своих деревянных коней, счастливые, и улыбались друг другу... Но все-таки лучше было скакать в поле по утренним и вечерним лугам. В тот час звук копыт особенно звонок и светлым громом катится окрест.

Больше всего я любил ездить с дедом зимой по сено. Заиндевелая Милка бежит средь притихших равнин и толкает теплой мордой заходящее солнце, а оно прячется за лес, и последние лучи его похожи на большие лошадиные уши.

Да, в ту пору я любил лошадей. И среди всех одна была особенно мне мила — Мальчик, вороной жеребец с цыганскими глазами. И красив он был — круп, точно шелк, атлас, но характер — дьявол. Все с норовом да уровом.

Бывало, идет тихий, смирный. А только сядешь, он, как каменная балда, ни с места. В таких случаях я всегда давал ему хлебца. А он ведь и тут окручивал. Проглотит хлебец, головой мотнет: давай, мол, садись, малыш. А сам пройдет чуть-чуть и сбросит. Да смеется! Стоит себе, нижняя губа так и вздрагивает, будто он рассмеяться хочет. Вот какой конь был.

И сколько я ни старался, ни приручал упрямую животину, он всегда тянул только свою линию. И, наверное, со временем я бы совсем отстал от него. Да дед мой поглядел однажды, как я вожусь с Мальчиком, и языком прищелкнул.

— Ну, вот тебе и наказание. Характер-то у него точь-в-точь как у вашей милости. И рад бы сделать хорошее, да не может. Чертик в нем, значит, такой.

И дед показал нам рожки.

А я вспомнил о своем чертике и пожалел Мальчика. Я даже обнял его за шею. Ну разве мы виноваты? Просто у нас такие несладкие характеры.

И с той поры, хотя мы и ссорились, но все-таки дружили. Правда, он по-прежнему сбрасывал меня и сбивал хвостом, точно надоевшую муху. Но, как ни странно, теперь он делал это более вежливо и изящно. Ни разу я не упал ни на лугу, ни в поле. А только перед самой конюшней, там, где мягкий песок.

Я летел с лошади, а мой дед заливался дребезжащим самоварным смешком.

Но дед что? Дед — родственник. Вскоре прознали о том парни в селе. И стали специально собираться, чтоб на нас посмотреть. И было, конечно, обидно кувыркаться перед этой насмешливой толпой. А они еще советовали:

— А ты, Генка, подушку возьми — удобней.

И в первый раз после того разговора о чертиках я чуть не стукнул Мальчика. А он посмотрел на меня удивленно и задумчиво. Мне стало горько и стыдно. И я, как мой дед когда-то, распустил кулак. Стал гладить лошадь, уговаривать: «Ничего... ничего. Я что-нибудь придумаю».

Однако придумать мне так ничего и не удалось. Мальчик по-прежнему не мог справиться со своим характером, я, как и раньше, летел в песок, а парни прыскали.

Мне это надоело. И один раз я решил не вставать, лежать в песке до самого окончания моей юной жизни. Я пролежал минуту-другую и вижу: Мальчик ступил к конюшне, прошел немного и... повернул обратно ко мне.

И тут я сразу понял, как навсегда избавиться от насмешек. Я встал, взял Мальчика под уздцы и сказал парням:

— Вы что думали, я просто так падаю?

— А зачем же? — скребнул меня чей-то осторожный голос.

— А если Мальчика в армию возьмут и кавалериста ранят, тогда что?

Все замолчали. И опять тот же скребущий голос коснулся меня:

— Так ты, значит, раненого кавалериста представляешь?

— Ну да. Смотри! — Я вновь сел на коня, разогнал его пошибче и уже сам легким комочком скатился вниз.

Сколько прошло времени — не знаю. Летнее небо стало серым, и гуси по небу летят.

Я закрыл глаза. И тогда мне в лицо ткнулось что-то мокрое и теплое... Мальчик! Он самый. Да только какой-то другой. И в лице такое выражение, словно он хотел меня отругать, сказать: «Ну зачем же ты меня так пугаешь?»

И мы расцеловались с ним, а кругом все

стали шуметь и тоже лезли целоваться к Мальчику.

С той поры я мог падать сколько угодно, каждое падение лишь увеличивало мою славу. И я лез из кожи, словно тесто к празднику. Скоро слухи обо мне дошли до районной газеты и в ней напечатали заметку.

Меня даже на какой-то слет хотели послать в июле. Но в июне пришла война, и никаких слетов уже больше не было.

Сейчас каждый день мужики брали напрокат расписную председательскую бричку и в последний раз катались по селу.

Тряслись и завивались свадебные ленты. Мужики венчались с войной. Молчало село, молчали окрестные деревни, а мы с дедом тоже молча выкатывали эту бричку, обряжали ее.

А потом дед гладил бумажные цветы на ней и всякий раз вздыхал громко: «Эх, Митька, эх, Ванька!»

А вслед за мужиками чуть позже стали брать лошадей.

И дед, провожая их, вздыхал все так же: «Эх, Милка, эх, Якорь...»

Пустело село, пустела конюшня.

И ночами пустые стойла пугали нас. Они были точно открытая могила. А утром дед проходил по конюшне и отрывал таблички, которые когда-то он старательно писал химическим карандашом: Лазурь, Желудь, Ветерок, Голубчик...

Таблички те оставались в конюшне деда, ему жалко было их выкидывать, и он все перебирал их, раскладывал, будто играл на этих странных картах...

Через месяц пришла повестка на Мальчика.

— Веди сам! — сказал дед.

Я отпросился погулять с ним в последний раз. В последний раз поскакал перед конюшней, а потом упал и долго смотрел на него снизу вверх.

От Мальчика шел теплый пар. Он был весь какой-то домашний и напоминал мне огромный добрый самовар. И, наверное, оттого, что он напоминал мне что-то домашнее, стало жаль его. Заныло сердце, и я не спал три ночи. А потом я выпросил у деда табличку с именем «Мальчик», вставил ее в рамку и повесил на стенку, где висели семейные фотографии отца и матери.

Бабка только головой качала, а я не ходил больше на конный. Боялся расплакаться.

Лошадей все брали и брали, дед мрачно шутил:

— Вот так, ваша милость, на коровах скоро поедем.

Впрочем, как оказалось впоследствии, дед шутил недаром... В тот день я сидел дома, учил историю. И едва лишь дошел до походов Александра Македонского, как на улице зашумело. Я попятился от окошка...

Из-за поворота, скрипя, выползла телега, а перед ней... слоновые бивни.

Да, так мне показалось вначале, пока я все еще думал о Греции. Но тут слон замычал, и я наконец понял: да это же корова, братцы!

Она была запряжена в телегу, и на той телеге совсем не Александр Македонский, а мой дед Иван Михайлович Вылегжанин. Он сидит, насупясь. Какая-то бабка, глядя на него, крестится. Другая, подбоченясь, кричит бойко:

— Эй, Михалыч, смотри, зашибет!

Дед тянется за бабой, грозит ей кнутом. А коровья повозка все едет и едет и упирается рогами в наш дом.

— М-у-у! — мычит дед, входя в комнату. Затем он кладет седую голову на руки, долго молчит и говорит наконец:

— Вот война, значит. Отведи-ка ее, милок, я не могу больше...

Я отвел корову на конюшню и все думал, куда бы ее поставить. В коровник не годится: хотя с рогами, а все-таки лошадь.

И тогда я поставил ее в стойло Мальчика. И корова опять мычала, а я смеялся. Ну и скакун орловский!.. Она вдруг перестала мычать и как бы задумалась. Глаза ее стали теплыми, влажными. И я отвернулся. Бедняга, ей бы травку щипать, молоко давать, а она телеги возит.

Где-то в отдалении заржала лошадь, корова прислушалась, и по потному крупу ее прошла дрожь. Наверно, она тоже заржать в ответ хотела, но у нее ничего не вышло.

Я снова ей посочувствовал и почему-то вдруг вспомнил сказку о гадком утенке. Там в конце сказки на зеркальном озере он стал прекрасным лебедем, белоснежным видением. А что корова? Разве когда-нибудь станет она прекрасной лошадью? Конечно, нет. И потому я не сказал ей ничего утешительного. Я просто погладил ее.

Ну, вот и все.

Так кончилась эта история о лошади и корове.

После войны нам прислали трофейных лошадей.

●

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Закончился Всероссийский конкурс «Союз Серпа и Молота» на лучшее литературное произведение для детей. Его проводили Государственный комитет Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, Союз писателей РСФСР, Союз художников РСФСР.

Жюри присудило:

ПЕРВЫЕ ПРЕМИИ

Воронковой Любови Федоровне за повести «Внучек Ваня» и «Сад под облаками»; **Мусатову** Алексею Ивановичу за повести «Дубовые листья» и «Хорошо рожок играет» (печаталась в «Пионере» в 1974 году, №№ 11, 12).

ВТОРЫЕ ПРЕМИИ

Барановой Марте Петровне, **Велтистову** Евгению Серафимовичу за очерки «Излучать свет»; **Жуковой** Ариадне Степановне за публицистический рассказ «В. И. Ленин в рисунках художника»; **Лиханову** Альберту Анатольевичу за повесть «Мой генерал» (печатается в «Пионере»); **Чичкову** Василию Михайловичу за повесть «Эти непослушные сыновья»; **Устинову** Николаю Александровичу за иллюстрации к книге Л. Воронковой «Солнечный денек».

ТРЕТЬИ ПРЕМИИ

Баныкину Виктору Ивановичу за повесть «Счастливое лето»; **Коршунову** Михаилу Павловичу за роман «Подростки»; **Лапцую** Леониду Васильевичу (автору), **Грудининой** Наталье Иосифовне (переводчику с ненецкого) за поэму «Эдейка»; **Леонову** Владиславу Николаевичу за повесть «Хозяин морковного поля»; **Мухиной-Петринской** Валентине Михайловне за повесть «Океан и кораблик»; **Николаеву** Владимиру Николаевичу за сборник «Белая вахта»; **Печерскому** Николаю Павловичу за повесть «Будь моим сыном»; **Рыжих** Николаю Прокофьевичу за рассказы «Необыкновенный заплыв»; **Васильеву** Олегу Владимировичу за иллюстрации к книге Е. Пермяка «Первая рыбка».

ПООЩРИТЕЛЬНЫЕ ПРЕМИИ

Богатыреву Владимиру Григорьевичу за «Степную повесть»; **Васильеву** Ивану Афанасьевичу за повесть «Как жить будете, мальчики»; **Глебову** Алексею Дмитриевичу за повесть «Горячее солнце»; **Киселеву** Виктору Владимировичу за поэму «Лес идет»; **Маслову** Юрию Дмитриевичу за повесть «Уходите и возвращайтесь»; **Поликарповой** Татьяне Николаевне за повесть «От весны до осени» (печаталась в «Пионере» в 1973 году, №№ 9—12); **Путилиной** Валентине Васильевне за повесть «Дом с аистами»; **Тюленевой** Надежде Константиновне за повесть «Тайка»; **Трупакову** Юрию Алексеевичу за иллюстрации к книге Ю. Узюмова «Страна Автомобилия».

ПОЧЕТНЫЕ ДИПЛОМЫ

Блинову Андрею Дмитриевичу за рассказ «Слесаренок»; **Криштоф** Елене Григорьевне за повесть «Соратники»; **Кузьмину** Льву Ивановичу за повесть «Чистый след горностая»; **Ладонщикову** Георгию Афанасьевичу за стихи «Чай с вареньем»; **Маркуше** Анатолию Марковичу за рассказы «Здесь будет город»; **Марысаеву** Евгению Клеониковичу за повесть «Солнцу и ветру брат»; **Михаленко** Константину Фомичу за повесть «Небо стоит верности»; **Письменной** Ларисе Михайловне за повесть «Тысяча окон и один журавль»; **Подвойскому** Льву Николаевичу за рассказы «Мы пионеры — дети рабочих»; **Юрмину** Георгию Альфредовичу за научно-художественное повествование «Город Урожайск»; **Годину** Игорю Михайловичу за иллюстрации к книге М. Стельмаха «Кровь людская — не водица»; **Скобелеву** Михаилу Александровичу за иллюстрации к книге В. Маяковского «Кем быть?».

ДИПЛОМЫ КОНКУРСА

Бородкину Юрию Серафимовичу за повесть «Санькино лето»; **Киселевой** Марии Степановне за повесть «Рыжее Солнышко»; **Корпачеву** Эдуарду Марковичу за повесть «Луга медвяные»; **Крутогорову** Юрию Абрамовичу за очерки «Первые» (печатались в Пионере» в 1971, 1972, 1974, 1975 годах); **Кузьминой** Людмиле Александровне за повесть «Ты да я, да все мы вместе»; **Лаврику** Александру Григорьевичу за повесть «Белая кружка»; **Туричину** Илье Афроимовичу за документальный рассказ «Мария Васильевна и четыре краски».

Серега, ну, действуй!.. Пальцы с силой рвут проволочную чеку, и граната, коротко хлопнув почти в руках, летит в фашистского пулеметчика.

Юрий КОГИНОВ

БЕРЕСТЯНАЯ ГРАМОТА

ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в № 2.

Рисунки Ю. ФОМЕНКО.

Колян не опоздал

Бывает же так! Все идет в твоей жизни, как и у других, все, как надо. И вдруг неуклюжий поворот, и ты белая ворона!

Держались они вместе, втроем. Под пыткой, казалось, не выдали б друг друга. А тут пришел решительный час, и его, Коляна, не оказалось рядом с Серегой и Зишкой. Признайся им, почему так произошло — посмешищем станешь!..

...Когда застрекотало и забухало вокруг, Колька вскочил, бросился к одежде. Глядь, а валенок и куртки нет — в чулане заперты! Никогда Колян не спорил с матерью, с детства привык: поступки и слова ее правильны, а тут впервые не совладал с собой.

— Да ты знаешь, что мы с ребятами?.. Ты листовки видела?.. А тут солдат этот...

Глянул осторожно на маму — ее лицо не дрогнуло. Лишь поправила прядку волос, как делала на уроках. Спокойно сказала:

— Я, родной мой, все знаю — и о чем говоришь и о чем еще не сказал. Потому и прошу...

И только когда по улице, уже не стреляя, пошли гурьбой партизаны, когда стало ясно, что город наш, Елена Викторовна отдала Кольке одежду, завязалась платком, накинула фуфайку и вместе с сыном — прямо к райисполкому.

А там уже толпа. Обнимаются, целуются и кто из лесу вернулся и кто здесь оставался. В коридорах не пробиться. Сизо от махорочного дыма, душно от намокших полушубков и валенок.

— Легка на помине, Елена Викторовна!

В новеньком белом полушубке, с ремнями крест-накрест — сам Калачев. Протянул маме руку и кивнул на дверь, обитую коричневым дерматином, где еще вчера был кабинет Готмана.

Колян прошмыгнул вслед за матерью. Не поверил сразу — председатель райисполкома Мыльников, Ревок, еще человек пять знакомых и... Иван Фридрихович. Сидит среди партизанских командиров в своей неизменной черной тройке с бабочкой вместо галстука.

Елену Викторовну пропустили к столу.

— Соскучилась по тетрадкам, по чернилам, а, Викторовна?— улыбнулся Мыльников. — Так вот берись-ка за протокол. Ты у нас депутат, а теперь будешь секретарем райисполкома. Пока бежала сюда, мы тебя единогласно утвердили...

Мыльников оглядел собравшихся, улыбнулся:

— Первый вопрос мы, так сказать, уже решили. Назначенный подпольным райкомом и райисполкомом и утвержденный фашистским командованием староста города Дедково Готман И. Ф. освобожден от временной работы...

Все засмеялись, а Мыльников продолжал:

— А вот это, пожалуй, надо записать — объявить товарищу Готману благодарность и представить его к правительственной награде!

Затем составили обращение Дедковского районного комитета Всесоюзной коммунистической партии большевиков и районного исполнительного комитета Советов депутатов трудящихся ко всему населению города и района.

«Под ударами Красной Армии,— говорилось в обращении,— враг бежит на запад. Оказывая поддержку частям Красной Армии в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, партизанские отряды района освободили находящийся в тылу врага советский город Дедково и прилегающие к нему населенные пункты. В городе и районе вновь восстановлена родная Советская власть.

Райком и райисполком призывают население города и района, каждого трудящегося все силы отдать быстрейшему восстановле-

нию народного хозяйства, восстановлению нашей, советской жизни...»

Когда Елена Викторовна ровным и красивым почерком записала текст и поставила последнюю точку, Калачев попросил ее прочитать документ.

— Все правильно,— сказал он.— Только в последней фразе перед словами «все силы отдать быстрейшему восстановлению» давайте вставим: «Постоянно повышать бдительность и оказывать всемерную поддержку партизанским отрядам в защите города и района».

— Город будем удерживать всеми силами,— кивнул Ревок. — Уверен, что население поможет. Натерпелись люди от фашистов.

— Дельно говорит комсомол,— согласился Калачев.— Помогать Красной Армии — первая наша задача. Передовые советские части от нас уже в пятидесяти километрах. Все действия будем согласовывать с усилиями Брянского и Западного фронтов. Но и вторая задача, не менее важная, быстрее восстановить в городе и районе нормальную жизнь.

Приняли решение: все колхозное добро, спрятанное от оккупантов, все трофейные запасы продовольствия объявить государственными, строго подсчитать и раздать населению. Попытаться пустить в действие пекарню — в общем, все, что возможно.

— Обращение к населению надо напечатать,— сказал Калачев, — сейчас же передать в партизанскую типографию.

Колян, притулившийся на корточках в углу комнаты, чтобы его не заметили, вдруг распрямился пружиной.

— Максим Степанович,— просяще глянул в лицо Калачеву.— Давайте я обращение отнесу. Только скажите, куда.

Мыльников улыбнулся и посмотрел на Елену Викторовну:

— Твой?

— Ее! — вручил Коляну бумагу Калачев.— Один из «команды» Ивана Фридриховича.

Мыльников глянул на Колю, перевел взгляд на бывшего старосту:

— Так это они у тебя, Иван Фридрихович, листовочки-то?.. Ну и хитер же ты, Иван Фридрихович. Надо же так ребят разыграть!

Колян покраснел. Ему стало обидно, что Мыльников принял его и Серегу за малышей, которые будто ни о чем и не догадывались. Но тут он услышал слова Ивана Фридриховича и покраснел еще больше. Теперь уж от внимания этих главных партизанских командиров к его, Кольки Матренина, персоне.

— Этих молодых людей мне Максим Степанович порекомендовал. Говорит: займи их немедленно, Фридрихович, каким-нибудь серьезным делом, а то они, не дай бог, самому же тебе, как вроде бы первому вражескому холую, такое сделают... Ну, что мне оставалось?— И Готман растерянно развел руками.

Колян выбежал в коридор и столкнулся с человеком, которого в первый момент не узнал. В шапке с красным лоскутком наискосок, как носили партизаны, перед ним стоял... «полицай» Фролов!

— Минутку!— задержал он Коляна.— Сережку Вавилова сегодня немножко того... В общем, царапнуло малость. Можешь проведать, он в больнице...

У каждого свои дела

Серега, когда его вместе с другими легкоранеными ввели в приемный покой, сразу же забыл про боль в руке. Кто-то по дороге в больницу снял с него пальто с набухшим от крови рукавом и наскоро перебинтовал рану. «Кость цела!— сказал партизан. — Но надо, чтобы посмотрел Антохин».

Мимо ушей проскочила тогда знакомая, очень знакомая фамилия известного в Деркове врача. А может, Серега и не расслышал ее, ошарашенный случившимся.

В ожидании приема раненые разместились кто на уцелевших скамейках и белых больничных табуретах, большинство же — прямо на полу.

После колючего, обжигающего снега, ветра, мороза растянуться на сухом деревянном полу было верхом удовольствия. Каждый понимал: тем, кого внесли сейчас в коридоры на носилках или на руках, было куда хуже: кто знает, вынесут ли их из операционной живыми.

Серега, поудобнее устроившись рядом с печью, которую кто-то уже успел затопить, внимательно наблюдал за окружающими и втайне радовался, что все так удачно вышло — он остался жив, и партизаны, сами партизаны, увидели его в бою. Теперь они, конечно, расскажут об этом Калачеву...

Все, кто находился в приемном покое, разумеется, были старше Сергея. Вот дядя Егор, мастер стеклозавода. Пуля разворотила у него на спине маскхалат и фуфайку, задела лопатку. Он ободряюще подмигнул Сереге.

Другие тоже оказались знакомыми. И те, кто пришел из леса, и те, кого арестовали на Буяновке, а потом чуть не расстреляли сегодня фашисты...

Из разговоров Сергей узнал, что Курт успел насмерть срезать автоматной очередью Хомутова, молодого гранильщика из стеклозавода, и старика, фамилии которого никто не знал.

Дядю Тихона внесли в коридор вместе с тяжелоранеными. Зишка успела сказать Сереге, что отец не ранен, у него ноги совсем сдали.

Заскрипели, хлопнули двери. Внесли и положили посредине комнаты еще двоих. На зеленых, стоящих коробом шинелях запеклись темно-бурые пятна. Фашисты!

Журкович, еще кто-то и Серега даже приподнялись от неожиданности: а этих еще зачем сюда?

— Ошиблись санитары, — раздраженно сказал Журкович.— В наш взвод надо было доставить, к Петру Добронравову, у него они всю семью расстреляли. Вот он бы их «вылечил»!

— Так-то оно так,— произнес дядя Егор.— А помните, как под Новый год, когда отряд Ревка разгромил фашистский обоз и одинединственный ихний ефрейтор удрал живехонький? Ну, удрал и удрал. Где искать его будешь в зимнем лесу? И вдруг... Сидят наши в землянке, греются. Хлоп — дверь нараспашку, и на пороге фашист! Все за оружие. Мол, теперь до последнего патрона, если фашисты лагерь окружили. А ефрейтор руки вверх!.. Плакал потом, говорил: людей встретил, от мороза и голода в незнакомом лесу не погиб... Выходит, любая душа жить хочет!

— Кто же кому жить помешал? — резко повернул к нему забинтованную голову Журкович.— Вот то-то и оно. Нет, если бы моя воля...

Журкович скрипнул зубами — то ли от боли, то ли от раздражения. Глянул под ноги — рядом фашистская каска. Сжал Журкович зубы, чтобы не застонать, да как двинет ногой по каске. С грохотом до самого порога отлетела.

Тут, припадая на ногу, в приемное отделение стремительно вошел Антохин в белом халате.

— Шум есть, а драки нет?— поднял брови на круглом, широком лице, выпустил клуб едкого махорочного дыма.— Ну-с, что там у вас?.. Быстренько осмотрите всех,— сказал врачу и сестре, следовавшим за ним.

Только сейчас до Сереги дошло, о каком Антохине говорил партизан, перевязавший ему руку! Серега был рад бы удрать куда глаза глядят, несмотря на боль...

...Лариска Антохина — полная девчонка в круглых очках, за что ее прозвали Совой,— стала приносить в школу очень интересные книжки — найди-ка у кого еще приключения Шерлока Холмса!..

Книги ходили по рукам в пятом «А», где она училась. А Колянов, Серегин и Зишкин классы прямо помирали от зависти. Наконец, Зишка сумела подкатиться к Лариске и выпросила у нее «Собаку Баскервилей». Книгу успели прочитать Зишка и Колян... А когда дошла очередь до Сереги, Лариска книгу забрала. Серега — парень с самолюбием. Свел глаза к переносью и выпалил Сове: «Обойдемся без твоего чтива!»

А назавтра зазвал к себе Коляна и Зишку и показал спрятанные в углу пять книг. Предупредил, чтобы ни Лариска, ни ее подружки не пронюхали, откуда книги.

Ночью Серега забрался на чердак антохинского дома, взял несколько книг в таких же обложках, как «Собака Баскервилей», и приволок к себе.

Колян и Зишка в один голос потребовали, чтобы Сережка сейчас же их вернул. Но тот только презрительно хмыкнул. А на следующую ночь снова попытался прокрасться на чердак, но лаз кто-то уже забил. Наверное, Лариска обнаружила пропажу и сказала отцу.

Случилась вся эта история перед самой войной. Потом Лариска с матерью уехала куда-то в деревню к родственникам. Антохин перед приходом фашистов ушел в лес... А теперь вот нос к носу встретился Сергей с Ларискиным отцом...

— И тебя зацепило? — сказал Семен Михайлович, подходя к Сергею.— В жаркое место из любопытства нос сунул?

Под нависшими бровями глаза Семена Михайловича глядели весело, и Сергею показалось, что доктор над ним насмехается! К чему это он сказал о том, что нос сунул куда, дескать, не нужно? Вот сейчас возьмет и скажет: «Ну, а книжечки не собираетесь мне вернуть?»

Однако Антохин снял бинт с Серегиной руки, потрогал кисть и велел сестре промыть и перевязать рану.

— Отец с матерью дома? — спросил Антохин и, узнав, что Сергей остался вдвоем с бабкой, распорядился.— Сейчас будем раненых кормить. Пообедаешь и домой, к Дарье, а то она, небось, слезами вся изошлась.

Ну, хотя бы спросил, отчего рана! Преспокойно перешел к другим раненым, распорядился, кого куда, и, свернув цигарку, направился к двери. И уже от порога, стоя вполоборота к Сереге, спросил:

— Вавилов, из школы много ребят в городе осталось?

— Да есть... Одни уехали, а другие, как мы...

— Н-да! Ну, ничего, скоро через фронт на Большую землю вас переправим. Моя Лариска у лесника пряталась. Тоже буду снаряжать.

Сергей насупился.

— Я и здесь найду чем заняться.

Антохин рассмеялся:

— Ты парень с характером — это я знаю.

Приподнялся со своего места Журкович:

— Вавилов и вправду молодец. Если бы не он, пропали бы пленные. А он стервеца, который хотел их расстрелять, гранатой.

— И сам чуть не погиб...— нахмурил бро-

ви Антохин.— Война, она не для ребятни. Она и для таких, как мы с тобой, тяжела.

Когда Антохин ушел, Серега успокоился. Врач он и есть врач. Ему положено заботиться о здоровье, говорить об осторожности. А принимать меня в партизаны или нет, не он, Калачев, и Ревок будут решать. А они-то, будьте спокойны, лекций по здравоохранению читать не станут. Автомат в руки — и пошел. С боем город вырвали у фашистов, силой его надо и держать!..

Так рассуждал про себя Серега, когда в больницу влетел Колян. Сбил снег с валенок у порога, рыскнул глазами из угла в угол и, увидев друга, закричал:

— Серый, дело есть!

Серега ухмыльнулся: дескать, явился не запылился. К шапочному разбору прискочил, да еще какое-то дело придумал, когда другие и вправду важным делом занимались.

Но вслух этих слов Сергей, конечно, не произнес, только руку перебинтованную чуть вперед выставил: погляди, мол, как люди воевали.

Но Колян заморгал ресницами, прямо в лицо Сереге задышал и как будто и не заметил забинтованную руку.

— Понимаешь, я сейчас из типографии. Ну, носил туда обращение, документ такой. По приказанию Калачева. А в типографии говорят: у нас бумаги ни грамма... Катастрофа. Вот я и надумал: соберем немедленно ребят, и в школу, по домам. Где найдем чистые тетради, все в типографию.

Выпалил одним духом и тут только заметил Серегин бинт:

— Ух ты, я и забыл! Фролов сказал, что тебя ранило... Случайно или кто специально в тебя?

Сергей скосил глаза в угол, где сидел Журкович, увидел, что тот не спит, слушает их разговор, и, как и следовало бойцу, процедил сквозь зубы:

— Да так, пустяк...

Колян облизал губы, обрадовался: у Сереги не рана — пустяк.

— А меня, понимаешь,— покраснел,— мать не пустила.

Серега ухмыльнулся. Прошелся не спеша взад и вперед и сказал:

— Знаешь, Колян, мне сейчас не до тетрадочек. У меня дела поважнее твоих.

Встреча с Журковичем

Дни шли за днями, а город не мог нарадоваться освобождению.

Партизаны вернулись после пяти месяцев разлуки с семьями, близкими. Задымили бани, захлопотали хозяйки, из последних, из сокровенных запасов выставляли на стол для мужей, сыновей, братьев припасенное съестное.

Многие из тех, кто с боем вошел в город, не были дедковцами. В октябре ушло из города в леса человек пятьдесят, а вернулась вон какая армия! Выросла она за счет красноармейцев и командиров, которые попали в окружение, и специального отряда бойцов-добровольцев, переброшенных через фронт на подмогу партизанам. Все они в каждом доме — желанные гости. Их не Мыльников, не райсовет расквартировывали! Как только отшумел на площади митинг в честь освобождения города, старухи, молодые хозяйки, ребятишки потянули партизан: «Дяденька, к нам...» Или: «Сыночек, родненький, живи-ка у нас».

Нет, никогда — что там за войну! — за все довоенные годы не слышало Дедково на своих улицах столько смеха и шуток, не видело столько молодых и сильных мужчин.

На другой день распахнули двери парикмахерская и фотография. И у дверей — толпа.

Объявили всем — и жителям и партизанам: можно писать письма в любой пункт за линией фронта. Рты открыли многие: это как же так, фашисты кругом?

А самолеты на что? Ночью затарахтел «кукурузник», скользя над макушками сосен. Выгрузил самое необходимое: патроны, соль, сахар, спички, газеты; забрал мешок писем и полетел через фронт на Большую землю.

Началась в городе настоящая жизнь. Хорошо, правильно началась!

Однако фашисты не забыли показать свои клыки: спустя два дня после того, как их вышибли, на рассвете попытались взять город в кольцо. Не вышло, чуть сами не попали в окружение, едва унесли ноги.

Оборона была строго продумана: в городе оставалась только часть партизан, большинство несли службу в специально построенных блиндажах, дзотах, в окопах, опоясывавших город и поселки. Те, кто был на переднем крае, сменялись, и все новые и новые гости оказывались в домах, и новые очереди вырастали у парикмахерской и фотографии...

Серега с утра бежит в центр. Вся ребятня, конечно, здесь: интересно же поглазеть на партизан, подержать в руках новенький, пахнущий маслом и порохом автомат, потрогать орден или медаль.

У Сереги рука на перевязи, обмотана старым бабкиным шарфом. Жаль только, уж очень быстро заживает! Не хотелось Сереге расставаться с повязкой.

Пройтись с забинтованной рукой среди партизан — это не то, что попросить разрешения за оружие подержаться. Коли рука на перевязи, значит, парень побывал в пекле, знает, что такое пуля. С таким и разговор не снисходительный, а на равных.

Конечно, находились и балагуры, как тот, в мохнатой заячьей шапке.

— Эй, парень! — окликнул он Серегу.— Ай за раскаленную сковородку схватился? «Заячья шапка» загоготал, и вокруг все засмеялись.

Не одного Серегу зацепила война. Вон и дед Поликарп ходит, опираясь на суковатую палку,— в последнюю бомбежку ему бревном ногу помяло. А сколько раненых отвезли в больницу. «Заячья шапка» об этом знает. Да не все ж горевать!

Сереге для дела надо показаться вот так, с перевязанной рукой, Калачеву или Ревку, тогда без разговоров — автомат в руки... Но вот где сыскать их?

Когда фашисты перешли было в наступление, Серега мельком увидел, как проскакал по площади Калачев и подался куда-то в сторону Буяновки. Завидно Сереге стало: по полушубку крест-накрест новенькая портупея, конь серый, стройный, как струна...

Ревка Серега перехватил у штаба. Только хотел рот открыть, как Василий Самсонович сам спрыгнул к Сереге со штабного крыльца, радостно потрепал по плечу: «Молодец, отчаянный парень»,— и тут же понесся куда-то бегом.

Знай кто-либо о Серегиной печали, посоветовал бы: беги на передовую... Бегал уже! Да только кто ж его пропустит на линию обороны? На каждой улице патрули, на всех выходах из города заставы. Можно, конечно, проскользнуть, да ведь на передовой нужно еще Калачева или Ревка разыскать...

Уже решил было Серега отступиться на время, рано или поздно вспомнят же о нем. Но вдруг Мишку встретил.

— Чего как шальной несешься, Кочанок? В какую-нибудь команду зачислен?

— А то!— задиристо глянул на Серегу Капустин.— В настоящую, партизанскую! Мне сам Журкович задание дал — переписать всех октябрят и пионеров. Хотят их на партизанское снабжение поставить. Вот!

— Журкович опять по пионерским делам главный?

— Эх ты! — усмехнулся Мишка.— Он же у Ревка помощник — начальник разведки в отряде.

Снова заметался Серега. Подумать только, все знали Журковича как знатного бригадира на стеклозаводе, летом — как начальника пионерского лагеря. А теперь — вот он кто! Вот бы Сережке в больнице об этом узнать, тогда бы...

И вдруг смотрит Серега: у парикмахерской Журкович стоит.

— Побриться или космы подравнять собрался?— подмигнул он Сереге.— А я во, брат, каким теперь красивым стал! — И стянул с головы шапку.

Ахнул Серега: у Журковича вместо пышной черной шевелюры блестящая бритая голова. А на самой макушке — марлевая наклейка.

— Холодно, наверное...— посочувствовал Серега, разочарованный такой переменой в Журковиче.

— Ничего,— ответил тот бодро,— зато царапину скорее затянет. Волосы, брат, к лету отрастут, когда шапку пора будет в сундук убирать. Ты, гляжу, все рукой мучаешься?

Серега опустил глаза. В голове заметались мысли.

— Вы про это?— деланно-равнодушно показал Серега на старый шарф.— Так его мне бабка повязала. Говорит: «Не застудился бы...» А у меня так, царапина одна. Можно сказать, пуля просто обожгла чуток.

Поднял глаза на Журковича. Тот серьезно, о чем-то раздумывая, глядел на Серегу.

— Ну что ж,— сказал Журкович.— Тут в одном деле мне помощник нужен. Если согласен, пойдем прямо сейчас.

Сердце у Сереги подпрыгнуло.

Серега мельком увидел, как проскакал по площади Калачев: на полушубке крест-накрест новенькая портупея, конь серый, стройный, как струна.

Веселый человек Краюшин

Дел у Коляна только поворачивайся!

С утра от мамы поступают листочки, исписанные ее красивым, крупным почерком. Это материал в завтрашний номер газеты «Народный мститель»: известия с фронтов, сообщения по стране, политические новости, ну и, конечно, жизнь района, города.

Только написано все зашифрованно. Например, так: «Бойцы партизанского отряда, которым командует товарищ С., вчера отразили натиск превосходящих сил противника в районе поселка Л.»

Колян и все, кто живет здесь, конечно, знают, что речь идет о недавнем бое, который провел отряд Сергунина в районе Любезны. Наступали фашисты из-за речки Болвы, но их отбросили снова за реку.

Почему так написано, тоже каждому понятно. Чтобы фашисты не узнали, что «Народный мститель» печатается в Дедкове. И потом: перечислишь фамилии командиров, и фашистам нетрудно подсчитать, сколько всего соединений у партизан.

Вместе с Федором Петровичем Краюшиным Колян набирает газету, а потом весь вечер они печатают ее на листках из школьной тетради — то в линейку, то в клетку, то в две косых.

В типографию приходят и другие ребята — Гришка Захаров, Генка Киселев, иногда Капустка прибежит. Но Краюшин доверяет им только работу на печатном станке. Тут нужна просто сила. А вот набор — тут руки требуются проворные и... зрячие. Надо работать быстро и точно. Будешь медлить — газета не выйдет в срок. Возьмешь из кассы не ту букву — появится в газете опечатка!

Все пальцы у Коляна в краске. И лоб и щеки тоже. Федор Петрович подтрунивает:

— Это тебе не стихи писать. Начирикал там всякие слова, а я их набирай. Тут, брат, головой надо работать.— И, взглянув на мечущиеся над ящичками кассы перепачканные тонкие Колины пальцы, добавляет:— Головой и, конечно, руками.

Краюшин — веселый человек, он выглядит молодо, озорно. Лицо у него светлое и глаза светло-светло-голубые, совсем мальчишеские, хотя ему уже двадцать четыре года.

— Помнишь, Коль,— спрашивает он неожиданно,— где мы с тобой этот шрифт откопали? Правда, красивое местечко? Слева роща березовая, справа пруд. Так вот я тебе по секрету скажу: кончится война — на этом самом месте поставлю себе огромный дом.

Федор Петрович работал наборщиком еще до войны. Уходя с партизанами, взял мешочек шрифта и маленький ручной станок. Это для походов. А станок, на котором они работали сейчас, и шрифт закопал до лучших времен.

— Тебя, Коль, по лету еще помню, когда ты в редакцию стихи принес. Не подрос ты за это время. Но мы с тобой и такие, не очень чтобы богатыри, нужнее других сейчас. Кто нас заменит? А война кончится — и поэты и наборщики во как будут людям нужны!

Колян любит слушать Краюшина. За разговорами незаметно летит время, меньше чувствуешь усталость. А дело у них действительно важное — каждый день жители района читают свежую газету.

И еще приятно Коляну оттого, что это он, Колька, бумагу для газеты раздобыл. Когда Колян приволок на санках первую кипу тетрадей, Краюшин на радостях даже обнял Кольку.

Тетради Колян собирал по дворам. Не один, конечно. Позвал Капустина Мишку, Гришку Захарова, других ребят, объяснил что к чему, и пошла ватага по улицам. Чистых тетрадей набралось сто тридцать три штуки, да еще пятьдесят одна недописанная, да обоев метров тридцать.

Обои и остатки тетрадей пошли на боевые листки, на приказы и объявления. Например, открылся колбасный цех, и Мыльников распорядился отпечатать объявление: колбасу будут выдавать по количеству человек в семье. То же и о порядке выдачи хлеба. Пекарня-то уже работает!

— Хорошая начинается жизнь!— улыбается Краюшин.— Прямо как до войны.

Но сразу помрачнел Краюшин, когда ненароком кинул взгляд в угол, где лежали тетрадочные запасы. Они таяли с каждым днем.

Калачев и Мыльников говорили, что самолеты скоро забросят бумагу. Но ее все нет и нет. Присылают медикаменты, оружие, патроны. Доставляют с Большой земли продукты, какие можно, а бумага, видно, ждет своей очереди.

Но все равно радостно на душе у Коляна. Кажется ему, будто он всю зиму спал, и вот теперь только по-настоящему проснулся.

Зима была в этом году и метельная, и снежная, и солнечная. Деревья стояли красивые, чисто и празднично наряженные.

Но никто не замечал ничего этого, не думалось о природе. Только теперь, весной, все так остро будоражит, радует: и капель, и густо-синие полосы на снегах, и вкус смоляного, соснового ветра.

— Скоро ручьи побегут, травка пробьется,— говорит Краюшин.— Тогда еще веселее жизнь будет. Бумага кончится — на березовой коре такую начнем газету печатать... Не веришь? А еще поэт! Когда-то на бересте

Серега сразу же забыл про боль в руке. Он внимательно наблюдал за окружающими и втайне радовался, что все так удачно вышло.

Только теперь Колян рассмотрел черную, четырехгранную трубу.

русские люди целые манускрипты создавали, или, по-школьному, сочинения.

— Откуда все это вам, Федор Петрович, известно?

— Так моя же профессия — буквы и строчки, строчки и буквы. А все вместе — это книги, журналы, газеты. Все вместе — наука!

«Удивительный человек этот Краюшин,— думает Колян.— Кругом война, а он о прошлом и будущем рассказывает. Наверное, и стихи пишет... Да неудобно как-то спрашивать. Потом когда-нибудь... Да и газету кончать надо».

Колька набрал последние статьи, поставил их в колонку.

— Ну, — подмигнул Краюшин, — еще одно, но не последнее сказание... Бери оттиски и беги к матери, пусть ошибки проверит и даст Калачеву подписать. А я тем временем чайку вскипячу. Остался у меня тут неприкосновенный запас, несколько кусков сахара... Ох, и запируем мы с тобой, Колян, и Гришку с Генкой чайком побалуем. Не все же им «за так» на нас с тобой работать!

«Слушайте Москву!..»

Колян так бы и пронесся по улицам из райисполкома до самой типографии, если бы на углу Бежицкой и Людиновской его не окликнул Серега.

Будто конь на скаку, остановился, повертел головой во все стороны: почудилось, наверное. Нет Сереги. Глянул вверх, а тот на столбе. Косолапо обнял столб ногами, обутыми в металлические «кошки», привязал себя поясом и что-то там, на самом верху, делает.

— Ты чего? Провод решил снять?

Захохотал Серега:

— Дурья башка, дело делаю. Сейчас радио включать будем.

Только теперь Колян рассмотрел черную, четырехгранную трубу, которую прилаживал к столбу Серега.

— Ух ты!— не то восхищенно, не то растерянно протянул Колян и рванулся с места, чтобы скорее сообщить Краюшину новость.

— Да погоди ты, делопут! — не скрывая усмешки, остановил его Серега.— Успеешь еще со своей газетой. Сейчас я слезу, на радиоузел пойдем.

После обидного для Коляна разговора в больнице друзья не встречались. Кольку тогда смутило Серегино зазнайство. И Серега почувствовал, что его занесло. Только не в его правилах было первым идти на примирение.

Останавливаясь каждый день у витрины «Народного мстителя», напечатанного на тетрадочных листах, он с восхищением думал: «Молодец, Колян! Нужное это дело!»

Но вот какой упрямый, дурной характер

у Сереги! После этих правильных мыслей приходили другие! «Ничего, ничего... Пусть собирают свои тетрадочки. А я такое сделаю — все рты разинут!»

Самому противно становилось от этих мыслей. И только когда Журкович привел Серегу в здание почты, он почувствовал, что теперь все пойдет своим ходом и не надо будет ни перед кем ершиться.

Правда, поначалу Серега растерялся, хотел даже обидеться на Журковича: уж не смеется ли тот над ним?

В комнатке, куда они вошли, Серега увидел велосипед и большой радиоприемник. Вокруг них колдуют двое партизанских радистов и с ними Иван Фридрихович и Антохин.

Серега еще в шестом классе мастерил детекторный приемник. Достал катушку, панель, собрал все по схеме, но услышал только писк в наушниках. Не вышло, как надо. Но радисты так ловко орудовали паяльниками и отверткой! Видно, для них сплетения проволочек, катушки, конденсаторы, лампы — открытая книга.

— Отличную вы идею подали, Иван Фридрихович, крутить динамо-машину с помощью велосипедной передачи,— сказал один из радистов.— Здорово и просто. А это уже, сами понимаете, признак гениальности.

— Думаю, правильнее сказать: голь на выдумки хитра!— отозвался Иван Фридрихович, и все рассмеялись.— А уж если говорить серьезно, я давно эту штуку обдумал. И генератор припас, как видите, с фашистской машины. Обменял на кусок сала у шофера. В их глазах я был будущим коммерсантом. Сегодня — продажа швейных машин, завтра — своя мастерская, а потом — чем черт не шутит!— и свой заводик. Седьмого ноября мы в первый раз с Журковичем генератор опробовали... Помнишь, Никифор?

Журкович кивнул.

— Фашисты, как угорелые, мечутся прямо у нас под окнами. Калачев головой качает: как бы, говорит, не испортили нам затею. Да только разве им догадаться, что радиоцентр в доме самого старосты!

— Снимай пальто и подержи-ка вот здесь раму,— говорит Антохин Сереге.— Надо закрепить велосипед, чтобы цепь передавала вращение сразу на ось генератора.

— Семен Михайлович, вы руки зашибете. Вам же нельзя, вы хирург,— предостерегает Серега.

— Пальцы у меня, Вавилов, железные, — говорит доктор.— Ты знаешь, что про меня в партизанских отрядах рассказывают? Будто я, когда нет под руками хирургического инструмента, простой ножовкой могу человеку операцию сделать. Мол, тут отпилит, там подрежет Антохин человека — и готово. Так что в представлении многих я не врач, а прямо-таки человеческий слесарь.

Сергей понимает, что Антохин в шутку все это рассказывает. Но партизаны в самом деле верят в Антохина, потому и волшебное мастерство ему приписывают.

— Сергей, — подзывает Журкович. — Пойдем покажу, как надо устанавливать на столбах репродукторы. Бери «кошки», монтерский пояс... Надо до последних известий успеть...

— Ну, пошли?— Сергей соскользнул со столба.— Радиоузел наш посмотришь.

Колян щупает в боковом кармане куртки сложенные вчетверо оттиски «Народного мстителя».

— Не могу сейчас... Мы вместе с Краюшиным придем... после... Честное слово, вот только тираж отпечатаем.

Сереге хочется подойти к Коляну, крепко пожать ему руку. И сказать: «Ты настоящий парень, Колян... Тихий с виду. А настоящий...»

Но вместо этого он уже на углу оборачивается:

— Приходи в любое время. А в шесть часов обязательно слушай — на весь город будем транслировать Москву.

Дел у Коляна — только поворачивайся!

Как готовился подарок...

Столько событий произошло за последнее время! Одно за другим, ну прямо как льдины на весенней реке. Что ни день, то новость.

Колян полез за шкаф, вытащил оттуда рулон выцветших листов, на которых делал выписки из стихов, и сшил себе маленькую тетрадку. Все равно на этой бумаге, в подтеках и кляксах, даже объявления не напечатаешь. А для дневника и стихов книжка в самый раз.

Первую запись Колян сделал 6 марта.

«Будет торжеств. вечер, посвященный 8 марта, и я решил подарить М. книгу.

Ура! С. все-таки взяли туда, куда он так рвался. И по заслугам! Он уже ушел на ответств. задание с Н. Е. Ж.

З. сообщила, что к нам в район прибыл воен. корреспондент центральной газеты. Обязательно надо его увидеть».

Колян экономил бумагу, потому и писал так кратко. А фамилии заменял буквами, потому что была война — мало ли кому могут попасть в руки его записи.

Но эти события стоят того, чтобы сообщить о них более подробно.

Итак, сначала о празднике и подарке. Все праздники хороши. Восьмое марта особенно. Обычно в этот день ребята приходили в школу подтянутые, торжественные. Девчата — именинницы — прыскали, видя, как они прячут за спиной подарки.

В этот день считалось обязательным настричь дома фиалок, если у кого расцвели, и принести вазон с геранью на учительский стол. И, конечно, всем — и девчатам и учительницам — написать поздравления.

Папа и Колян в этот день дарили маме какую-нибудь красивую вещь. В последнее Восьмое марта перед войной преподнесли ей зеленую вазу из сульфидного стекла.

А гулянья какие бывали Восьмого марта! В школе — торжественный вечер, в городском Доме культуры тоже. Днем катание на лошадях.

Мама очень любила самое начало весны. Сядет, бывало, с Коляном у окна и рассказывает:

— Вон, смотри, птичка-сморчок. Самая неприметная вроде, а как разголосилась, что твой соловей! Скок-скок. Трель-трель... Это овсянка. И поет она, вот послушай: «Покинь сани, возьми воз».

— Мам,— тихо скажет Колян,— откуда ты все это знаешь?

— Об этом примета народная говорит. Вот сейчас птицы отведали первой талой воды — снежницы и оживились. Снежница целебна для всего живого. Смотри, герань на подоконнике и та пышнее в рост пошла. А почему? Я ее снежницей напоила.

Сколько знает мама примет, связанных с первыми проталинами, первым ручейком, первым пушистым барашком на вербе... И месяцы она называет по-своему. Март — протальник, апрель — снегогон, май — травень...

И нынче март такой, будто никакой войны нет: небо синее и высокое, и на нем, точно паруса сказочных кораблей, пышные белые облака. Зимой никогда не бывает ни таких облаков, ни такого бездонного неба. А будет ли радостным и веселым, как прежде, Восьмое марта?

Мама сказала, что в Доме культуры будет вечер. Калачев поручил ей сделать доклад. И не одну уже ночь сидит она с коптилкой, что-то пишет.

Коляна осенило: «А что, если набрать красивыми буквами и напечатать праздничное поздравление маме. И лучше в стихах».

Но Колян тут же отбросил эту мысль. Не имеет он права расходовать на личные затеи общественную бумагу. И потом сейчас все в равном положении — и мама и все-все женщины.

Подарок сам пришел в руки.

За два дня до праздника в типографию заглянул Антохин. Поздоровался. С любопытством пробежал свежий номер.

— Молодцы, правильно делаете, что каждый день даете сводку: важнее ее для наших людей сейчас ничего нет.

Потрогал пальцем набор, сказал, что такова уж привычка хирурга — все пощупать своими руками. Потом подошел к Коляну, склонившемуся над наборной кассой:

– Вот что, Коля, тут у меня одна вещица есть... В общем, академическое собрание сочинений Пушкина.— И Семен Михайлович, развернув бумагу, положил перед Колей книгу в красном переплете с серебристо-синим обрезом.

— Издание Венгерова!— не открывая книги, уверенно заявил Краюшин.

— Как угадали?

— Семен Михайлович, дорогой, я же печатник...

— Понимаю, понимаю,— улыбнулся доктор.— Я спросил потому, что много моих книг, так сказать, без моего на то соизволения ходило до войны по городу.— И, заметив, как дрогнули длинные Колины ресницы, сам смутился.— Нет, нет, Коля, я не про тех, кто брал книги на чердаке. Да, так я буду рад, если ты вот этого Пушкина подаришь маме Восьмого марта.

Семен Михайлович надел шапку, поманил Коляна к порогу.

Про чердак Сергею ни слова... Сейчас не это главное. Главное, что́ в человеке проявилось — дурное или доброе.

...И другой подарок

Солнце опустилось за лес, и стало холодно не на шутку. К тому же Серега два раза оступился в спрятавшийся под снегом ручей. Валенки залубенели, по всему телу побежал покалывающий холод.

Теперь партизаны лежали в снегу. Ни пробежаться для согрева, ни даже встать нельзя. Метрах в сорока — железная дорога. По полотну каждые полчаса взад-вперед проходит фашистский патруль. Пройдут не спеша, остановятся, посветят зажигалками, прикуривая сигареты, и снова — шарк-шарк по шпалам.

Журкович приложил рукавицу ко рту и шумно дышит, согревает посиневший нос. Ушанка надвинута на самый лоб — знать, доходит холод до бритой головы.

Третий — дядя Егор, приятель Серегиного отца, свернулся клубочком, притулившись спиной к сосенке, и то ли дремлет, то ли задумался глубоко.

Медленно тянется время. Вон и звезды высыпали, кругом тихо-тихо. Слышно, как устраиваются на ночлег птицы. И в Дедкове, наверное, люди ложатся спать. И фашисты на станциях, в своих бревенчатых дзотах, наверное, разуваются, потягиваются.

Но должны же идти по железной дороге поезда! Хоть бы один! Огромный, груженный танками и пушками, с вагонами, набитыми солдатней. Эх, сейчас бы один такой составчик!..

Серега проваливается в дрему и тут же, ошарашенно глядя по сторонам, привстает на колени.

— Не выспался у бабки на печи?— ворчит Журкович.— Слушай! Кажется, идет...

И в самом деле из-за поворота доносится ритмичное постукивание, будто кто-то стучит о наковальню молотком, обернутым тряпкой. Потом тряпка как бы сползает, и уже бьется, грохочет железо о железо.

Дядя Егор тоже слушает, приложив для верности ладонь к уху. Поезд?..

И вот вырывается, выпятив грудь, как бегун, готовый разорвать финишную ленту, шумный, тяжело дышащий паровоз. Перед ним две платформы. На тот случай, если партизаны подложат обычную мину, которая срабатывает от первой же тяжести, придавившей ее. Но у партизан мина с дистанционным взрывателем. Надо пропустить платформы, паровоз, и только, когда состав вползет на заминированный участок, крутануть ручку электрической машинки, и весь эшелон взлетит на воздух.

Серега обхватил автомат, резко обернулся, чтобы точно рассчитать, сколько метров придется бежать по подлеску до густого сосняка, где они оставили лыжи.

«Только зажужжит, только взвизгнет в руках у Журковича «адская машинка»,— рывком в лес...»— подготавливает себя Серега.

Он привстал, обхватил двумя руками автомат.

«Ну, раз-два...» — считает Сергей и, не досчитав до пяти, срывается с места, потому что взвизгивает, жужжит в руках Журковича электрическая машинка. Серега продирается через ельник и недоуменно оборачивается: взрыва нет!

Он возвращается туда, где остались Журкович и дядя Егор, и в это время, обдавая грохотом и лязгом, уползает в темень последний вагон.

— Что случилось?— спрашивает Серега.

— Взрыватель электрический отказал, черт его дери!..

Как же теперь? Неужели встать и домой? Наверное, каждый из троих задает себе сейчас этот вопрос.

Снова тянется время. Прошел патруль: вспышка сигареты, сдавленный, спрятанный в воротник шинели смешок...

— Придется менять запал на ударный,— разводит руками дядя Егор.

— Сам же знаешь, это не то!— сердито говорит Журкович. — Первые пустые вагоны взорвутся, а состав будет цел!..

Сергей лихорадочно соображает: а если дергалку подвести такую, как они на пасеке приспосабливали, когда думали, как гранату у окна старосты взорвать?

Он трогает Журковича за рукав и сбивчиво объясняет. Журкович понял его.

— А патруль?— возражает Журкович.

Идут они, под ноги поглядывают, тут на снегу шнур!..

Да, не годится... А что если заменить взрыватель?

Серега сует в карман катушку проволоки, достает из жестяной коробки новый детонатор.

В висках стучит от напряжения. Такой в голове разливается шум, что Серега не слышит даже стука далекого пока еще поезда...

— Опять состав! — с досадой говорит Журкович.

Серега облизывает губы, спрашивает, боясь выдать тревогу:

— Патруль когда проходил?

— Минут десять, а что?— спрашивает дядя Егор.

Серега встает, раздвигает елки и...

— Ну, я рванул к «железке»... Попытаюсь, в общем...

Журкович вскакивает, чтобы удержать Сергея, но тот уже скрылся в ельнике.

— Научил на свою голову детонаторы ставить!— ругается Журкович и, обернувшись к дяде Егору, приказывает: — Пошли за ним, охранять будем. Если что случится, отсечем огнем, будем спасать мальчишку.

Солнце опустилось за лес,
и стало холодно не на шутку.

ОКОНЧАНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

1800-1844

Ал. ОСПОВАТ

Баратынский через 175 лет...

Рисунки С. ОСТРОВА.

Рождение Евгения Абрамовича Баратынского совпало с календарным началом XIX века. Его ровесники входили в поэзию смолоду, их ранние шаги были беззаботными и уверенными. Так объявляло о себе первое поколение нового века — пушкинская шеренга.

Баратынскому выпала иная судьба. Отроческие годы поэта прошли в пажеском корпусе, готовившем кадровых офицеров. До четырнадцати лет его вряд ли можно было отличить в гурьбе кадетов.

Но вскоре его самостоятельный нрав обозначился резкими штрихами. Дома с некоторым испугом читали письма: «Я не смогу служить в гвардии, — ее слишком берегут: во время войны она ничего не делает и остается в постыдной праздности... Я чувствую, что мне всегда нужно что-либо опасное — без этого я скучаю». В своем воображении он постоянно примеривал одеяние благородного разбойника, странствующего по свету.

Впрочем, фантазер жаждал действия — так в корпусе возникло «общество мстителей». «Нас было пятеро, — вспоминал позднее Баратынский. — Мы собирались каждый вечер на чердак после ужина. По общему условию ничего не ели за общим столом, а уносили оттуда все съестные припасы, которые можно было унести в карманах, и потом свободно пировали в нашем убежище... Выдумав шалость, мы по жребию выбирали исполнителя: он должен был отвечать один, ежели попадется; но самые смелые я обыкновенно брал на себя как начальник».

Игра в разбойники кончилась горько: одна из проказ настолько прогневала начальство, что Баратынский был исключен из корпуса. Родственники увезли его в деревню, в уединение, охраняемое томами античных и французских писателей из прекрасной семейной библиотеки. Здесь он впервые ощутил вкус к стихам.

Осенью 1818 года Баратынский возвращается в Петербург. Он быстро и прочно сближается с литераторами, которые не принимали на веру чужое мнение, а опирались в своих сочинениях на собственный вкус, в своих поступках — на собственную совесть. Среди них встретил Баратынский и Пушкина, поражавшего мгновенным переходом от ребячливости к недетскому вдохновению.

Через некоторое время Баратынский поселился вместе с лицейским другом Пушкина — поэтом Антоном Дельвигом. Баратынский нашел в нем не только приятного компаньона, но и чуткого, взыскательного литературного наставника. Наконец-то оказавшийся в писательском мире Баратынский всерьез осваивает поэтический опыт предшественников и современников. Этой школой он овладел почти стремительно.

В 1820 году Баратынский получил назначение в полк, квартировавший в Финляндии. Эта северная страна оказалась благодатной для его таланта. Здесь почерк поэта окреп. Из-под пера Баратынского выходят искусные лирические миниатюры — короткие, иногда очень короткие

стихотворения, в которых выражено какое-нибудь одно глубокое чувство. Свою печаль он передает с пронзительной достоверностью. Прочитав элегию «Признание», Пушкин назвал ее «совершенством», сказав, что после Баратынского не станет печатать своих элегий.

Зорко вглядывавшийся в окружающую его жизнь, Баратынский, подобно Пушкину, не скрывал от себя бѐды крепостной России. Царевых прислужников — от всесильного министра Аракчеева до литературного доносчика Булгарина — Баратынский клеймил в язвительных эпиграммах. В Финляндии он написал поэму «Эда», в эпилоге которой открыто выражает сочувствие народу, подвластному русским царям:

Но слава падшему народу!
Бесстрашно он оборонял
Угрюмых скал своих свободу.

В январе 1826 года Баратынский выходит в отставку. Поэт распрощался с Финляндией, которую он величал пестуном своей поэзии. В это же время царь жестоко расправился с участниками восстания декабристов, которые мечтали подарить своей Родине долгожданную свободу. Товарищам-декабристам посвящены строки Баратынского:

Я братьев знал; но сны младые
Соединили нас на миг:
Далече бедствуют иные,
И в мире нет уже иных.

Годы, последовавшие за разгромом восстания декабристов, составили одну из самых глухих эпох в истории России. И, пожалуй, никому из современников Баратынского не было дано выразить неустройство человека в эту эпоху с такой глубиной, как ему.

О, тягостна для нас
Жизнь, в сердце бьющая могучею волною
И в грани узкие втесненная судьбою.

В поэзии Баратынского 30-х годов произошло удивительное слияние мысли и чувства. Восхищаясь этим чудом, мы редко вспоминаем, что стоило оно своему творцу. Каждое произведение поэта — работа, дело, труд, огромная самоотдача.

С годами сумеречность — постоянная грусть, печаль — становится господствующим настроением поэта. (Последняя книга его стихотворений так и называлась — «Сумерки».) Баратынский как бы говорил своим современникам: не стройте иллюзии. И еще: идите своими путями.

Не ропщите: все проходит,
И ко счастью иногда
Неожиданно приводит
Нас суровая беда.

Эти слова тогда выслушали крайне невнимательно — их почти не расслышали.

Баратынского забывали. И, одиноким взглядом изучая действительность, поэт совершил еще одно чудо: он разглядел контуры будущего. Едва только раздался грохот «железки» — первой железнодорожной ветки, соединившей Москву и Петербург, — Баратынский писал о том, что «век шествует путем своим железным». Еще за десятилетия до крестьянской реформы 1861 года, положившей начало перестройке русской экономики, Баратынский писал о поколениях, которые «промышленным заботам преданы».

В последней книге Баратынского немало образов, исполненных такой мощной зримостью, что они вполне могут соперничать с перлами гениев. Пять слов понадобились Баратынскому, чтобы отпечатать в нашем сознании образ поздней осени: «тощая земля в широких лысинах бессилья». Такое не может осенить поэта случайно: это примета высокого дара.

Впрочем, сам Баратынский не склонен был высоко оценивать свои поэтические способности:

Не ослеплен я Музою моею:
Красавицей ее не назовут...

И в этом же стихотворении он предложил скромное, изысканное определение своей поэзии, обладающей «лица необщим выраженьем».

...Ранняя смерть Баратынского (в 44 года) воспринимается ныне болезненней, чем при первом известии. На суде времени отчетливо высветились очертания его таланта, так много открывшего нашему веку. Приобщиться к его поэзии трудно. Но это счастливый труд. И лучшей наградой этому труду явится то, что станешь человеком, о котором Баратынский писал:

...душа моя
Окажется с душой его в сношеньи...

Евгений БАРАТЫНСКИЙ

* * *

Не ослеплен я Музою моею:
Красавицей ее не назовут,
И юноши, узрев ее, за нею
Влюбленною толпой не побегут.
Приманивать изысканным убором,
Игрою глаз, блестящим разговором
Ни склонности у ней, ни дара нет;
Но поражен бывает мельком свет
Ее лица необщим выраженьем,
Ее речей спокойной простотой;
И он скорей, чем едким осужденьем,
Ее почтит небрежной похвалой.

Родина

отрывок

Не призрак счастия, но счастье нужно мне.
Усталый труженик, спешу к родной стране
Заснуть желанным сном под кровлею родимой.
О дом отеческий! О край всегда любимый,
Родные небеса! Незвучный голос мой
В стихах задумчивых вас пел в стране чужой,
Вы мне повеете спокойствием и счастьем.
Как в пристани пловец, испытанный ненастьем,
С улыбкой слушает, над бездною воссев,
И бури грозный свист и волн мятежный рев;
Так, небо не моля о почестях и злате,
Спокойный домосед в моей безвестной хате,
Укрывшись от толпы взыскательных судей,
В кругу друзей своих, в кругу семьи своей,
Я буду издали глядеть на бури света.
Нет, нет, не отменю священного обета!

На посев леса

отрывок

Опять весна; опять смеется луг,
И весел лес своей младой одеждой,
И поселян неутомимый плуг
Браздит поля с покорством и надеждой.

Но нет уже весны в душе моей,
Но нет уже в душе моей надежды,
Уж дольный мир уходит от очей,
Пред вечным днем я опускаю вежды.

Из поэмы «Пиры»

О если б, теплою мольбой
Обезоружив гнев судьбины,
Перенестись от скал чужбины
Мне можно было в край родной!
(Мечтать позволено поэту.)
У вод домашнего ручья
Друзей, разбросанных по свету,
Соединил бы снова я.

Дубравой темной осененной,
Родной отцам моих отцов,
Мой дом, свидетель двух веков,
Поникнул кровлею смиренной.
За много лет до наших дней
Там в чаши чашами стучали,
Любили пламенно друзей
И с ними шумно пировали...

* * *

Мой дар убог, и голос мой не громок,
Но я живу, и на земле мое
Кому-нибудь любезно бытие:
Его найдет далекий мой потомок
В моих стихах; как знать? Душа моя
Окажется с душой его в сношеньи.
И как нашел я друга в поколеньи,
Читателя найду в потомстве я.

Дельвигу

отрывок

Дай руку мне, товарищ добрый мой,
Путем одним пойдем до двери гроба,
И тщетно нам за грозною бедой
Беду грозней пошлет судьбины злоба.
Ты помнишь ли, в какой печальный срок
Впервые ты узнал мой уголок?
Ты помнишь ли, с какой судьбой суровой
Боролся я, почти лишенный сил?
Я погибал, — ты дух мой оживил
Надеждою возвышенной и новой.
Ты ввел меня в семейство добрых муз;
Деля досуг меж ими и тобою,
Я ль чувствовал ее свинцовый груз
И перед ней унизился душою?
Ты сам порой глубокую печаль
В душе носил, но что? не мне ли вверить
Спешил ее? И дружба не всегда ль
Хоть несколько могла ее умерить?..

...О! верь мне в том: чем жребий не грозит,
Упорствуя в старинной неприязни,
Душа моя не ведает боязни,
Души моей ничто не изменит!
Так, милый друг! позволят ли мне боги
Ярмо забот сложить когда-нибудь
И весело на светлый мир взглянуть,
По-прежнему ль ко мне пребудут строги,
Всегда я твой. Судьей души моей
Ты должен быть и в вёдро и в ненастье,
Удвоишь ты моих счастливых дней
Неполное без разделенья счастье;
В дни бедствия я знаю, где найти
Участие в судьбе своей тяжелой;
Чего ж робеть на жизненном пути?
Иду вперед с надеждою веселой.
Еще позволь желание одно
Мне произнесть: молюся я судьбине,
Чтоб для тебя я стал хотя отныне,
Чем для меня ты стал уже давно.

Кантата «Честное пионерское»

В Москве и на Чукотке, в Днепропетровске и в Артеке, повсюду девочки и мальчики, с которыми я встречаюсь, задают мне один и тот же вопрос: как рождаются песни?

На этот вопрос нелегко ответить.

В самом деле, как рождается песня? От всплеска смеха... От первой капели... От первых снежинок, растаявших на ладони... От встречи, запомнившейся надолго.

Помню, приехал я как-то в Артек, увидел пионерский отряд перед памятником неизвестному матросу, павшему в бою за освобождение Крыма. Ветер развевал алые галстуки. Пионеры салютовали героям войны. Вдали шумели морские волны. И я услышал музыку...

Так родилась у меня песня «Баллада о неизвестном матросе»...

Получил я однажды письмо из города Острова, Псковской области. Просили меня земляки Клавы Назаровой написать песню об их землячке — пионервожатой, которой посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Прекрасно было написано это письмо, так хорошо, с любовью рассказывали ребята о Клаве! Я показал письмо своему другу поэту Константину Ибряеву, и получилась песня.

Порой невозможно в одной песне полностью раскрыть тему. Тогда она продолжается, развивается в другой, третьей. Песни дополняют друг друга, и все вместе составляют кантату. Я хочу познакомить вас с моей новой кантатой «Честное пионерское».

Мне будет очень приятно, если кантата понравится вам и вы будете ее петь в дни «Недели музыки».

Юрий ЧИЧКОВ,
лауреат премии
Ленинского комсомола

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ОБЕЩАНИЕ

Слова К. ИБРЯЕВА.

Тишина, тишина.
Присмирел даже ветер.
И звучит наша клятва,
Как призывный набат.
Точно так же когда-то
В первый раз на планете
Клятву верности дал
Самый первый отряд.

Тишина, тишина.
Встали в строй рядом с нами
Годы мирных дерзаний, годы
Славных побед.
И пылает над нами
Нашей Родины знамя,
И отрядные горны
Торопят рассвет.

ЧЕСТНОЕ ПИОНЕРСКОЕ

Слова Петра СИНЯВСКОГО.

Мы доверили сильным и
смелым
Кумачовые крылья знамен,
И слова не расходятся
с делом —
Это наш пионерский закон.

ПРИПЕВ:

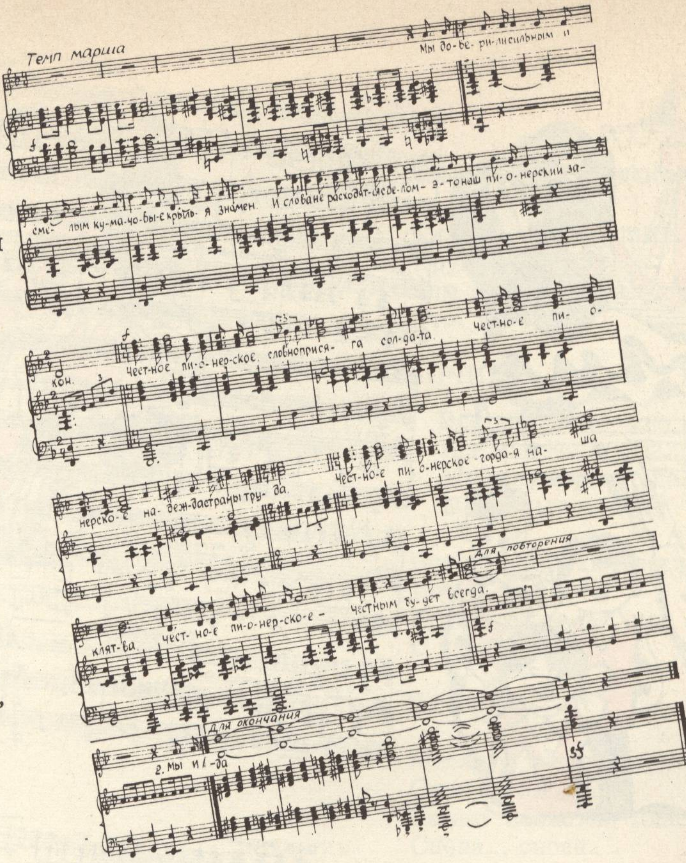
Честное пионерское —
Словно присяга солдата.
Честное пионерское —
Надежда страны труда.
Честное пионерское —
Гордая наша клятва.
Честное пионерское
Честным будет всегда.

Мы живем на чудесной планете,
Мы счастливые песни поем,
И никто не бросает на ветер
Пионерское слово свое.

ПРИПЕВ.

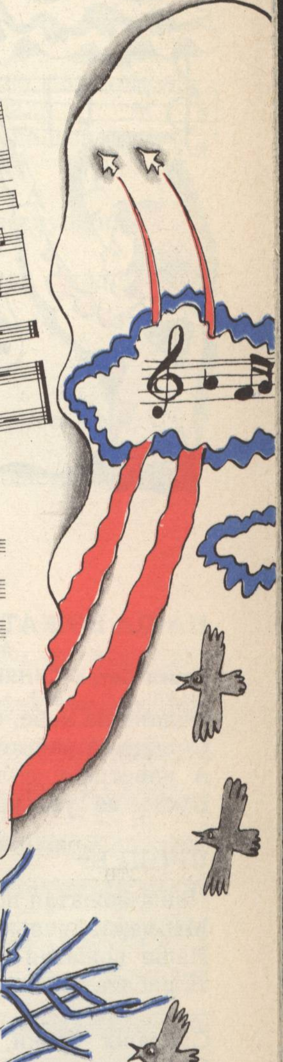
И звенят барабанные марши,
За отрядом шагает отряд,
Краснокрылые галстуки наши
В комсомольское завтра летят.

ПРИПЕВ.

ПИОНЕРСКАЯ УЛИЦА

Слова Петра СИНЯВСКОГО.

Живут здесь одни новоселы,
Здесь каждый друг с другом
знаком,
И самая новая школа
Встречает нас первым звонком.

ПРИПЕВ:

Любимую нашу улицу
Не зря Пионерской зовут, —
То там, то тут
Дома растут
И улицей любуются.
Цветы на ней
Светлей огней,
И самый дружный народ
Живет на нашей улице.

Мы липы, березки и клены
Сажаем под каждым окном
И в новых квартирах зеленых
Скворцов поселиться зовем.

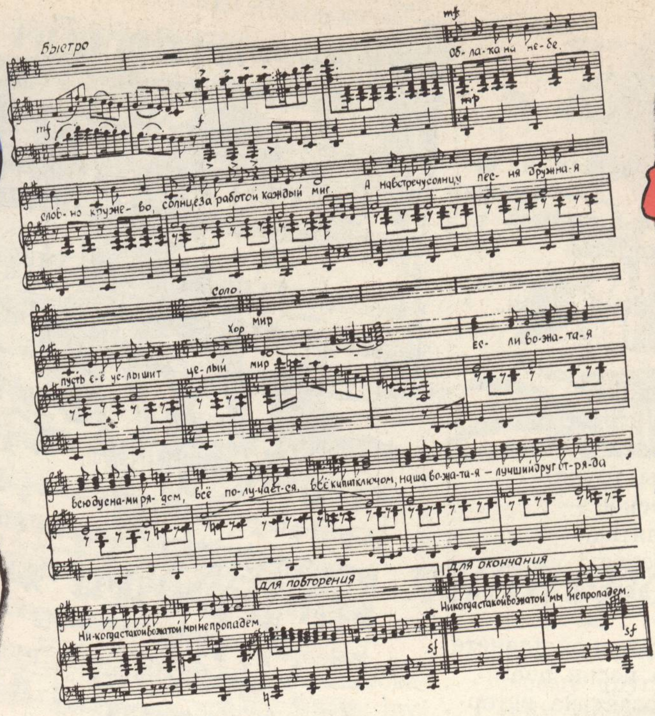
ПРИПЕВ.

Торопится солнце по крышам
Вдвоем с озорным ветерком,
И скоро весь город услышит,
Как здорово здесь мы живем.

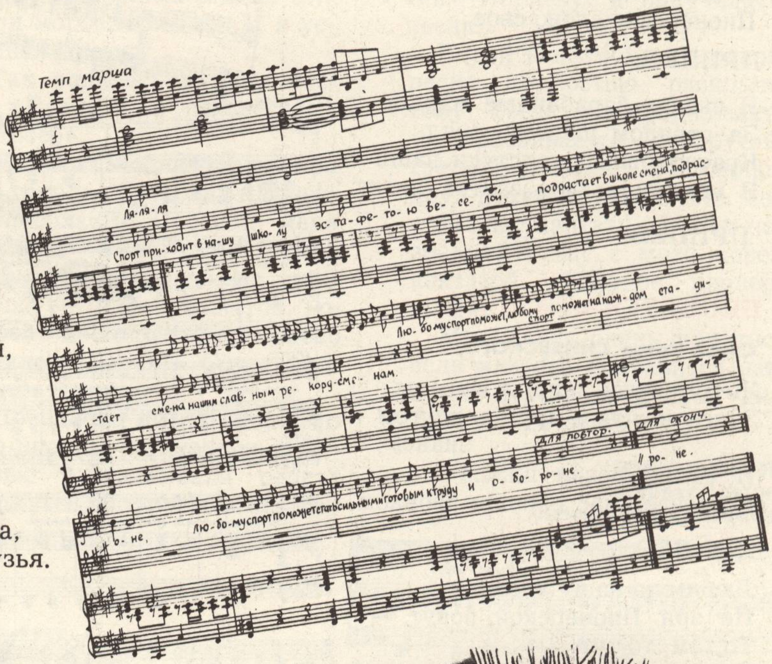
ПРИПЕВ.

НАША ВОЖАТАЯ

Слова Петра СИНЯВСКОГО.

Облако на небе, словно кружево,
Солнце за работой каждый миг,
А навстречу солнцу — песня дружная,
Пусть ее услышит целый мир!

ПРИПЕВ:

Наша вожатая всюду с нами рядом.
Мы неразлучные. Мы одна семья.
Наша вожатая — лучший друг отряда,
И ребята для вожатой — лучшие друзья.

Сделаны уроки, книжки спрятаны,
Но по распорядку каждый день
Шефская работа с октябрятами
И еще немало важных дел.

ПРИПЕВ.

Вместе с ней решаем сто вопросов мы:
Почему от соли тает снег?
Почему мартышки все курносые?
Почему у взрослых троек нет?

ПРИПЕВ.

Если станет скучно классу нашему,
Рассмешит она нас в тот же час.
С ней в кино смотрели все мультяшки мы,
В зоопарке были восемь раз.

ПРИПЕВ.

ЛЮБОМУ СПОРТ ПОМОЖЕТ

Слова Я. ХАЛЕЦКОГО.

Спорт приходит в нашу школу
Эстафетою веселой,
Подрастает в школе смена
Нашим славным
рекордсменам.

ПРИПЕВ:

Любому спорт поможет,
Любому спорт поможет.
На каждом стадионе
Любому спорт поможет
Стать сильным и готовым
К труду и обороне!
Будь готов!

В наших звеньях и отрядах
Мы дружить со спортом рады.
Как в любом спортивном
клубе,
Мы футбол и лыжи любим.

ПРИПЕВ:

Любому спорт поможет,
Любому спорт поможет.
На каждом стадионе
Любому спорт поможет
Стать смелым и готовым
К труду и обороне!
Будь готов!

И гимнастикой не зря мы
Занимаемся с друзьями,
Набираем дружным классом
Звонкой бодрости запасы.

ПРИПЕВ:

Любому спорт поможет,
Любому спорт поможет.
На каждом стадионе
Любому спорт поможет
Стать ловким и готовым
К труду и обороне!
Будь готов!

ПЕРВЫЙ ВАЛЬС

Слова Петра СИНЯВСКОГО.

Тихо звеня тополями,
Кружит ветер.
Чем-то похож на экзамен
Этот вечер...

ПРИПЕВ:

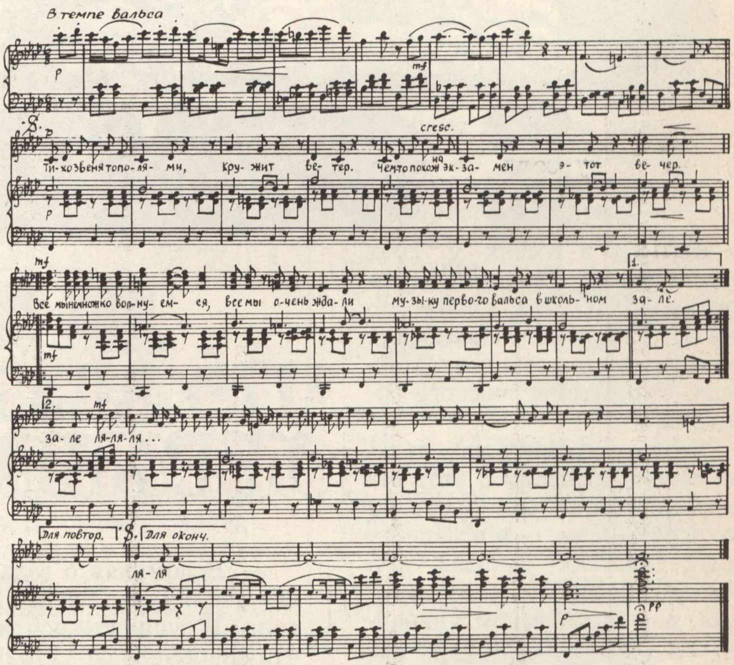
Все мы немножко волнуемся,
Все мы очень ждали
Музыку первого вальса
В школьном зале.

Всюду мелькают веснушки,
Косы, ленты.
Кружится вальс, как с подружкой,
С песней этой.

ПРИПЕВ.

Месяц с веселой грустинкой,
Словно клоун,
Бегает вальс по пластинке
Снова... снова...

ПРИПЕВ.

ПЕРВОКЛАССНИКИ! УЧАСТВУЙТЕ

В ОЛИМПИАДАХ!

Рисунки Б. КЫШТЫМОВА.

Сегодня в гостях у Трех Неизвестных **Владимир Игоревич АРНОЛЬД,** профессор МГУ, лауреат Ленинской премии, вице-президент Московского математического общества.

Март — время математических олимпиад. В этот весенний месяц они проходят по всей стране — и в маленьких сельских школах, и в Академгородке Новосибирска, и в Московском университете.

Владимир Игоревич еще школьником получал награды на математических олимпиадах, а в прошлом году был председателем Оргкомитета 37-й Московской математической олимпиады.

Мы попросили его поделиться своим богатым опытом. Вот что ответил профессор Арнольд на вопросы нашего корреспондента.

ЧТО ДАЕТ ОЛИМПИАДА?

— Вспоминая о годах своего учения, А. Эйнштейн писал: «В сущности почти чудо, что современные методы обучения еще не совсем удушили святую любознательность, ибо это нежное растеньице требует наряду с поощрением прежде всего свободы — без нее оно неизбежно погибает. Большая ошибка думать, что чувство долга и принуждение могут способствовать находить радость в том, чтобы смотреть и искать. Мне кажется, что даже здоровое хищное животное потеряло бы жадность к еде, если бы удалось с помощью бича заставить его непрерывно есть, даже когда оно не голодно, и особенно, когда принудительно предлагаемая еда не им выбрана».

Олимпиады — одна из форм поощрения любознательности и того стремления к самостоятельному мышлению, которые свойственны почти всем детям. Участвуя в олимпиаде, вы получаете замечательную возможность испытать, говоря словами поэта Леонида Мартынова, «то самое чувство, чувство стремления еще, может быть, не к творчеству, но все-таки волнение, ожесточение — словом, те самые эмоции, которые в дальнейшем дают си-

лу и возможность творить». Поэт так хорошо описал это чувство, что я продолжу цитату:

«Это чувство, заставляющее думать и делать не по правилам, читать, что не велено, рисовать, как нравится, и стремиться к тому, что хочется... все это в какой-то мере свойственно каждому художнику, фантасту, творцу».

Воспитание способности к самостоятельному, нешаблонному мышлению имеет огромное значение не только для тех, кто будет заниматься наукой. От того, сумеют ли сегодняшние школьники завтра самостоятельно думать, во многом зависит судьба нашей страны (а также и всего человечества).

Победа на олимпиаде... поражение... о чем они говорят?

Как влияет победа на школьника — участника олимпиады и как влияет поражение? Иногда можно услышать: «Победил на олимпиаде — стоит заниматься математикой, не победил — не стоит». Или же: «Победители олимпиад — зазнайки, из них ничего не выходит. Не надо тратить время на решение олимпиадных задач, лучше читать учебник математического анализа для техникумов». Справедливы ли эти мнения?

— Мне кажется, победа на математической олимпиаде имеет к серьезным математическим занятиям такое же отношение, как, скажем, победа в хоккейных соревнованиях на приз «Золотая шайба» к большому хоккею.

Подобно тому, как игры способствуют физическому развитию, решение интересных и трудных задач способствует развитию умственному. Самостоятельно найденное решение трудной задачи может стать существенным шагом в развитии личности, иногда определяющим.

Что касается математического анализа, то я не вижу ничего плохого в раннем знакомстве с ним. Эйнштейн, например, с восторгом вспоминает, как он в возрасте двенадцати — шестнадцати лет познакомился с основами дифференциального и интегрального исчисления: «Все это занятие было поистине увлекательно; в нем были взлеты, по силе впечатления не уступавшие «чуду» элементарной геометрии». Но я бы советовал начинать не с учебников для техникумов, а, скажем, с «Высшей математики для начинающих» Я. Б. Зельдовича или с книги «Что такое математика» Р. Куранта и Г. Роббинса.

Хорошо известно, что первый шаг к спорту для многих начинается с соревнования с его праздничной, приподнятой обстановкой. Других же, наоборот, атмосфера состязания парализует. Пусть каждый сам выбирает, что ему нравится.

Как готовиться? Надо ли готовиться?

— Как и перед любыми соревнованиями, перед олимпиадой полезно тренироваться (то есть решать задачи). Можно особенно рекомендовать задачи из «Встреч с Тремя Неизвестными», из отдела «Квант» для младших школьников» журнала «Квант». Школьникам постарше советую книги серий «Библиотека математического кружка» и «Библиотечка физико-математической школы».

Я имею в виду, конечно, только **самостоятельное** решение задач; прочитать решение в книге — значит потерять все удовольствие.

Как и при любой тренировке, готовясь к олимпиаде, можно перетренироваться. Обязательно занимайтесь спортом, бегайте на лыжах, гуляйте — это поможет и в математике. Перед олимпиадой нужно хорошо выспаться.

Не думайте, что победить на олимпиаде может **только** тот, кто специально готовился и тренировался. Одна из важнейших целей олимпиад — привлечь тех, для кого олимпиада первый шаг в математику. Смело пробуйте свои силы — многие победители олимпиад никогда раньше не занимались математикой.

Какая задача вам запомнилась?

— Я не помню точно, в пятом или в шестом классе мне удалось решить следующую арифметическую задачу.

В 6 часов утра две старушки вышли из городов А и В, отстоящих на 30 км, навстречу друг другу. Встретившись, они продолжали путь с той же скоростью, и пришли одна через 4 часа после встречи, другая через 9 часов в В и в А соответственно. В котором часу произошла встреча?

Это была первая задача, о которой я думал несколько дней, и переживания, которые я при этом испытал, были, в общем, те же самые, которые описал Л. Мартынов и которые я и сейчас испытываю при решении серьезных научных задач.

С какого класса начинать?

— С первого. Не стоит только превращать это в самоцель и забывать обо всем остальном. Точно так же, как и с игрой в футбол.

Мнение Анатолия Карпова

«Как научиться хорошо играть?»—спрашивают в своих письмах **Костя Егоров** (Горький), **Сережа Зайцев** (Минск), **Сережа Коваленко** (Днепропетровск).

На этот вопрос уже ответил гроссмейстер Анатолий Карпов. Вот что он сказал:

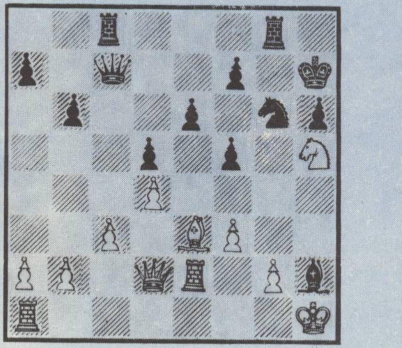
«Все начинается со школьных шахматных секций и секций в дворцах пионеров. Там делают свои первые шахматные шаги будущие чемпионы. Вам надо, ребята, серьезно играть в турнирах клуба «Белая ладья», разбирать партии мастеров. Не бойтесь поражений, только обязательно постарайтесь понять причины своей неудачи, понять для того, чтобы впредь избегать повторения допущенных ошибок».

Так играет Майя!

Шестиклассница первой тбилисской школы Майя Чибурданидзе—самый молодой международный мастер в мире. Играет она активно, упорно изучает теорию шахмат.

На недавнем женском первенстве СССР Майя сыграла ряд интересных и красивых партий.

Это положение возникло в партии **Т. Морозова—М. Чибурданидзе.** У черных лишняя пешка, но белые грозят не только дать шах

конем на f6, но и взять пешку h6. Майя неожиданно перешла в атаку.

Сражение продолжалось так: 28... f5—f4! 29. Ce3—f2 (если 29. Kf6+, то 29... Kpg7 30. K : g8 fe) 29... Фc7—e7! 30. Kph1 : h2 Фe7—g5 31. g2—g4 f4 : g3+ 32. Kh5 : g3 Фg5—h4+ 33. Kph2—g1 Kg6—f4.

Теперь все фигуры черных обрушиваются на белого короля.

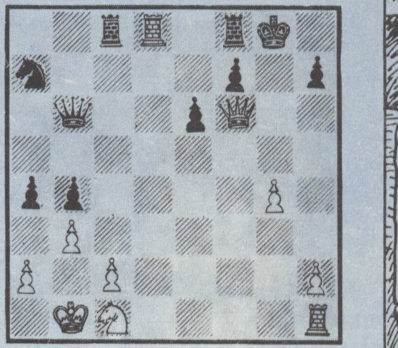
34. Лe2—e3 Лg8 : g3+! 35. Ch2 : g3 Лc8—g8 36. Фd2—c2+ Kph7—h8 37. Лa1—e1 Фh4 : g3+. Белые сдались.

Пешкин советует вам, ребята, разобрать это интересное окончание на занятиях своей шахматной секции.

Следующая позиция из партии **М. Чибурданидзе — В. Козловская.** Соперница Майи—одна из сильнейших шахматисток мира, претендентка на шахматную корону.

Конечно, ничья белым обеспечена, они могут давать шахи ферзем на g5 и f6. Но Майя уклонилась от этого мирного продолжения, она сделала очень сильный и красивый ход 33. Лd8—d5!

Используя мотив связки (ладью брать нельзя), белые решительно усиливают нападение.

33... Лf8—d8 (если 33... h6, то белые просто возьмут эту пешку) 34. Лd5—g5+Kpg8—f8 35. Лh1—f1.

Вот как надо вести атаку. Резервы белых вступают в бой.

35... Фb6—c7 36. Фf6—h6+ Kpf8—e7.

Тщетная попытка! Разгрома черным не избежать.

37. Лf1 : f7+! Kpe7 : f7. 38. Лg5—g7+ Kpe7—e8 39. Фh6 — e6+. Черные сдались.

Новый приз «Пионера»

Один почетный переходящий приз уже разыгрывается в финальных турнирах клуба «Белая ладья». Его вручают команде пионерской дружины за высокие спортивные достижения. Наш приз уже побывал в Новосибирске, а сейчас он находится в тбилисской школе № 1.

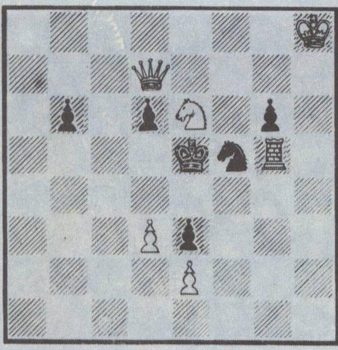
Журнал «Пионер» установил еще один приз: пионерской дружине, выступающей в финале, которая лучше всех провела турнир

«Белой ладьи» у себя в школе и привлекла наибольшее количество участников.

Этот приз будет присуждаться ежегодно.

Конкурс Пешкина

Пешкин предлагает вам задачу, которую много лет назад составил русский мастер Александр Иванович Шошин. Шошин был не только

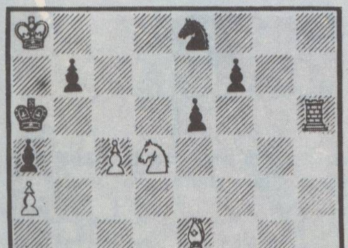

отличным шахматистом, он не имел себе равных в игре в шашки и не раз завоевывал звание чемпиона России.

В этом положении белые начинают игру и дают мат в три хода. В задаче есть очень красивые и оригинальные варианты.

А эту задачу составил другой русский мастер, Илья Степанович Шумов, еще раньше — в 1851 году. Здесь надо дать мат в четыре хода черному королю и **обязательно конем.** *Игру, как обычно в задачах,* начинают белые.

Пешкин желает вам успехов, ребята, и ждет ваших писем с решениями.

Ответственный дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Игры Деда Буквоеда

Авария

Это было в воскресенье
У слона на дне рожденья,
Гости пели, веселились,
В хороводе так кружились,
Так кружились, так вертелись,
Что на части разлетелись.
Раз-два-три-четыре-пять,
Помоги гостей собрать:
Ан-ло-ти-па-ди-ко-дил,
Ко-кро-шим-зе-пан-ко-рил,
Ена-мот-ге-бе-раф-чи,
Мур-го-ла-ле-бра-браз-жи!

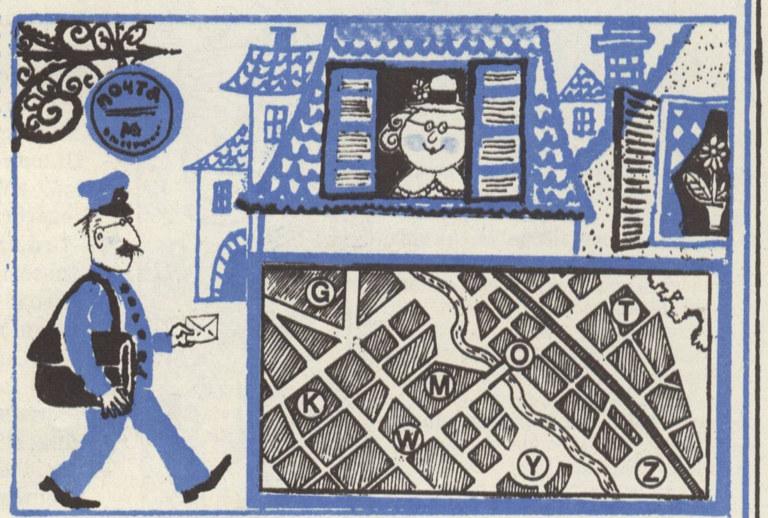

Игры Лупы и Пинцета

Амстердамский почтальон

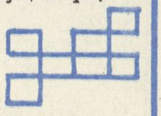
Разносит в Амстердаме
Газеты почтальон.
Определите сами,
В каком же месте он.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 2.

Игры Лупы и Пинцета

Кто послал марки Морису?
Одну марку послала Джина, одну Иржи и две Адам.
Игры Деда Буквоеда
Слова-невидимки
Муха, мука, рука, река; горн, гора, кора, коза; паук, парк, пара, жара; слон, стон, стог, итог; аист, лист, липа.
Осторожно! Играем со спичками.
Акробаты и квадраты
Вот так надо переложить спички, чтобы получилось шесть квадратов:

Теремок
К замку подходит ключ № 8.
СПАСИБО всем ребятам, приславшим стихи о Чинчуке.

Квартет

Мартышка, Осел, Козел, Медведь и Соловей собрались однажды и решили поставить на сцене басню Крылова «Квартет». Руководил всем Соловей. Договорились, что никто, кроме режиссера, не будет играть самого себя. Все шло хорошо, но вдруг уже в день спектакля Соловей сказал: «Не лучше ли всем артистам, кроме Соловья, поменяться ролями». И артисты поменялись: теперь никто не играл ни самого себя, ни той роли, которую готовил вначале. Кто же кого играл?

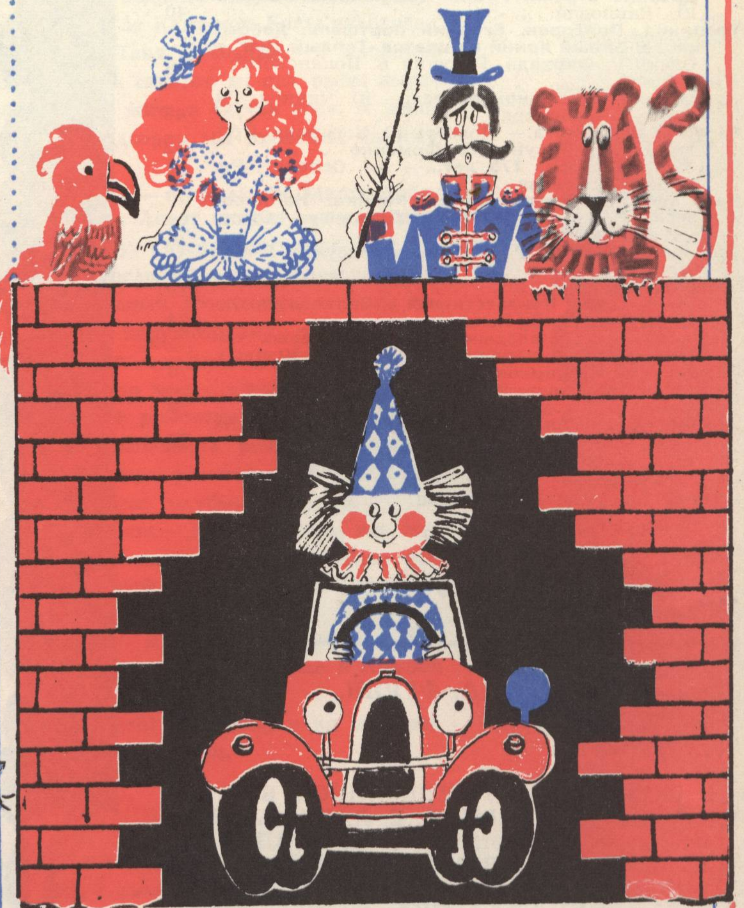
Подсказка: Козел в конце концов не играл Осла, хотя Осел готовился играть Козла. Мишка не готовился играть Мартышку. Осел не играл того, кто исполнял его роль.

История эта только на первый взгляд кажется запутанной. Распутать ее не так-то уж и трудно, если поразмыслить над таблицей.

Артисты \ Роли	Март.	Осел	Козел	Мишка
Мартышка				
Осел				
Козёл				
Мишка				

Выезжая на арену,
Я пробил случайно стену.
Времени не тратя даром,
Сосчитайте поскорей,
Сколько я одним ударом
Сразу вышиб кирпичей.

СОДЕРЖАНИЕ

Адрес для писем: 101459, ГСП, Москва, А-137, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон 253-30-73. Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 26/XII 1974 г. А 08339.
Подписано к печати 31/I 1975 г. Формат 84×60 1/8.
Объем 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л.
Тираж 1 560 000 экз. Изд. № 489. Заказ № 153.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Дозорные

Реки, речушки, ручейки — сколько их течет по нашей стране! Вот уже несколько лет как взяли их под свою охрану ребята в красных галстуках. Первые отряды голубых патрулей появились в 1970 году, а сейчас их в нашей стране более шести тысяч!

Идет весна. Сейчас самое время позаботиться, чтобы и ваша речка была чистой и полноводной.

Пусть каждый ручеек будет взят под охрану дозорными с голубыми повязками!

Дозорные составляют схему ручья Васса. Больше четырехсот рейдов по рекам и ручьям сделали ребята из Ногинска.

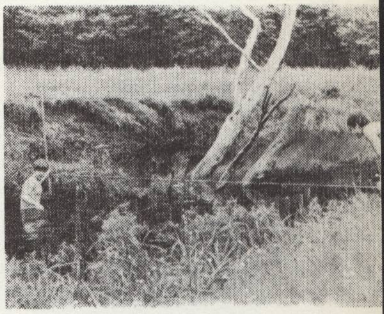

Володя Корочкин — командир отряда голубых патрулей школы № 4. Таких отрядов в Ногинском районе много. Есть у ребят и свой клуб, где показывают фильмы о реках и морях, есть школа, где можно научиться читать лекции об охране рыбных запасов. Володя Корочкин тоже занимается в этой школе.

на Клязьме

Л. ПРУНЦОВА

Так измеряют ширину ручья.

Ребята, которых вы видите на снимках, живут на берегу подмосковной реки Клязьмы, в городе Ногинске. Круглый год они работают в школьном отряде голубых патрулей.

Я познакомилась с командиром отряда Володей Корочкиным и другими ребятами — дозорными и патрульными отряда. Вот что они рассказали.

— У нас много работы и зимой и летом,— говорит Володя Корочкин.— Зимой подо льдом рыба может задохнуться — не хватает кислорода. Мы прорубаем во льду лунки, стараемся не допускать таких заморов. Но самое хлопотное для нас время — весна. После половодья в лужах остаются тысячи мальков. Лужи пересыхают, и мальки могут погибнуть. Тут уж нельзя терять времени, и мы копаем протоки, соединяем лужи с рекой. А иногда просто вычерпываем мальков и ведрами переносим в реку.

— Начиная с марта, мы особенно внимательно следим за Клязьмой. Когда половодье пойдет на убыль, начнем обследовать лужи,— говорит Таня Погодина.— В прошлом году спасли почти тридцать тысяч мальков. Представляете, сколько из них рыбы вырастет! И все же не это главная наша забота. Рыба должна жить в чистой воде. А некоторые предприятия загрязняют Клязьму. Вместе с рыбнадзором мы охраняем чистоту воды, следим, чтобы таких нарушений не было.

— И браконьеры — они тоже немало приносят вреда,— продолжает Миша Дубовицкий.— Приезжают к реке на мотоциклах, на машинах. Ловят сетями рыбу да еще и машины свои в речке моют. Масляные пятна так и плывут кругами по воде...

— Как же вы разговариваете с браконьерами, со взрослыми? — поинтересовалась я.

— По-всякому... Но главное наше оружие — фотоаппарат. Фотодокументы мы передаем в рыбнадзор, а там уж идет серьезный разговор с нарушителями.

Пионеры из отряда голубых патрулей хорошо знают свое дело. Они умеют определять виды рыб, могут снять чешуйки, не повредив их (по чешуе ученые узнают возраст рыбы). Знают правила ловли рыбы, предупреждают рыболовов, что у плотин, например, лов воспрещен. Ребята изучают ручьи и маленькие речки, впадающие в Клязьму, составляют их карты. Хорошо знают прибрежную растительность, водоросли... Они по праву заняли первое место на областном слете голубых патрулей.

— Клязьма течет по многим районам,— говорили ребята.— Нужно, чтобы все жители о ней заботились. Мы слышали, что ребята химкинских школ не меньше нас о реке беспокоятся. Но, чтобы пользы от такой работы было больше, нам нужно объединиться, действовать согласованно.

Свои знания пионеры стараются передать младшим. Я случайно услышала разговор Володи Корочкина со школьниками, которые совсем недавно вступили в голубой патруль.

— Зачем вы воду из Клязьмы на исследование берете? — спросил один мальчик.

— Ты был в Москве? — ответил Володя неожиданным вопросом.

— Был...

— Видел, на Москве-реке рыбаки с удочками сидят?

— Да...

— А ведь в других странах жители далеко не всех больших городов могут ловить в своих реках рыбу. Вода в них такая, что все живое вымерло. Обязательно нужно следить, чтобы вода была чистой! Для этого мы и берем пробы из Клязьмы и относим их на микробиологическую станцию. Если какое-то предприятие загрязняет реку, анализы сразу это покажут. Понял? Реки нужно беречь, и большие и маленькие. Тогда и рыба в них будет водиться и воду можно будет пить.

Голубые патрули из Ногинска вместе с тысячами таких же отрядов в стране заботятся о сохранении рыбы в реках и озерах, следят за чистотой водоемов, ведут исследовательскую работу.

Реки — это богатство нашей Родины. Отнеситесь к ним по-хозяйски. Берегите их, как берегут свою Клязьму ногинские ребята.

Всероссийское общество охраны природы проводит операцию «Малым рекам — чистоту и полноводность». Приглашаем всех, кто еще не начал работу, участвовать в этой операции. Обследуйте свои реки и ручьи: нет ли завалов, не мелеют ли они от заносов песка и глины. Установите посты на берегах реки, следите, чтобы берега реки оставались чистыми там, где бывает много туристов и отдыхающих.

Ждем сообщений о вашей работе!

Рисунки А. ГРИШИНА.

Реки, речушки, ручейки — сколько их течет по нашей земле! И когда чисты их воды, глубоки и прозрачны — радуется все живое вокруг. Не переводится свежая зелень по берегам, могуче поднимаются к небу леса, напоен и человек, и зверь, и птица. И самой малой рыбешке хватает света, еды и чистого воздуха...

Береги, охраняй наши реки — и большие и малые. Пусть каждый ручей будет взят под охрану дозорными с голубыми повязками. Вступай в ряды голубых патрулей!

Цена 25 коп.
Индекс 70694